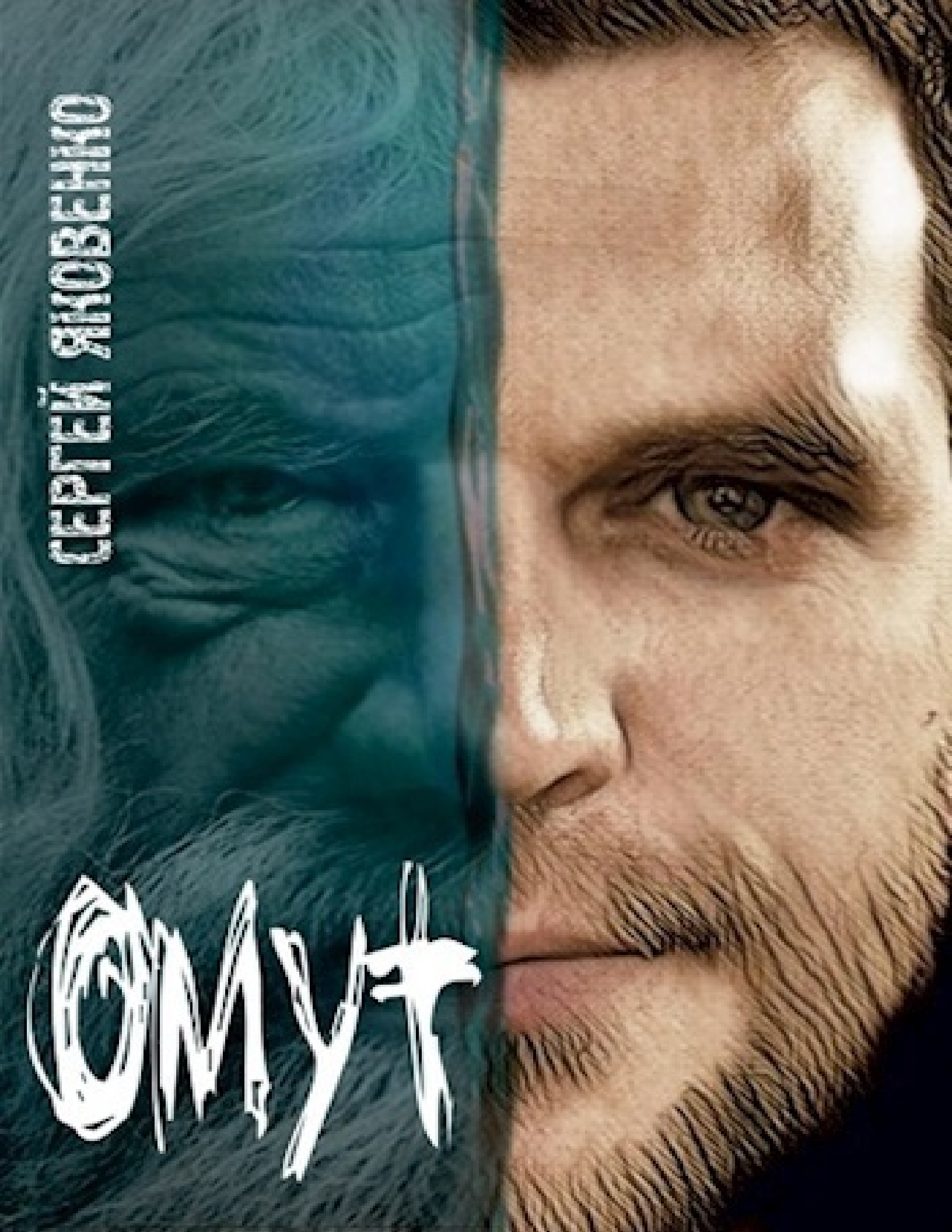

ОМНТ

СЕРГЕЙ ЯНОВИЧУ

Annotation

Жена и дочь Николая погибают в автомобильной катастрофе. Смысл жизни потерян. Есть ли шанс все вернуть назад? Это кажется полным безумием, но какое из безумств страшнее утраты любимых людей?

Наверное, самое страшное — потерять то, из чего ты состоишь.

Сергей Бодров

Сами по себе мы ничего не значим. Не мы важны, а то, что мы храним в себе.

Рэй Брэдбери, «451 градус по Фаренгейту»

Глава 1. Гроза

Мерные взмахи катушки металлоискателя убаюкивали. Сказывались и усталость, накопленная с раннего утра, и августовская духота, смешанная с пряным запахом свежееубранной пшеницы. Даже приятная тяжесть в кармане камуфлированных штанов, наполненном почти доверху имперскими монетами, как-то успокаивала. Значит, не зря ехали добрых полтора километра от родного дома, не зря растирали мозоли от безмерного хождения по свежей пахоте. Вот оно — вознаграждение! Тихо позвякивает при каждом шаге, убаюкивает.

Я посмотрел на часы. Без четверти пять... Самое время подумать о возвращении к машине, чтобы успеть выехать на трассу до наступления сумерек. А Лёху, как всегда, не видать. Снова побрел в какие-нибудь кусты-овраги. Любит он это дело.

От раскаленной земли поднимался горячий воздух, искажая линию горизонта. Сильно щурясь от низкого вечернего солнца, с трудом разглядел до боли знакомый, родной силуэт. Маша шла по полевой дороге, возвращаясь с прогулки на реку, легкой, непринужденной походкой. Рядом с ней, периодически припадая носом к земле и размахивая хвостом-маятником, семенил Филька — наш общий любимчик и просто хороший друг. Ирландский сеттер, которого два года назад жена с дочерью уговорили купить.

Уговорили... Как же! Мягко сказано! Три дня убеждений, доводов, и шуточных угроз со стороны супруги, плавно переросли в неделю всяческих угождений и изысканных блюд на ужин. Юлька же, кроме, как «папочка мой любимый» и «самый лучший папуля в мире», никак иначе ко мне в эти дни не обращалась. Мало того, каждый вечер, перед сном, просила рассказать ей сказку о несчастной маленькой собачке, у которой нет хозяина и которую, по этой самой причине, все бессовестно обижают, гнобят и морят голодом. А окончательно добил загнанного в угол папу, коряво нарисованный детской рукой щенок, татуированный надписью «папин друг» на косматом пузе. Следующим же утром папа Коля, в тандеме с мамой Машей, ползал по всей квартире с половой тряпкой в руках, приговаривая, что с папами так не поступают, а счастливая Юлька, хохоча и повизгивая, носилась с новым другом из комнаты в комнату, переворачивая все вверх дном. Так наша семья стала квартетом.

— Ну что, кладоискатель? Где мой золотой браслетик, который я заказывала? — Маша лукаво улыбнулась, легла на мягкую сухую траву, закрыла глаза и, запрокинув голову назад, подставила лицо теплым лучам заходящего солнца. Светлые волосы блестели, переливаясь всеми оттенками золотистого. Она потянулась и томно выдохнула:

— Ох, и духота. Парит, что ли? Бедный... Как ты в этом камуфляже целый день выдерживаешь?

— Нормально. Зато мухи не кусают.

— Ну, что там? Показывай! — Маша встрепелась и с интересом уставилась на меня своими огромными зелеными глазищами, от которых я вот уже десять лет хожу, будто под гипнозом.

— Да так, мелочевка всякая. Монеток надергал... Как прогулка? Купались?

— Конечно! Филя из воды вытащить не могла. Но когда из-за леса гром ударил, он пулей на берег вылетел и — к тебе. Я его уже возле поля только и смогла догнать. А Лёшка где? Как всегда? — Маша с улыбкой оглянулась по сторонам в поисках Юлькиного крестного, который вечно забредал со своим металлоискателем в самые глубокие овраги и самые дремучие леса. Даже не смотря на то, что согласно старинным картам, искать нужно было на поле, неугомонного землекопа вечно несло совсем в другую сторону. Желательно в труднодоступную. Но, что самое невероятное — этот вездеход никогда без находок не возвращался. Хоть одну, хоть самую захудалую монетку или пуговку, но добывал.

Я взглянул на небо и только сейчас заметил, что с востока, из-за лесополосы, быстро надвигается свинцово-серая туча, так напугавшая Филю на пляже. Периодически вспыхивая молниями, она нависала над спелыми полями тяжелой громадиной, застилала все пространство до самого горизонта. Воздух вокруг нас остановился. Он стал густым и неповоротливым, как манная каша. Даже звуки в нем разносились как-то по-особенному. Они тонули в этой густоте, вязли, терялись.

— Ого! — вырвалось у меня.

— Ага, — в тон мне парировала супруга, — Если Лёшка через пять минут не вернется, будем куковать в грозу посреди поля. Звони, пусть машину хотя бы откроет.

Дозвониться до кума с первого раза не получилось. И со второго, и с третьего тоже. Абонент был «вне зоны».

— Как всегда, блин, в самую глубокую балку залез, — в сердцах выдохнул я, и невольно вздрогнул от неожиданного пронзительного грохота. Молния ударила где-то до неприличия близко. Вдали взвыла сигнализацией «девятка» кума. Маша ойкнула и нервно рассмеялась, а Фил подбежал ко мне, прижался к ноге и жалобно заскулил. Я потрепал пса по холке, от чего тот немного осмелел, но все равно остался переминаться с одной лапы на другую, не решаясь отходить от хозяина дальше, чем на метр. Густой, потемневший, недвижимый воздух наполнился запахом озона.

Автомобиль стоял в полукилометре от нас, у окончания лесополосы. И хотя в грозу прятаться под деревьями было небезопасно, мы рассудили, что ждать очередного разряда в чистом поле будет еще хуже. Уже на подходе к старенькой «девятке» у меня зазвонил телефон.

— Где тебя носит? Прибор под дождем решил утопить? — я старался говорить дружелюбно, чтобы не обидеть близко человека, но нервные нотки в голосе все равно скрыть не получилось, — Ты тучу видел вообще? Надо с поля валить. Если дорогу размочит, ночевать здесь будем.

— Да, блин, пытаюсь из балки выбраться! Спускаться было проще как-то, — на другом конце послышался сдавленный стон, — Да чтоб тебя!

— Ты чего?

— Да это я не тебе. Поскользнулся, блин! Идите к машине, я с брелока замок открою. Прячьтесь. Скоро буду!

— Да мы уже на месте, можешь открывать. И давай булками шевели!

— Добро. Бегу. Думаю, успею.

Через несколько секунд сигнализация дважды пропищала, и замки приветливо щелкнули отворяясь.

— Ну, хоть мокнуть не придется, — удовлетворенно, с облегчением в голосе пропела жена, пропуская вперед пса и запрыгивая следом за ним на заднее сидение автомобиля. Очередной разряд, еще более громкий, чем первый, заставил ее вскрикнуть и захлопнуть дверь.

Вначале подул ветер. Пыль на поле всколыхнулась под первым его порывом и превратилась в серую, стремительно уходящую вдаль волну. Новый порыв оказался куда более сильным. Он ударил в борт машины, и та качнулась под его натиском. Дождь начался резко. Забарабанил дробью по крыше «девятки» крупными каплями. Эти звуки усиливались при каждом порыве ветра. Лило такой плотной, непроглядной стеной, что мы начали волноваться, чтобы Леха при такой видимости вообще смог отыскать место стоянки. Я пытался привлечь его внимание, периодически нажимая на клаксон и моргая дальним светом фар, но толку было мало. Точнее, толку не было вовсе. Стихия была явно громче и сильнее вершины технического прогресса советского автопрома.

Звонить не было смысла. Телефон кума явно уже успел промокнуть и вряд ли был способен принять звонок, даже если бы находился в зоне покрытия сети. Оставалось ждать.

Пять минут спустя из-за огромной тучи, накрывшей поле, стало совсем темно. Иногда эту тьму прорезали очереди ярких вспышек молний, но даже в эти мгновения разглядеть что-либо дальше пяти метров было невозможно. На заднем сидении суетился и поскуливал Фил, то выглядывая через запотевшее окно, то пряча мокрый нос под теплыми руками хозяйки.

— Точно заблудился. Уже мог бы вокруг поля оббежать и по-любому машину найти, — то ли от сырой прохлады, то ли от волнения у меня дрожали руки.

— Может, случилось чего? А может наоборот — укрытие какое-нибудь нашел... Переживает.

Маша, как всегда, старалась увидеть в любой ситуации положительные стороны. Я же чувствовал, что добром эта гроза не кончится. То ли и вправду чувствовал, то ли ощущал вину за то, что отсиживаюсь в машине, в то время как друг, возможно, попал в беду.

— У него прибор за штуку зелени. Если намокнет, ремонт в такую копейку обойдется! — я барабанил пальцами по обшивке двери, — Если бы с ним все хорошо было, то давно уже в машине обсыхал бы. Надо искать.

— Да сиди уже! Куда тебя несет? Не хватало, чтобы и ты еще потерялся!

— А если и вправду случилось чего?

— Коль, — жена сменила тон на заискивающий, — Давай еще пять минут подождем? И дождь уже скоро кончится... Ну, не растает же он, в конце концов!

— Не стыдно? Ты сейчас о Лехе говоришь, между прочим.

— Я о здравом смысле говорю, Семенов. Он взрослый мужик и сам способен о себе позаботиться. А у тебя есть дурацкая черта — нянчиться со всеми, как квочка!

— Да может он где-то рядом уже, просто найти не может! Все! Не дуйся тут. Пошел я.

— Семенов! — сделала Маша последнюю попытку меня остановить, но, видимо, поняла, что это бесполезно и смолкла.

Я выложил из кармана телефон, натянул легкую куртку и вышел под дождь. Волна мокрого холода моментально хлынула за пазуху, разливаясь струями по шее и дальше по спине. Тут же набросил капюшон на голову, однако и это не спасло — куртка промокла

насквозь еще до того, как я успел захлопнуть дверцу машины. Футболка прилипла к телу.

— Леха!

Я старался кричать как можно громче, но даже мне показалось, что шум дождя и непрекращающийся грохот забивают голос напрочь. Прислушался, не кричит ли кум в ответ, но ничего кроме стихии расслышать не смог. Под ногами раскисло, подошвы кроссовок полностью исчезли в липкой, черной грязи, увеличивая вес каждой ноги на пару килограммов.

Балка, в которой бродил «вездеход», находилась в полукилометре от машины. Если учесть, что с момента последнего звонка прошло минут десять-пятнадцать, Лёха сейчас должен был находиться не более чем в трехстах метрах от машины. Правда, при условии, что ему удалось вскарабкаться наверх до того, как начал лить дождь и склоны превратились в сплошную трассу для бобслея.

Идти оказалось значительно труднее, чем я думал. Размытый чернозем был скользким, липким и тяжелым. Ноги то и дело норовили выскользнуть из-под тела, то разъезжаясь в разные стороны, то вылетая вперед или назад. Видимо, в других условиях я бы выглядел забавно, но в тот момент веселиться совсем не хотелось. Такая ходьба отнимала немало сил, и я остановился, чтобы немного передохнуть, отряхнуть с подошв налипшие комки и перевести дыхание. Дождь не прекращался. Мало того — начал лить еще сильнее, заливал глаза и уже без стеснения забирался под одежду.

— Ле-е-ха! К-у-ум! Э-э-эй! — нараспев выкрикнул я, и с удивлением услышал ответ.

— Эй! Я здесь! На склоне! Внизу! Ай, ё! — после, он выругался. Да так сочно, что стал понятно — мат неспроста. Я рванул на голос и, не удержав равновесия, тут же рухнул лицом в грязь. Не обращая внимания на острую боль, пронзившую правую лодыжку, поднялся и, уже более аккуратно ступая, поспешил на выручку.

Кума нашел на склоне балки у старого, сухого, поваленного дерева, которое, почему-то, днем не замечал. Хотя выглядело оно колоритно. Острые сучья, уже давным-давно утратившие остатки коры, желтели в грозовом сумраке светлой высохшей древесины, словно кости какого-нибудь огромного динозавра. Леха лежал на спине, сдавливая обеими руками правую ногу чуть повыше колена. Он сильно скалился, и постоянно матерился.

— Рассказывай! — шум дождя и нескончаемый гром приходилось перекрикивать.

Леха скривился, крепко стиснул зубы и часто, шумно задышал, стараясь пересилить боль, но не выдержал и продолжил ругаться. Скользя по мокрой траве, устилавшей склон балки, я приблизился к больной ноге кума и попытался осмотреть характер травмы. Тогда я был практически уверен в том, что это либо вывих, либо перелом, но когда присел на землю, понял — все обстоит гораздо хуже. И что делать дальше, в голову не приходило совершенно.

Глава 2. Нога

Кума я всегда знал как энергичного и жизнерадостного человека. Эти два прекрасных качества создавали в небольшом, рыжеволосом человеке такое количество позитивной энергии, что она попросту не вмещалась в нем и выплескивалась в невероятных количествах на окружающих, создавая атмосферу веселья и радости. Будь ты даже в самом подавленном настроении, обремененный массой забот и проблем, пообщавшись с Лехой, приходишь в бодрое расположение духа, будто заряжаясь его энергией. Казалось, что никакие передряги не могут выбить его из колеи тотального оптимизма.

Взять, хотя бы случай, когда он позвонил мне поздним вечером и, перекрикивая громкую музыку, принялся рассказывать, что его сократили с работы и жить теперь будет не

на что.

— Все, кум, отработался я, отслужился! «Финита ля...», как говорится! Работа нэт, дэнги нэт. Что теперь делать — ума не приложу. Но, Коляныч, какой это кайф! Ты представляешь? Я теперь свободный человек! Совершенно свободный! Я так давно хотел найти себе интересную работу! Таковую, чтобы с удовольствием! Понимаешь? Таковую... ну, чтобы «ух»! Чтобы «ого-го»! И вообще, бизнесом займусь. Во! Точно! У меня идей куча, Коляныч. Куча! Приезжай в «Иву», я сейчас здесь праздную!

И так далее... Он всегда вдохновлялся новыми интересными идеями, всегда был чем-то увлечен и с радостью делился этими своими увлечениями. Причем, со всеми. Собственно, свой металлоискатель я, как раз, и купил благодаря куму. Заразил он меня, так сказать. Увлёк!

Сейчас же на мокрой, жухлой траве передо мною лежал несчастный, испуганный, корчащийся от боли человек, слабо напоминающий того, о ком я только что рассказал. Вся его одежда была промокшей и очень грязной, поэтому я не сразу заметил кровь, пропитавшую правую брючину. Одна из голых ветвей старого дерева, не менее трех сантиметров в диаметре, вонзилась острым концом под левое колено.

— Что там, Коля? — хрипло, сквозь зубы спросил Леха, глядя на меня из-под лба и не замечая потоков дождевой воды, заливающих глаза, — Говори как есть! Херово дело?

— Могло быть херовее, — честно ответил я.

И в самом деле, упали он чуть менее удачно, и вместо ноги ветка могла пробить шею или живот.

— Из меня теперь можно шашлык жарить. Как эта часть у хрюшек называется? Окорок? — он попытался засмеяться, но взвыл от боли и на мгновение замер, — А если чуток подольше полежу, то хамон получится. Ты любишь хамон, кум?

Тут уже и я не сдержался, позволив себе засмеяться. У Лехи даже в таком положении получилось разрядить обстановку, снять мой ступор, вызванный шоком от увиденного. Все-таки он — настоящий источник позитива. Понемногу в голове начали возникать идеи, как поступить, но каждая отбрасывалась в сторону, каждая оказывалась либо слишком рискованной, либо абсурдной.

— У тебя топор в машине есть?

— Не-а, нету. Но даже если бы и был — не признался бы. Ты головой-то думай, кум! Я тут кони двину, если ты эту ветку рубить начнешь!

— А у тебя есть другие идеи?

— Попробуй меня подмышки взять и вверх дернуть. Только это... — он перевел дыхание, — Ты там поаккуратнее как-нибудь. Хорошо? Любя. Я же твой кум, как ни как. Не чужой, вроде.

— Сначала нужно ногу ремнем перетянуть, чтобы кровотечение было не сильным. Сейчас оттоку мешает палка, но когда ее вытащим — хлынет.

— Сдурел? Мне это бревно до самой жопы встряло! Еще бы пару сантиметров и я бы девственности лишился, блин! Как ты собираешься ногу перетягивать, если в ней от колена до жопы вторая кость выросла?

Я присвистнул и ругнулся.

— Ты уверен?

— Коля, я бы не был так уверен, если бы не было так больно, — на этот раз Леха заговорил с хорошим одесским акцентом, — Давай быстрее что-то делать, а то я скоро

покончу в себя или наложу себе в руки от болевого шока! Кум ты мне или где? Давай, спасай скорей!

Где-то рядом сверкнула молния и почти сразу громыхнуло. Я стоял, глядя на Леху, и тщательно взвешивал каждый шаг, который предстояло проделать. Ошибка могла дорого стоить. Машина отсюда в полукилометре, на дороге — грязь, выехать по размытой грунтовке на трассу точно не получится. Тем более, я не умею водить. Есть такой грешок. Скорая помощь? Сюда не проедет. Да и рискованно рассчитывать на то, что вообще кто-нибудь приедет на подмогу в такую грозу. Нужен был трактор!

— Коля, твою мать! — Леха уже кричал во все горло, — Ты будешь что-то делать или нет? Не могу больше!

— Да подожди ты!

— Не могу!!! — он снова выругался.

— Нужен трактор, чтобы тебя отсюда вывезти.

— К хренам трактор! Сначала занозу эту долбанную вытащи!

— Да я тебя до больницы дотащить не успею! Как ты не понимаешь? Ты кровью истечешь раньше! Надо в деревню идти, трактор искать! Только так, кум! Надо потерпеть!

Внезапно Леха забыл о боли, отдернул одну руку от колена, схватил меня за ворот куртки и с силой дернул на себя. Такого отчаянного страха в его глазах я не то, что никогда прежде не видел... Я даже мысли не допускал, что мой кум вообще может впасть в отчаянье! Нижняя челюсть тряслась, из-под век выступили слезы. Некоторое время он просто молча смотрел на меня, будто обдумывая говорить или нет, а затем медленно и внятно сказал:

— Там... в балке, внизу — болото. Оно это... Шепчет оно, в-общем. Воеет, Коля. Я его и сейчас слышу, — он обвел взглядом верхушки деревьев, что росли вокруг нас, а потом снова посмотрел на меня и замотал головой, — Не бросай, кум. Одного не оставляй. Что хочешь — делай, только не бросай. Помру, если уйдешь. Оно только этого и ждет, понимаешь?

Мне, вдруг, стало отчаянно жаль Леху. Даже комок к горлу подкатил, а в носу защекотало. Он, конечно, был в шоке. Он был напуган. Может даже сам не верил в то, что говорил. Просто выдумал и рассказал первое, что в голову пришло, чтобы я его одного не оставлял. А что еще может прийти в голову в таком состоянии? Только чушь.

Я положил руку ему на плечо и, глядя в глаза, сказал:

— Не бойся, кум. Не брошу.

Хотя сам, при этом, не представлял, что теперь буду делать.

Я ругнулся и, стараясь не поскользнуться на мокрой траве, вскарабкался по покатоному склону к голове кума. Подхватил его под плечи, нашел хороший упор для ног и сделал глубокий вдох, собираясь с силами для рывка. И вот уж чего не ожидал, так это прикосновения чьей-то руки к собственной шее! У меня за спиной кто-то был...

Глава 3. Гена

— Загораем, мужики? — после Лехино мистического откровения, пусть я его всерьез и не воспринял, этот бодрый, низкий и — главное — человеческий голос звучал просто как благословение какое-то! Крупный, усатый мужик неопределенного возраста в зеленом клеенчатом дождевике неуклюже пытался удержать равновесие на крутом, скользком склоне, крепко ухватившись одной рукой за мою шею, а другой — неловко жестикулируя в воздухе, — Ну, че тут? Помощь нужна или как?

— Спрашиваешь! — воспрянул я духом, не веря в такую удачу, — Ему к врачу надо.

Мужик присел на корточки, присмотрелся к Лехиной травме и спокойно, будто каждый

день видел подобное, пробубнил:

— Жить будет, — затем усмехнулся, хлопнул Леху по плечу, от чего тот взвыл, закусывая губу, и весело прогорланил, — Заштопают, будешь как новенький, ели-пали! Только ты мне больше такого не показывай, а то могу в обморок грохнуться. Будете потом еще и меня вытаскивать.

Он подошел поближе, бесцеремонно отодвинув меня в сторону, и ухватил Леху под плечи. Я хотел было тоже взяться, но тот снова оттолкнул меня и пробасил:

— Ну, какого лешего лезешь, ели-пали? Иди, давай за ветку хватайся. Я живца этого тащить буду, а ты ее родимую на себя дергай. Может и соскочит... Так... Дергаешь на счет «раз», понял? А ты давай терпи, братуха! И постарайся ногу расслабить, так легче пойдет. Ага? Ща все будет «шоколад», ели-пали! Держись!

Когда мужик начал обратный отсчет, я уже держался за злополучную ветку, глядя на бледное Лехино лицо. Сердце безудержно колотилось, руки дрожали, несмотря на то, что изо всех сил сжимали скользкое дерево.

— Три! Два!..

Команды «Раз!» я так и не расслышал. Ее заглушил Лехин крик, разбавленный отборным русским матом. Он рычал и корчился от боли еще не меньше минуты, пока я колдовал над его ногой, перетягивая ремнем рану. Жгут получился так себе, но сильного кровотечения не было. Я мельком оглянулся на огромную занозу и невольно передернулся. Ощущения кума не подвели: острый, обломанный сук вошел в бедро по самое «некуда», а то, что удалось его выдернуть с первого раза, казалось просто невероятной удачей.

Дождь пошел на убыль, и мы, немного переведя дыхание, волоком потащили раненого вверх по склону. Леха старательно помогал, отталкиваясь здоровой ногой и шумно кряхтя, а уже на вершине я впервые услышал то, что так сильно его напугало.

Сначала это был шепот. Еле уловимый шепот, который то усиливался, то становился тише. Будто волны, накатывающие на берег. Каждая волна становилась громче и отчетливее прежней. Постепенно шепот стал больше напоминать душераздирающие вопли. Но вопли эти тоже были не слишком громкими. Создавалось впечатление, что их источник находится вокруг нас и, в то же время, пребывает в постоянном движении. Перемещается, кружится, парит. Волна, еще одна. Вопль пошел на спад и снова стал превращаться в шепот. Казалось, я вот-вот смогу разобрать слова, да только никак не получалось. Как будто кто-то прокручивал аудиозапись в обратном направлении на низкой скорости.

На мгновение мне показалось, что это происходит только в моей голове и никакого звука, на самом деле, нет и быть не может, но тут я посмотрел на Леху и понял, что слышу это не я один. Кум тоже озирался по сторонам, блуждая взглядом между черными стволами деревьев, которыми густо поросла глубокая балка. Лицо усатого мужика сделалось беспристрастно-серьезным, но он либо не замечал того, что слышали мы, либо делал вид, что не замечает.

Видимо я замешкался, потому что Гена — так звали нашего нежданного спасителя — хлопнул меня по плечу и бодро скомандовал:

— Давай, мужики! Последний рывок и будем дома! Навались!!!

Мы, наконец, вытащили Леху на ровную поверхность и обессиленные распластались рядом с ним на траве. переведя дыхание, я снова попробовал прислушаться к странным звукам, но больше ничего необычного так и уловил. Дождь прекратился также резко, как и начался. Глухие раскаты грома отдавались теперь гулким эхом где-то вдалеке. С деревьев

падали редкие крупные капли и бесшумно таяли в сухой траве.

— Чтоб вы сто лет жили, мужики, и горя не знали, ели-пали... — тяжело дыша, прохрипел Гена, — Вот ты скажи мне, деревянная нога, какой хрен тебя в эту яму вообще понесло, а?

Леха не отвечал. Да и мне не хотелось ничего никому объяснять. Мы просто лежали и смотрели в небо, по которому в сумерках неспешно плыли ватные тучи. Смеркалось. И даже быстро очищающееся небо не спасало от надвигающейся темноты.

Гена оказался местным комбайнером. Он жил в деревне, в паре километров от злополучной балки, и заметил нашу машину еще до того, как ударила гроза.

— Ну, а у добрых людей как водится? Если попал кто в беду — помоги. Вижу, в поле стоите, а тут такое с реки находит! Значит, после такого дождя на своей торохтелке точно застрянете. Бывало, что и на «УАЗиках» застревали! Тогда только трактором и тянули. А тут на «зубиле»... Куда там! — он многозначительно махнул рукой.

Старый Т-16, громко гремя каждым болтом, уверенно шел по раскисшей пахоте в сторону трассы. Мы с Лехой полулежали в кузове на мокрой соломе и слушали через разбитое лобовое стекло воодушевленного Гену. Ему приходилось кричать, чтобы мы могли хоть что-то расслышать:

— Так я комбайн загнал, а сам на трактор и — к вам. Как задницей чувял, ели-пали! Вчера только мотор запустил первый раз после капиталки. Месяц разобранный стоял! Хотя, если б знал, что такое лить будет — переждал бы, не ехал... Хотел даже на полпути назад развернуть. Но, чую — надо и все тут! Хоть тресни, а надо! Вот как так? А? Шестое чувство? Или как? Видели кино? Там этот лысый... Как его? Ну, «крепкий орешек» этот... Видели да? Ну, вот! Вот те и не верь! Так я — к машине, а там баба с собакой. Перепуганная вся, волчком на меня глядит. Ушел, говорит, муж товарища искать, и показала куда пошел. А сама двери захлопнула и замки позакрывала. Может думала, маньяк какой или еще какая нечисть. Сейчас кого только нету, идиотов хватает, — Гена засмеялся, — Вот я по следам вас и вынюхал. Такие дела, ели-пали, такие пироги... — он посмотрел на Леху, который морщился каждый раз, когда трактор наезжал на кочку или попадал в канаву, — Ничего, братан, терпи! Сейчас на трассу выскочим, а там до поселка не далеко. С ветерком, как говорится. Там у нас больница есть. Теща моя главврачом работает... Старая зараза, но без нее больница — не больница. Как сама заболит, на больничный уйдет, так все! Конец света! Паника у всех! А сейчас она как раз на смене. Все в лучшем виде организует. Будешь как новый, ели-пали!

Леху тем же вечером на «скорой» увезли в райцентр. Я все поторапливал Гену поскорее вернуться к машине, сильно волнуясь за жену. Из головы не выходили странные голоса, и всю обратную дорогу я пропускал мимо ушей бесконечные шутки и байки, коими Гена фонтанировал без умолку. Жутко было представить, как Маша, сидя в темноте, в застрявшей посреди поля машине, не имеющая понятия, куда все исчезли, начинает слышать этот шепот. Еще страшнее было представлять, как Маша, не выдержав ожидания, выходит из машины и идет в сторону этой чудовищной балки на поиски нас с Лехой...

Глава 4. Эликсир

Слабый свет тракторных фар долго не позволял разглядеть припаркованную машину. Хотя, судя по силуэтам деревьев, растущих вдоль поля, мы уже были совсем близко от места стоянки. Я сосредоточенно всматривался в темноту, постоянно поторапливая Гену. Постепенно места стали узнаваемыми и, наконец, показалась «девятка».

Трактор несколько раз чихнул на холостых оборотах и затих. «Девятка» стояла на своем месте, двери закрыты, окна запотели, свет в салоне не горит. Я спешно прыгнул на землю и почти бегом, насколько позволяла грязь под ногами, направился к ней. Жена не выходила и на мгновение у меня внутри все похолодело.

«Только бы не ушла! Только бы...»

Я рванул на себя заднюю дверь, в салоне зажегся свет, и гора рухнула с плеч. Маша сидела, вытянувшись по струнке, с ровной, как у истинной аристократки, спиной и сцепленными в замок руками. По лицу обильно текли слезы. Она зажмурилась и закусил губу, стараясь не разрыдаться. Я упал перед ней на колени, прямо на землю, обнял и прижался к теплому животу. Долго так стоял, вдыхая ее запах. Рядом, на сидении, мирно сопел Фил.

— Где Леша? — немного придя в себя и, шмыгая носом, тихо спросила она.

— С ним все хорошо. Уже хорошо. Он ногу поранил, пришлось срочно везти в больницу. Прости, времени не было совсем. Надо было срочно...

Она обняла меня за голову, сильно прижала к себе, громко всхлипнула и, на этот раз не сдержавшись, разрыдалась:

— Коль, я тут места себе не находила. Три! Часа! Кошмара! — каждое из этих слов она произнесла по отдельности, — Сначала гроза, потом тракторист этот перепугал до смерти. Потом уже и гроза кончилась, стемнело, а вас все нет и нет... Что я должна была думать? Какие только мысли в голову не лезли! Ты без телефона... Сижу и вообще не представляю что делать! Или вас идти искать, или... А тут еще и Фил выть начал. Я думала, с ума сойду к чертям собачьим! — она снова расплакалась.

Я попытался ее успокоить, приговаривая, что все уже кончилось, что все позади. Скоро она притихла, отдышалась и теперь только чуть заметно покачивалась взад-вперед, изредка шмыгая носом и всхлипывая. Я гладил ее по спине и попытался отыскать в собственной голове то обещание, которое обязан был дать, чтобы никогда больше не допустить подобного.

Никогда. Странное слово... Той ночью я впервые всерьез задумался над ним. Над тем, как много в нем кроется. И впервые его испугался. Никогда...

Время было позднее, а водить машину ни я, ни Маша не умели. Своей — никогда не было, а права, до тех пор, так никто из нас и не получил. Прочитав краткий инструктаж о езде на буксире, Гена дотащил нас до своей деревни и предложил переночевать, а о том, как перегнать машину в город, подумать утром. Отказываться от гостеприимства в таком положении было просто глупо. Время подбиралось к полуночи, промокшую насквозь одежду и обувь нечем было сменить, а августовская ночь становилась все холоднее. К тому же, только сейчас я заметил, как сильно устал. Что уж говорить о Маше, которая уснула еще по пути в деревню прямо в машине, не смотря на то, что трясло на разбитой дороге нещадно.

Хозяин суетился, накрывая на стол в гостиной быстрый ужин, в то время как его жена — грузная и молчаливая женщина по имени Варя — увела Машу в спальню готовиться ко сну. Когда количество яств перевалило все мыслимые пределы, Гена водрузил на стол огромную бутылку белесой, мутноватой жидкости, щелкнул по ней щелбаном, и торжественно провозгласил:

— Сейчас будешь впервые в жизни кушать самый настоящий эликсир молодости, ели-пали! — с этими словами он, будто фокусник, изъяс непонятно откуда две внушительные стопки, громко стукнул ими по столу и, тыча указательным пальцем в потолок,

заговорческим тоном добавил, — Собственного приготовления.

Я отказываться не стал. После пережитого днем, хотелось расслабиться, но пока это сделать не очень-то удавалось. К тому же Варя, заглянув в гостиную, сказала, что Маша от ужина отказалась и легла спать. Сама хозяйка, также, пожелала нам спокойной ночи и удалилась, оставив нас с Геной ужинать одних.

— Эликсир, так эликсир, — согласился я и сам разлил по стопкам.

Первый тост был, конечно, за знакомство. Напиток и в самом деле оказался не плох. В меру крепким, с легкими оттенками трав. Запаха самогона вообще слышно не было. Закуску самостоятельно выбрать не получилось. Гена сам подсказывал, чем и в какой последовательности нужно закусывать его фирменный эликсир. И, скажу я вам, в этом был определенный резон.

Первые пол-литра были употреблены под бесконечные истории о нелегкой, но правильной деревенской жизни.

— Ну, вот что ты видишь в этом своем городе? Квартира в четыре стены? Дом, метро, работа, метро, дом... И так каждый день, ели-пали! Вот и несет вас потом на всякие приключения. Ищите себе на бошки неприятности... А все от чего? Да потому что душевности в жизни не хватает. Изюминки нету! Настоящего хочется! Живого! Как вы там у себя в городе это называете? Экстрим? Экстремалы, ели-пали. Ну, что? Скажешь, нет?

Я улыбался и где-то, в чем-то был согласен с этим человеком. Хотя, если честно, он был далековат от истины. По крайней мере, в поля мы не за экстримом ездили. Возможно, за романтикой, но не за острыми ощущениями — это точно.

— А у меня? — Гена сделал благодное лицо и развел в стороны крупные ладони, — Ели-пали! Тут тебе и лес, и река под боком, и воздух свежий, безо всяких этих заводов и машин... Нет, ты знаешь какая у нас тут рыбалка? Знаешь, какая рыбалка, Коля?! Ты такой рыбы с роду не ловил! Да что там не ловил — ты не видел такой рыбы никогда, ели-пали! Хоть завтра утром можем рвануть! А? У меня сижка всегда прикормленная. Любишь рыбачить? А если нет, то грибы! — он пододвинул ко мне тарелку с маринованными маслятами, — Пробуй! Нет, ты пробуй, пробуй! И потом мне скажешь... Я в лесу такие места знаю! Устанешь собирать!

Я, из вежливости, наколот на вилку один гриб, положил в рот и, как мог, изобразил на лице благодное удовлетворение. Гене этот ход пришелся по душе. Губы под усами растянулись в довольной улыбке.

— Вот хороший ты мужик, Колян, — видимо, эликсир делал свое дело, и беседа незаметно перешла в разряд задушевных, — И кум твой хороший. Вот были бы все хорошими... Вот, чтобы по совести все! Глядишь, и жить бы стало легче. А? Эх... Давай еще по единой, ели-пали? — он разлил по стопкам, и очередная порция зелья разлилась теплом внутри. Гена закусил огурцом и с какой-то внезапной грустью в глазах уставился на меня.

— Вот скажи мне честно, Коля. Какого лешего вы в том яру делали? Только честно! — он смотрел на меня, продолжая разжевывать огурец, и не отводя пытливого взгляда.

Мне хотелось отшутиться. Мол забрели по глупости, случайно все вышло... Нет, не потому, что хотел скрыть от Гены свое безобидное хобби. Конечно, все эти поиски монет по полям в глазах честного деревенского работяги выглядели, по меньшей мере, смешно. Зачастую, сельские жители воспринимали наши хождения по полям, как ребячество, не более. Поначалу проявляли интерес, конечно. Расспрашивали, рассматривали находки. Но убедившись, что стоимость найденных «сокровищ» не превышает стоимости килограмма

картошки в базарный день, ухмылялись, желали удачи и шли заниматься своими делами.

И я промолчал. Просто мне показалось, что это не так уж и важно. Но по его взгляду понял, что отмолчаться не получится, и что вопрос этот был задан не из праздного любопытства. Поэтому рассказал все как есть. Все от начала и до конца. Даже про шепот с воплями не стал скрывать. Упомянул. Вскользь, конечно. Как бы между прочим. Чтобы не сойти за сумасшедшего. Ждал, что Гена засмеется или хотя бы ухмыльнется. Но тот тяжело вздохнул, глядя куда-то в сторону, неторопливо дожеввал краюху хлеба и тихо, будто боясь, что кто-нибудь услышит, сказал:

— Вы, Коля, лучше не ходите к тому болоту. И к тому яру не ходите. Ты вот человек городской, современный. Молодой, ели-пали. Наверное, с высшим образованием и в глупости разные не веришь, да? Но коли мы с тобой так сидим и по-дружески беседу ведем, то ты меня послушай дурака. Я тут с рождения живу. И батя мой тут жизнь прожил. И дед. И потому все тут про каждую травинку знаю, про каждую канавку. И все тут хорошо, Коля. Да только болото то, возле которого друга твоего ранило, плохое. Злое оно. Зло там, понимаешь? — он украдкой оглянулся на дверь, ведущую в спальню, затем продолжил. На этот раз тише.

— Если б жену твою в машине перепуганную не увидел, хрен бы я за вами в тот овраг полез. Десятой дорогой его местные обходят. А я так вообще сто десятой. пожалел я твою Машку. Ну, а потом смотрю — мужики, вроде, будь здоров... Не бросать же. Сами бы не выбрались. Забрало бы вас оно. Затянуло, — он разлил по стопкам, поднял свою и сказал: — Давай за твоего кума? Пусть выздоравливает. Дай ему Бог.

Гена о чем-то крепко задумался, громко сопя носом. Его слегка качало, глаза затянула пелена.

— Я тебе расскажу... Вот только тебе... — он икнул, — Я в том болоте мальцом утонул.

Мне показалось, что я не правильно расслышал. А Гена, как ни в чем не бывало, развел руки в стороны, пожал плечами, и снова икнул.

«Ну, значит, не совсем утонул», — подумал я и тоже кинул, — «Утопленники так не бухают».

— Да! Утонул. Утоп! Не-е-е! Ты не думай! По-настоящему утоп, Коля! Захлебнулся с концами. Помер, значит! Совсем! Помню, как воду вдыхаю и всё... Алес капут! А потом очнулся у себя в саду, за огородом. Ночь, ели-пали... Лежу, весь в болотной тине, еще хрен знает в чем, грязный как черт. Вонища от меня болотом... страшная! Во рту ила полно, — он демонстративно поморщился, — И вырвало меня водой этой вонючей тут же. Отсиделся я, отдышался и домой пошел. Захожу во двор, а из дома дед мой на крыльцо выходит и козью ножку скручивает. А я на него смотрю и в штаны ссусь. Ссусь, Коля! По-настоящему! Потому что дед мой уже полгода, как в могиле лежать должен. Помер он! Рак у него был! Да я сам на похоронах его мертвого в гробу видал. Баба тогда так рыдала, что еле откачали валидолом. А тут на тебе — закуривает!

Гена взял бутылку, налил себе и, молча, выпил.

— Целый год я по второму кругу прожил. На год назад меня то болото вынесло. Живу и целый год про всех все знаю — с кем что будет, с кем чего случится. Знаю, что соседку Верку фельдшер обрюхатит, что родит она от него двойню. Про урожай тоже знаю, что картошка в том году крупная будет, а яблок — наоборот мало. Рассказываю — не верят. Потом сбываться начало. Меня бабка в церковь на причастие сразу отвела. Про деда только не говорил никому. Боялся его — жуть! Хожу и знаю, что он мертвый, ели-пали. Ночами

спать с ним в одном доме боялся. Особенно, когда рак его донимать начал. Кашляет всю ночь до утра, не спит, по дому ходит. А мне страшно! Накроюсь одеялом с головой и Богу молюсь, как бабка научила, — Гена тяжело вздохнул, — А потом пережил тот год, дед помер, на болото больше не ходил, и вот — живой до сих пор... Женился. Детей вон двое, на печке сопят. Хорошие ребяты. Дай им Бог.

Я слушал Гену и не знал, как реагировать на эти байки. То ли он и вправду верил во все, что рассказывал, то ли просто попугать решил залетного городского. Кто его пьяного знает? Я ему, в любом случае, не мог поверить. Да и как вообще в такое можно поверить? Не в Голливуде же мы, в самом деле, с ним бухали. Это у них там, за океаном все сказки сбываются. Что ни кино, то путешествие во времени или «шестое чувство» какое-нибудь. Тут все просто было. Вот тракторист с бутылем самогонки, вот его дом — чистый и уютный, а вон там, за полем — овраг с болотом на дне. И не было никаких призраков, машин времени или еще какой-нибудь потусторонней ереси. Разве что шепот этот покоя не давал. Но в такую грозу и не такое почудиться может. Да и чудес всяких в мире хватает. Кто его знает, может это какое-нибудь природное явление? Вроде огоньков на болотах или НЛО. Бывает же такое? Бывает. И, при желании, все просто объясняется. Просто — это когда логично. А то, что говорил Гена, ни в какую логику не укладывалось.

Хотелось спать. Усталость, плотный ужин и выпитое валило с ног. Смутно помню, как добирался до кровати. Помню, что обнял теплую Машу, прижался к ней, зарываясь лицом в ароматные волосы, и постарался безуспешно поймать за хвост последнюю мысль: «А где же это может быть Лехин дорогуший металлоискатель, если мы его пустого наверх тащили?»

Глава 5. Утро

Утро встретило головной болью, ярким солнцем, бьющим через не зашторенное окно спальни, и невыносимой жаждой. Маша еще спала, отвернувшись к стене, и я решил пока ее не будить. С трудом оторвавшись от подушки, вышел в гостиную, но никого из хозяев там не обнаружил. Видимо, воскресное утро в деревне такой же выходной, как и у горожан. Спят еще. Уж Гена, так точно спит... Это была единственная мысль, пришедшая в тот момент в чугунную голову. Все остальное пространство в ней занимали инстинкты выживания, а они назойливо подсказывали, что если я сейчас же, очень быстро не найду какую-нибудь жидкость, то до вечера просто не доживу.

Как назло, остатки вчерашнего пиршества были убраны, и на столе, кроме вазы с полевыми цветами, ничего не было. Нет, из вазы я, конечно, пить не стал, хотя другой воды в комнате не нашел. Вспомнил, что накануне вечером видел во дворе колодец.

На пороге мирно сопел Фил. Я осторожно переступил через него, чтобы не разбудить, но скрип дверных петель сделал это и без моей помощи. Пес испуганно оглянулся, спросонья не понимая где оказался, но, увидев меня, вскочил на ноги, завилял хвостом и пулей прошмыгнул в открытую дверь.

Утро стояло теплое, солнечное. Под ногами суетилась пернатая живность, которая едва завидев незнакомого человека, разбежалась в разные стороны. При этом один важный и очень жирный гусь даже попытался ущипнуть непрошеного гостя за ногу. Пил прямо из ведра. Вода в колодце оказалось вкусной и холодной. Не знаю, что Гена добавляет в свой эликсир, но помолодевшим после такого зелья я себя точно не чувствовал. Чего не скажешь о ключевой воде из колодца. Вот она то, как раз, и вернула в больной организм преобладание разума над инстинктами.

Умывшись, опять же из ведра, отворил калитку и вышел за двор. Улица была

пустынной, если не считать тощего серого кота, развалившегося на траве в тени старой вишни. Жужжали мухи и пчелы. Птицы, еще не чувствующие скорого наступления осени, весело щебетали повсюду. Где-то в соседнем дворе прокукарекал петух, а еще дальше, на окраине села, лениво лаяла собака. Идиллия. Я глубоко вздохнул, наслаждаясь гаммой деревенских запахов и... уже на выдохе вспомнил о вчерашних событиях.

Приятные ощущения куда-то разом улетучились и головная боль, от которой удалось ненадолго отвлечься, накрыла с новой силой. Я извлек из кармана мобильник, намереваясь набрать Леху, чтобы узнать, как он себя чувствует, но вовремя обратил внимание на часы и решил отложить звонок на потом. Было еще слишком рано. Вот только спать больше не хотелось.

С улицы открывался прекрасный вид на поле, по которому я вчера наматывал круги в поисках удачи. Сразу за ним — полоса деревьев, отгораживающих это поле от злополучной балки. Я невольно передернулся. Прибор! Лехин металлоискатель! Забыли... Он для его покупки даже кредит в банке брал, и, кажется, до сих пор не погасил. Я еще раз взглянул на часы. Решил, что времени более чем достаточно, чтобы вернуться до того, как все проснутся.

Одежда за ночь почти просохла, хотя все еще и пахла сыростью. Кроссовки оказались влажными. Немного потоптавшись в них на месте, и не обнаружив чавкающих звуков, решил, что для сельской местности сойдет.

Идти было недалеко. Минут через двадцать, миновав поле и несколько десятков луж, я остановился у оврага. Яр, как вчера назвал его Гена. Все это время Фил бежал рядом, беспрестанно виляя хвостом и изучая пытливым носом каждую канавку. Но когда мы подошли к балке, пес замер. Он пригнул голову, принюхался и тихо заскулил.

— Страшно, Филька? — тихо спросил я.

Тот сделал пару шагов назад, продолжая неотрывно смотреть вниз и скулить.

— Не бойся. Должен же хоть кто-то из нас быть смелым. Сиди здесь и стереги отступы. Папа пошел за металлоискателем, — и я потрепал его по рыжей холке.

Прибора отсюда видно не было. Оглядевшись в поисках более пологого спуска и, так и не найдя вариантов, решил спуститься здесь же, но чуть в стороне от опасного поваленного дерева. Выломав из клена посох и используя его как дополнительную опору, стал медленно спускаться вниз. Думать о том, что мне вчера здесь слышалось, очень не хотелось, и каждый раз, когда мысли возвращались к этим событиям, я тут же гнал их подальше, стараясь занять себя напеванием любимой Юлькиной песенки из какого-то модного нынче мультсериала. Но как бы я не старался себя успокоить, сердце от волнения просто выпрыгивало из груди.

Спуск оказался ожидаемо непростым. Жухлая трава не успела за ночь как следует просохнуть от дождевой влаги, и ноги скользили по ней, как по льду. Спасал, разве что, посох, который приходилось с силой вонзать в почву, прежде чем сделать очередной шаг. К прочим «радостям» утренней прогулки прибавились еще и комары. Они кружили повсюду. Видимо, сказывалась близость водоема. Кровососущие твари чувствовали себя в таких условиях достаточно комфортно, чтобы плодиться в невероятных количествах. Я мысленно выругал Леху за его дурацкую манеру вечно забираться в какие-то непролазные дерби. И как он вообще вчера вниз умудрился спуститься? И главное — зачем? Ну, неужели мало распаханного, ровного поля? Ходи себе, наслаждайся, копай. Так нет же! Что там Гена об экстриме говорил?

Вчерашний разговор с гостеприимным комбайнером вспомнился очень некстати. Снова в бешеном темпе забилося сердце.

— Да что ж это такое, твою мамку за ляжку, блин? — не выдержал я своего слабоволия и в сердцах выругался в голос, — Что за детские страхи-то, ели-пали? Детский сад, блин! — и уже про себя отметил, что успел нахвататься от Гены не только детских страхов, но и «ёлок с палками».

Эта импровизированная эмоциональная разрядка помогла взять себя в руки. Пора было менять направление движения, чтобы добраться до лежащего на склоне дерева. К своему удивлению прибора я там не нашел, а лишь в очередной раз бросил взгляд на обломанный, острый как пика, сук с запекшейся бурой кровью на неровностях. Выше по склону его тоже быть не могло, мы бы его заметили при подъеме. Скатился, когда Леха падал?

Посмотрел вверх. Фил пристальной следил за мной, но идти следом не решался. Придерживаясь за сухие сучья злосчастного дерева, я, метр за метром, стал продвигаться вниз. С каждым шагом воздух становился все более густым и влажным. Начал ощущаться отвратительный запах гниющих листьев. Не сухих и не опавших, а именно гниющих. Омерзительный запах.

Как-то в школьные годы нас всем классом вывозили в городской парк на уборку территории. Дело было ранней весной, и опавшие листья, которые предстояло убирать с обочины проходящей через парк дороги, за зиму превратились в малоприятную, однородную массу, сгнившую и пахнущую так, что пришлось несколько раз отбежать на безопасное расстояние, чтобы ненароком не стошнило.

Сейчас же этот запах был значительно более острым и густым. Желудок тут же принялся настойчиво напоминать о том, сколько вчера было выпито. Я натянул ворот футболки на нос, в надежде хоть немного перебороть естественные позывы организма, и продолжил спуск. Нужно было как можно скорее найти прибор и выбираться из этой проклятой балки к чертовой матери.

«Ну, Леха, я тебе устрою!» — причитал я мысленно, не решаясь говорить вслух.

Дно оврага устилала высокая, густая трава, которая ближе к центру поляны равномерно смешивалась с не менее густыми зарослями камыша. За ним с трудом просматривалась небольшая лужица черной воды. Судя по всему, это и было то самое болото, о котором рассказывали Леха с Геней. Честно говоря, в тот момент я даже испытал некоторое разочарование. Как будто в один момент рухнуло все таинственное, что окружало их мистические рассказы. Обыкновенная лужа! Грязная, вонючая, кишачая пиявками и личинками комаров. Возможно даже, где-то внутри нее бил какой-нибудь вялый родник. Простая водоносная балка, коих в наших краях — тьма.

Я окинул взглядом склоны. Густые кроны старых, высоких деревьев создавали подобие купола над водоемом. Их скрюченные ветви переплетались между собой, создавая подобие замысловатой решетки, через которую с трудом пробивались редкие солнечные лучи. В густом, сыром воздухе они резко контрастировали с мраком лесного болота. Если бы не жуткий запах и вездесущие комары, можно было бы даже вернуться сюда с фотоаппаратом и провести фото-сессию. Нетронутая природа — всегда красиво...

Залаял Фил. Сначала робко, затем все сильнее и сильнее. Его голос казался далеким. По крайней мере, с такого расстояния он должен был звучать намного громче. Я решил, что пес просто отбежал подальше в поле.

Металлоискатель нашелся практически сразу. Его рукоять возвышалась над травой. Кум, как истинный копарь, оставил прибор в вертикальном положении, оперев подлокотником на рукоять воткнутой в землю лопаты. Оставались неясными три обстоятельства: во-первых,

почему Леха бросил такую дорогую вещь здесь внизу, если так бережно с ней обходился? Вторых, что он здесь вообще делал, если и ежу понятно, что находок в таком месте нет и быть не может по определению? И, наконец, самое главное: почему это я, такой полностью вмняемый, практически протрезвевший, взрослый человек, стою здесь и невыносимо хочу подойти поближе к воде? А еще я слышу голоса!

— Шшшиииееессс... — каждая волосинка на коже в мгновение ока встала перпендикулярно к телу, — Есссаааашшшш... Хххххааааасссссаааасссс...

Это был не один голос. Это был целый хор шепчущих в полной тишине, сиплых голосов, исходящих отовсюду! Я схватил металлоискатель и рванул к склону, по которому только что спускался вниз. Опираясь на Лехину лопату, скользил, падал, больно ударяясь животом и коленями, старался ухватиться за траву. Воздуха не хватало и меня начал душить кашель. Упав в очередной раз, я выронил прибор и на миг обернулся, чтобы успеть его подхватить, пока тот не скатился вниз по склону. И когда пальцы уже сомкнулись на штанге металлоискателя, теплая, массивная, отвратительно пахнущая волна воздуха с силой ударила мне в лицо:

— Сссаааааааааааахххххссс... — на этот раз шепот был настолько отчетливым и громким, что у меня не осталось сомнений в его реальности. Он был рядом! Он был прямо передо мной!

Следующие несколько десятков метров подъема я преодолел, будто на реактивной тяге. Уже у самой вершины склона снова поскользнулся и упал. Свет солнечных лучей, до этого скрывааемых ветвистыми деревьями, сюда проникал без труда. Дурной запах практически не ощущался, и я позволил себе обернуться назад. Ничего необычного, сверхъестественного или пугающего не обнаружил. Всего лишь стволы деревьев, между которыми проглядывалась зелень низины, и черное пятно омута. Оно было похоже на огромный мертвый зрачок с кишашей в нем живой мерзостью. Ко мне подбежал Фил и, радостно виляя хвостом, принялся облизывать лицо.

Глава 6. Час от часу не легче

Звонил мобильник.

— Коль, где тебя носит?

— Кум прибор свой вчера забыл, надо было забрать. Уже назад иду... — приходилось говорить, сквозь сбившееся дыхание.

Маша перебила:

— Юлька заболела. Давай быстрее. Надо срочно домой ехать. Фил с тобой?

— Да, со мной. Чем заболела?

— Температура высокая ночью поднялась, ее рвет постоянно и вообще плохо. Отравилась, наверное. Утром хуже стало. Мама врача вызвала, ждут сейчас. Давай быстрее, я тебя прошу!

«Час от часу не легче», — подумал я, и, прихватив металлоискатель, поспешил к дому Гены.

Отошел на приличное расстояние от оврага, обернулся, прислушался. Ничего... Сделал попытку обмануть себя, убедить себя в том, что все необычные события, с которыми пришлось столкнуться на болоте — не более чем плод воображения. А еще можно было списать все страхи на похмелье.

Можно было, но не получалось. Я знал. Я был уверен, что все было так, как было. По-настоящему. И не иначе.

Перепрыгивая лужи на размытой полевой дороге, набрал номер матери. Это ее Маша называла мамой, хотя, на самом деле, она была ей свекровью. Я надеялся разузнать подробности о Юльке, но ничего нового, кроме причитаний и оханья, не услышал. Оставалось надеяться, что все не так плохо, как кажется.

Маша ждала на скамейке около калитки, нервно теребя в руках мобильный телефон. Фил, завидев ее, обрадовался и рванул вперед.

— Ну, где тебя так долго носит? Нас Гена обещал в город отвезти на Лешиной машине.

— Да неудобно как-то, — растерянно промямлил я, будучи искренне уверенным, что с дочерью все будет хорошо, а волнения жены слишком преувеличены, — Он и так уже для нас много сделал. Еще и тут напрягать... Как назад ему добираться?

— Да хрен ли тут добираться, ели-пали? — раздался из-за забора низкий Генин голос, калитка открылась, и в проеме показалось его опухшее, заспанное лицо, — К нам сюда каждые полчаса электрички ходят. Ты, Коля, это... самое... Хорошо выёживаться, в-общем. Я привык по человеческим понятиям жить. Принципы у меня, если хочешь... Сегодня я вам помог, завтра, может, вы мне чем подсобите. Земля круглая, ели-пали, жизнь длинная, а Бог един. Он все видит... Так что это... Давай... Завтракаем и погнали.

Маша ничего не хотела слышать ни о каком завтраке и настояла на немедленном отъезде.

До города домчали за полтора часа. Всю дорогу Маша созванивалась с мамой, разузнавая мельчайшие подробности, и начинала паниковать каждый раз, когда пропадал сигнал сети и связь обрывалась. Фил чувствовал нервное напряжение хозяев и за время поездки не издал ни звука. Это было совсем на него не похоже.

Пока мы ехали, «скорая» увезла Юлю в больницу с подозрением на кишечную инфекцию, поэтому мы, не заезжая домой, отправились прямо туда. По приезду Гена поинтересовался, может ли чем-то еще быть полезен. Мне очень не хотелось его задерживать. Этот простой, добрый, бескорыстный человек сделал для нас так много за последние два дня... А я, во всей этой суете, даже не успел его толком поблагодарить. Или, хотя бы, обменяться номерами телефонов, чтобы отблагодарить позже. Успел, разве что, всучить деньги на такси до вокзала. И то, сунул не ему, а таксисту, потому что Гена брать деньги не стал. На том и распрощались.

С Филом в больницу не пустили. Пришлось просить маму погулять с ним на улице. Снова сидеть в машине он категорически отказывался. В приемном отделении стоял резкий запах медикаментов. Юле промывали желудок в процедурном кабинете.

— Боже, как я устала ждать за эти два дня, — сидя на жестком больничном топчане, тихо причитала Маша, — Ждать и бояться. Вы меня с ума сведете! Кстати, что там с Лешкой случилось? Что у него с ногой?

— Довездеходился Лешка. Поскользнулся, на ветку с наскока ногой напоролся. Пришлось срочно в больницу везти, иначе крови мог много потерять. Если бы не Гена...

— Боже... Что, так сильно напоролся?

Я рассказал ей обо всем, что случилось прошлым вечером. За исключением одной детали. Детали, которая занозой сидела в голове и не покидала ее ни на минуту. Маша слушала, широко раскрыв глаза и прикрыв губы ладонью.

— А ты ему звонил?

— Пытался, но у него телефон промок. Хотел сегодня навестить, только теперь вот не знаю...

После того, как Юлька прошла все необходимые процедуры, ее перевели в общую палату и нам с Машей разрешили ее навестить. Когда я увидел дочь, лежащую на огромной больничной кровати с провисшей панцирной сеткой, такую худенькую, бледную, с паутиной трубок от капельниц, тянущихся к обеим маленьким ручонкам, то в горле встал ком. Враз из головы вылетела вся пустая потусторонняя ересь, которая не давала покоя последние несколько часов. Весь мир, все проблемы и потрясения в один момент сжались до ничтожно малых размеров, по сравнению с тем, что было в действительности важным. Юлька бессильно улыбнулась и прошептала:

— Мама, папа...

Странно... Она улыбалась, а от этого на сердце становилось еще тяжелее. Чувство жалости к маленькому, родному чадушку и осознание собственного бессилия разрывали изнутри. Я взял ее за маленькую, пухленькую ладошку и приложил к своей щеке.

— Ой, папа, ты колючий, — теперь чуть веселее прошептала дочурка.

Врачи диагностировали сальмонеллез, опасную кишечную инфекцию, и настоятельно рекомендовали оставаться на стационарном лечении в больнице еще, как минимум, неделю. Я весь день провел с Юлькой, пока Маша ездила домой, чтобы собрать необходимые вещи и привести себя в порядок после нашей поездки. Вечером она меня сменила и появилась возможность заскочить в травматологию, чтобы проведать кума.

Леха встретил меня какой-то нервной улыбкой на встревоженном лице. На него это было совсем не похоже. В палате были еще двое — старик, без видимых невооруженным глазом повреждений и молодой парень с гипсом на правой руке. Первый увлеченно читал газету, и, казалось, вовсе меня не замечал, второй лежал с закрытыми глазами, в наушниках, из которых доносилась какая-то энергичная, однообразная музыка.

— Приветствую выздоравливающих, — попытался я приободрить поникшего друга, но тот снова отреагировал в весьма несвойственной ему манере, чуть заметно кивнув мне в ответ и жестом предложил присесть на край койки.

Я, конечно, догадывался, в чем была причина такого поведения. Единственное, что настораживало, так это то, что кум принял всю эту болотную чертовщину слишком близко к сердцу. Значит, либо его переживания так усугубила травма, либо я чего-то не знал.

— Ты как? — негромко спросил меня Леха, когда я присел рядом.

— Как я? Это ты как? Кто из нас вообще с порванной жопой лежит?

— А... Да нормально все с жопой. Прооперировали, зашили все. Печень не задета, а это главное — будем пить. Ты лучше это... — он замялся, — Ты помнишь, я тебе про шепот на болоте говорил? Про вой этот...

Я кивнул, не зная, стоит рассказывать ему о том, что сам слышал, или нет. С одной стороны — что тут скрывать? С другой — уж слишком напуганным выглядел мой кум. Настолько напуганным и непохожим на самого себя, что я засомневался в его душевном равновесии. Но решил, все-таки, рассказать все как есть...

Он приподнялся, уперся локтем в подушку и слушал очень внимательно. Не отрывая пристального взгляда, проглатывая каждое сказанное мною слово. Даже когда я закончил, он не сменил позы и ждал еще чего-то.

— И все? — пытливо уточнил он.

— Да, вроде, все. А что? Тебе мало, что ли? Я, между прочим, прибор твой спас. Он даже работает. Я проверил.

Леха откинулся на подушку и, закрыв глаза, шумно выдохнул.

— Да что с тобой, мужик? — не выдержал я и возмутился его молчанием, — Ты можешь сказать, что не так-то? Ну, попали мы с тобой в какой-то бабкин-ёжкин огород, ну, испугались маленько. Все ж уже позади! Все нормально! Вон и ногу тебе уже починили... Я тоже слышал эту хрень, тоже труханул крепко. Но сейчас-то...

— Нет, Коля, ты не понял, — перебил он меня, — Ты эту хрень слышал там, а я эту хрень и сейчас слышу. Вот здесь! — он ткнул пальцем себе в висок.

Глава 7. Навсегда

Я оторопело смотрел на кума, не зная как реагировать. Никогда не был суеверным, никогда не верил ни в чертовщину, ни в экстрасенсов, которые в последнее время заполонили экраны телевизоров и зарабатывают неплохие деньги на доверчивых домохозяйках. Не верил в колдунов, гадалок и прочий бред. Всегда скептически и с солидной долей иронии смотрел передачи с диковинными названиями, на подобии «Необъяснимо, но факт» или «Потустороннее». Я всегда и всему старался найти логическое объяснение. Рациональное. Вот и сейчас, первое, что пришло в голову — это порекомендовать Лехе обратиться к хорошему мозгоправу. Но, в тот же миг, рациональное объяснение само собой свалилось на меня, будто снег на голову. Как же все просто! Элементарно! И так забавно. Я рассмеялся...

Кум смотрел на меня с разочарованием и обидой. А как еще ему было реагировать на мое поведение? Я хохотал и его испуганное лицо еще сильнее раззадоривало.

— Леха, — едва справившись с эмоциями, выдавил я из себя, — Ты помнишь, как мы с тобой на третьем курсе травы накурились, а потом нам Андрюха Чайник какие-то колеса подсуетил? Последствия... Помнишь?

— Ты че, старик, — настороженно спросил кум, — Трава-то тут при чем?

— Да при том, дубина ты обдолбанная! Мы с тобой в том овраге испарений болотных надышались и глюки конкретные поймали! Выбрались — попустило. Так? Но тебя ж под наркозом оперировали, правильно? — я снова засмеялся.

Леха некоторое время еще оставался с каменным лицом, а затем с шумом выдохнул и облегченно откинулся на подушку:

— Твою же мать! Твою мать! Твою мать! — ругался он, широко улыбаясь, — Чего ж ты раньше-то молчал, подонок? Я уже думал, у меня кукушка улетела, пора из одной больнички в другую перебираться.

— Так я че-то не понял, тебя что, до сих пор плющит, что ли? — я снова хохотал.

— Не-е-е. Сейчас уже, вроде, попустило. Но пару часов назад еще лежал и пытался разобрать, что мне там болото шепчет втихаря. Твою ж мать, а...

— Слышь, а прикольно было. А главное — бесплатно! — теперь уже мы оба смеялись, вытирая слезы, — Можем даже наркоэкскурсии за деньги проводить. Наркотуры в живописные места! А? Звучит?

Вернувшись в пустую квартиру поздно вечером, я позвонил Маше и разузнал о самочувствии дочери. Юлька спала, но ближе к ночи снова стала подниматься высокая температура и сейчас ей поставили какую-то капельницу. Мы договорились, что если ей будет становиться хуже, Маша обязательно позвонит.

Я улегся в кровать, с надеждой поскорее уснуть и сразу ощутил одиночество. Нет, я прекрасно осознавал, что нахожусь дома один с самого начала... Просто сейчас, лежа в постели, в которой привык ощущать тепло любимой женщины, этого тепла не ощутил. Я не слышал мерного сопения маленького Юлькиного носика, всегда доносившегося из ее

маленькой кровати. И даже Фил остался у матери. Я был один. И это было неприятно и немного страшно. Страшно, потому что на миг представил, что могу остаться в одиночестве навсегда. Я торопливо отогнал от себя эту неприятную мысль, но тут же подумал, что слово «навсегда» не менее пугающее, чем «никогда». Где-то я уже это слышал... У какого-то писателя или драматурга... Кто-то до меня уже успел над этим задуматься...

Через неделю Юльку выписали из больницы, и жизнь пошла привычным, размеренным чередом. Леха выздоровел, и с приходом осени мы возобновили наши субботние выезды на покопушки. Вот только Машу теперь было не вытащить на природу. После того случая она категорически отказывалась составлять нам компанию и предпочитала волноваться за нас, сидя дома. Кум же не изменил своей манере слоняться по лесам и оврагам, и даже казалось, делал это с еще большим усердием, чем раньше. Хромал, кряхтел, но шел в кусты.

Так все шло до наступления ноября. В первый же день этого месяца моя жизнь изменилась навсегда. Внезапно и навсегда.

Это был понедельник. Вернувшись с работы, я нажал на кнопку звонка нашей квартиры. Из-за двери привычно залаял Фил, который всегда чувствовал или слышал мои шаги на лестничной клетке и начинал суетиться еще задолго до того, как войду. Маша, которая всегда возвращалась с работы раньше меня, успевала к этому времени забрать Юльку из детского сада и приготовить ужин. На этот раз дверь никто не отворил. Фил перестал лаять и только тихонько скулил. Я снова позвонил и, снова не дождавшись ответа, принялся рыться в карманах в поисках ключа.

В квартире было темно. Я окликнул жену по имени, но никто не отозвался. Дома никого не было. Ужином тоже не пахло.

Набрал Машин мобильный, но связи не было. Предположив, что они с Юлькой после сада могли зайти в магазин за покупками, я отбросил тревожные мысли и решил подождать. За год скопилось довольно много различных находок, которые давно хотелось почистить и привести в более-менее приглядный вид. Я занялся их очисткой, рассчитывая таким образом убить время и дождаться своих.

Зазвонил мобильный. Почувствовал облегчение, и, будучи уверенным, что звонит Маша, посмотрел на входящий номер. Звонили со стационарного...

— Здравствуйте, — официальным тоном поздоровался со мной незнакомый мужской голос.

— Здравствуйте, — немного растерянно ответил я.

— Старший оперуполномоченный Ленинского районного отделения Литвинов Олег Владимирович, — отчеканил тот и сухим, железным тоном поинтересовался, — С кем я говорю?

Сердце екнуло, предательски забарабанив в груди. Мельком заметил, что волноваться-то мне не из-за чего. Я вполне законопослушный гражданин и проблем с законом не испытывал даже во времена бесшабашной молодости. Откуда же эта...? Мысли о том, что звонок может касаться Маши и Юльки я даже близко не подпускал к себе. Хотя она, конечно же, первая пробралась в голову. Я просто гнал ее. Гнал подальше.

Я представился.

— Скажите, вам знаком телефонный номер... — он продиктовал мне номер Маши и я даже на некоторое время успокоился. Маша потеряла телефон, и он как-то попал в милицию!

— Да, это телефон моей супруги. А в чем...

Договорить я не успел, милиционер меня перебил:

— Мне очень тяжело это говорить, — он сделал небольшую паузу, за которую я в тот момент готов был его убить, — Но ваша жена и ребенок погибли. Они переходили дорогу на пешеходном переходе...

Я его не слышал. Ничего не слышал. Просто стоял и смотрел в одну точку. Я оказался в вакууме, в космосе, в невесомости. Очень хотелось проснуться. Я ему не верил! Он мог ошибаться... Да конечно он шибается, и они все еще живы! Хотелось вдохнуть, но я не смог.

Я сел на пол и завыл. Не заплакал. Я выл, как собака. Мычал, стонал. Не кричал, не плакал. Выл и стонал. Без слез. И Фил, который сидел рядом и смотрел на меня, наверное решил, что я сошел с ума. Навсегда.

Глава 8. Надежда

Дальше был сон. Самый кошмарный и самый длинный сон в жизни. Он длился многие дни, недели, месяцы... Много незнакомых людей, опознание, родственники, которые суетились, плакали, соболезновали, утешали, снова соболезновали... Завешенные простынями зеркала в квартире, кладбище, слезы. Много слез. Могилы, кресты, надгробия, первый мокрый снег и грязь под ногами. Тела, лежащие в деревянных коробках около свежерытых могил. Одно маленькое, другое — побольше. Восковые лица жены и дочери, совсем не похожие на себя. На эти лица падал снег и не таял. Удары земли, падающей на крышки гробов. Поминки. За всем этим я наблюдал, не принимая совершенно никакого участия. Как будто меня не было вовсе. Будто я умер вместе с ними. Меня всюду водили под руки, усаживали, вливали в рот водку. Я часами мог сидеть в одиночестве и ни о чем не думать. Абсолютное, полное отрешение.

Каждый день после похорон ко мне приходил Леха и просто сидел рядом. Молча. Иногда что-то говорил, но я не помню что именно. Затем врачи. Кажется, возникли какие-то проблемы с ногами. Они, почему-то, сильно отекали. Меня заставляли двигаться, и я двигался, пока заставляли.

Моя мама переживала потерю внучки и невестки не менее болезненно. Леха рассказывал, что ее увезла скорая в кардиологию. Он навещал ее в больнице несколько раз. Она просила, чтобы он не заставлял меня приезжать. Я и не ездил.

Неделю спустя крепко запил. Пил много и постоянно. Это не приносило особого облегчения. Да я его и не искал. Просто пил и все. Без причины. В первые дни запоя Леха составлял мне компанию, но спустя неделю я продолжил пить уже в одиночестве. И продолжал, пока не закончились деньги.

Протрезвев, стал в каждой детали своего жилища замечать напоминания о жене и дочери. Фотографии на стенах, рисунки на обоях, оставленные маленькими Юлькиными пальчиками, запах Машиных духов, сохранившийся на ее одежде, длинные светлые волосинки, затерявшиеся в нестиранной уже два месяца постели, игрушки, разбросанные по детской комнате и до сих пор никем не убранные, рисунок маленького щенка с надписью «папин друг».

Я сорвал с потолка люстру, срезал висевшую на балконе бельевую веревку и закрепил один ее конец на крюке, вкрученном в потолок. Делал я это так, будто занимался чем-то обыденным, повседневным. Страшно не было. Абсолютно. Потому что уже считал себя мертвым. Я умер первого ноября, и умереть второй раз уже просто не мог. Оставалось всего лишь исправить небольшую досадную ошибку — остановить сердце, которое сопротивлялось реальности и упорно продолжало биться.

Крюк не выдержал, и я упал на пол, больно ударившись ребрами о выбитую из-под ног табуретку. Отдышавшись, перешел в другую комнату, снял другую люстру. Сделал новую петлю, продел в нее голову и, не раздумывая, оттолкнул опору из-под ног. Снова падение и боль от удара. Очередной крюк был выдернут из потолка, осыпав меня пылью и осколками штукатурки.

Щелкнул дверной замок. В прихожую вошел Леха. У него был свой ключ от квартиры. Машин ключ, который он взял сам, так как в последнее время я никому не открывал дверь. Увидев меня сидящим на полу, он подбежал, упал на колени и крепко обнял, матерясь и ругая последними словами. Мы долго так просидели, а после Леха заговорил:

— Ты помнишь, как мы с тобой по полям носились? А? Кумец...А как хутор в лесу искали и застряли в канаве? Нам тогда пришлось до утра комаров кормить. А вспомни, как на футбол ходили, как наши «четыре-один» турков наказали! Вспоминай, мать твою за ногу! Это тоже была жизнь, старик! Это тоже жизнь! И она не закончилась! Понимаешь ты это или нет? Она здесь! За нее бороться нужно! Вспоминай, как в универе в окна женской общаги лазили! — он почти кричал, изо всех сил, стараясь достучаться до меня, и у него начало получаться, — А как ты меня из того оврага с пробитой ногой вытаскивал? Вспоминай, как два обдолбыща боялись собственных глюков!

Я посмотрел на Леху, но о том, что мне пришло в голову, конечно же, не сказал. Вот только в груди, впервые за последние два месяца, что-то заныло, зашевелилось, разлилось теплом. И это была надежда. Глупая, никчемная, откровенно издевательская, но надежда. Я не верил в нее, но другого выбора просто не оставалось. Видимо, взгляд мой стал осмысленным, потому что кум, вдруг, замер и осторожно улыбнулся. Он хлопнул меня ладонями по плечам и радостно затараторил:

— Ну, вот, мужик! Молодца! Возвращайся! Ты хоть кивни мне, а то я не пойму радоваться мне или пугаться.

— Все нормально, Леш... — голос оказался каким-то чужим, хриплым. Я уже и забыл, как он должен звучать, но точно не так, как сейчас.

Леха оживился, схватился руками за голову и тут же воздел их к потолку:

— Слава тебе, Господи! Я слышу его голос! — затем снова переключился на меня и командным тоном продолжал, — Короче! Я отпуск беру и мы с тобой, завтра же, в поля! Завтра же! Ты в окно посмотри! Там же весна настоящая, оттепель, весь снег сошел! Я такого января вообще не помню! Плюс девять! Трава даже полезла!

— Нет, завтра нет, — все тем же хриплым голосом отказался я, — Давай потом.

— Никаких «потом», — безапелляционно отрезал кум, — Я тебя теперь ни на шаг от себя не отпущу. Жить нужно сейчас! Сегодня! Ты когда ел в последний раз? В зеркало на себя смотрел? Худой, как щепка! Идем на кухню, я тебе пожрать принес, а то в холодильникемышь повесилась.

Леха приготовил замечательный ужин и я, удивляясь самому себе, с удовольствием съел все, что было предложено. Мы долго, почти до самого утра, сидели за столом, безжалостно истребляя запасы чая, и говорили без умолку. Вернее, говорил по большей части кум. Он тактично избегал разговоров о моей семье и с удовольствием делился новостями, произошедшими за последнее время. Политика, пресловутый футбол, работа... Я слушал его, иногда удивляясь, как много пропустил, но уже той ночью начал обдумывать план действий.

Для начала, нужно было сбежать. Леха, застав меня с петлей на шее, решительно взялся за спасение и клятвенно пообещал не оставлять в одиночестве ни на минуту до тех пор, пока

не будет уверен, что я вернулся к полноценно жизни. Моего согласия он не спрашивал. Да оно ему было и не нужно.

Весь следующий день он, и в самом деле, не отходил от меня ни на шаг. Я кое-как отговорил его ехать на коп и, вместо этого, мы просто слонялись по городу, периодически посещая различные забегаловки для перекуса. Вечером, вернувшись домой, я попытался убедить его ехать к жене с детьми, но доводы не подействовали и он снова остался ночевать у меня.

Сделав вид, что уснул и, дождавшись мерного храпа из соседней комнаты, я тихо встал. Не включая света, оделся. Мне нужны были деньги на проезд, и пришлось немного взять у кума, почистив карманы его куртки. Было стыдно, но других вариантов не было. До вокзала добрался на метро, которое еще не успело закрыться. Ближайшая электричка отходила в пять утра, и у меня в запасе еще было чуть больше четырех часов.

Глава 9. Омут

Выйдя из вагона на испещренный трещинами деревенский перрон, поежился от порывистого сырого ветра и торопливо застегнул молнию на куртке. Рассвет еще не наступил. Чуть в отдалении горели одинокие уличные фонари, фрагментарно освещая старые, невысокие дома. Постоял немного в нерешительности, затем пересек железнодорожное полотно и, не обращая внимания на лужи, побрел туда, откуда возвращаться не собирался. Ноги быстро промокли и замерзли, в лицо ударил мелкий дождь.

Пока шел, небо немного посветлело, и впереди проявились очертания деревьев, окаймляющих овраг. Их черные голые ветви слегка покачивались под сильными порывами ветра. Впервые за два долгих месяца мне стало страшно. Я шел и не мог понять, чего боюсь больше: смерти, которой желал сам себе, или собственной уверенности в том, что Гена в ту ночь просто рассказал страшилку на пьяную голову? Здравый рассудок, если он еще сохранился в моей голове, честно признавался, что все указывает на последнее. Старое болото, благодаря удушливым, ядовитым испарениям, имело среди местных дурную славу. Оно дурманило, вызывало галлюцинации и потому не удивительно, что со временем обросло суевериями и сказочными историями. И каждый выдумывал свою... На долю секунды даже возникло желание навеститься к комбайнеру в гости и расспросить обо всем подробнее, но страх навсегда потерять единственную надежду заставил не отвлекаться от задуманного.

Стоя на краю оврага, я слушал завывания ветра и с удивлением отметил, что на дне, у самого болота, стоит плотный туман. Видимо деревья, растущие по периметру, и крутые склоны надежно защищали его от движения воздуха. А органика, которой наполнилась гнилая вода, источает тепло. По мере спуска, я начал все отчетливее ощущать тот самый запах и, на всякий случай, прислушался.

Внизу было тихо и сумрачно. Под ногами чавкало. Почва здесь была мягкой и сильно проминалась под ступнями при каждом шаге. Плотный туман, окутавший меня со всех сторон, слегка дезориентировал. Я посмотрел вверх и по верхушкам деревьев, приблизительно определил, в каком направлении нужно двигаться. Медленно ступая и часто дыша от волнения, заметил, что туман стал еще плотнее, и я уже не вижу собственных ног. Вытянув перед собой одну руку, не смог разглядеть пальцев.

Гнетущая тишина сводила с ума. Уж лучше бы выло и шептало! К этому я, по крайней мере, был готов. Но тишина... Ноги все глубже проваливались в скользкое, вязкое дно болота и холодная вода доставала уже почти до колен. Идти становилось все тяжелее, и я начал подозревать, что глубина водоема слишком мала для того, чтобы получилось

совершить задуманное. Сделав еще несколько шагов, решил, что так оно и есть. Глубже не становилось. Я остановился, закрыл глаза, из которых предательски выступили горячие слезы, и медленно выдохнул:

— Господи, какой идиот...

Отчаяние? Разочарование? Слишком простые слова. Я увидел во всей красе абсурдность и постыдность ситуации, в которой оказался. Стоя по колени в грязной, смердящей канаве, надеялся вернуться в прошлое и спасти погибшую жену с дочкой. Большого идиотизма придумать сложно! Какая изысканная насмешка над собой! Не сдержавшись, выбросил кулак в размашистом ударе и, насколько мог громко, заорал. Орал, пока не вышел весь воздух из легких, а когда умолк, то понял, что началось...

Сердце бешено забилося, дыхание участилось. Не смотря на то, что уже молчал, я каким-то непостижимым образом продолжал слышать собственный крик. Он не прекращался и даже, казалось, нарастал, превращаясь во всепоглощающий вопль. Он был настолько громким, что стало больно ушам. Я сдавил их ладонями, зажмурился, сильно стиснул зубы и, внезапно, почувствовал прикосновение холодной воды к кончику носа. Открыл глаза, и голова пошла кругом... Я касался носом поверхности воды и видел в ней отражение собственных зрачков. Было совершенно не понятно как это возможно, потому что в этот момент я чувствовал под ногами дно болота, а спина, при этом, оставалась ровной! Этого не могло быть, потому что я стоял! Хотел было отпрянуть, но не успел. В одно мгновение лицо оказалось под водой. Запрокинул голову назад, но там уже тоже была вода. Ноги потеряли твердь и провалились в глубину омута. Размахивая руками в разные стороны, пытался найти какую-нибудь опору, но ничего не находил, кроме вязкой, густой, ледяной воды. Она была повсюду, и я окончательно потерял ориентиры, не понимая где поверхность, а где дно. Холод сковал все мышцы. Не в силах больше сопротивляться желанию сделать вдох, глотнул... Горло свело судорогой, тело боролось за жизнь, пытаясь вырвать заливающуюся в легкие жидкость, но из-за рвотных позывов они все сильнее наполнялись водой. В груди сильно жгло, очередная судорога с силой вытолкнула залившуюся воду. Конечности наполнились свинцовой тяжестью, и я понял, что умираю. Когда приступ судороги прошел, я снова непроизвольно вдохнул... но не почувствовал очередной порции воды, заливающейся в легкие. Вместо этого, с громким клокотанием и болью я вдохнул теплый, сладкий воздух.

Глава 10. Лето

Меня рвало. Я жадно хватал воздух в коротких перерывах между спазмами и выкашливал зловонную, зеленую жижу из горящих огнем легких. Она растекалась черной лужей и быстро впитывалась в сухую, твердую землю.

Едва отдышавшись, почувствовал невероятную слабость во всем теле и бессильно рухнул на спину. Надо мной, сияя пронзительной голубизной, нависало огромное, чистое небо, по которому суетливо носились юркие стрижи, а по сторонам, мерно качаясь, золотились спелые колосья пшеницы. Отовсюду лился звонкий стрекот кузнечиков, жужжала мошкара. Я закрыл глаза и отключился.

Проснулся от невыносимой жары. Мокрая куртка нагрелась от жгучего летнего солнца и превратилась в настоящую духовку. Сбросив с себя всю одежду и оставшись в одних трусах, приподнял голову над полем. Это было то самое поле, где когда-то стоял хутор. Здесь я искал монеты. Вот только пшеницы не было.

Всего в полукилometре от меня темнели знакомые старые деревья. Только тогда до меня

дошло... Только тогда я, наконец, осознал целиком и полностью, что у меня получилось! У меня, черт возьми, получилось! Я тихонько хихикнул. Затем еще. И еще. Я долго смеялся, будучи не в силах остановиться, со слезами на глазах, пока не заболел живот. Потом плакал. Но плакал от радости. Мне было все равно как... Было абсолютно плевать, что я не могу объяснить что со мной произошло. Я просто стоял на коленях, в теплых лучах солнца и просто старался поверить в происходящее. На миг даже подумал, что это просто был самый реалистичный и самый страшный сон, но боль в груди, а также мокрая и грязная одежда доказывали обратное. Где-то там, совсем недалеко, в каких-то полутора сотнях километров, живые и здоровые Маша и Юлька.

А если я ошибаюсь? От этой мысли у меня все похолодело внутри. В самом деле, ведь я же не могу быть уверен, что перенесся в другое время... Вернее, время-то, конечно, другое, но... если это не прошлое? Что если я на полгода вперед прыгнул?

Просто лежать и рассуждать стало невыносимым занятием. Натянув едва просохшие, грязные джинсы и футболку, я направился в сторону деревни, где жил единственный знакомый мне местный житель. У двора Гены стоял тот самый трактор, на котором он приехал нам на выручку. Вокруг него суетилась все та же шумная, пернатая живность. Был и злобный гусь, который в августе норовил меня ущипнуть, когда я с дикого бодуна выходил во двор в поисках воды. Он и в этот раз, грозно зашипев, пригнул шею к земле, предупреждая, что шутки с ним плохи. Я улыбнулся ему в ответ, будто старому приятелю, и про себя отметил, что это добрый знак. Если гусь еще бегаёт, значит, на новогодний стол попасть не успел. Новый год, попросту, еще не наступил. И ноябрь тоже. И девчонки мои...

Калитка была отворена, и я заглянул во двор. Гена, склонился над какой-то здоровенной металлической штуковинной, установленной на большом верстаке. Он что-то сосредоточенно выковыривал из нее отверткой.

— Приветствую, уважаемый, — осторожно поздоровался я.

Гена мельком взглянул в мою сторону и, почесав затылок, вернулся к своему занятию, но вдруг замер и медленно опуская руку снова повернулся ко мне. Не отвечая на приветствие, Гена молча, настороженно смотрел на меня. У меня перехватило дыхание. Узнал?

— Здрассти, здрасти... — он скользнул взглядом по моей грязной одежде и тем же настороженным тоном спросил, — Че надо?

Я облегченно вздохнул. Вроде, не узнал.

— Поговорить бы нам, Гена.

Он снова замер и едва заметно качнул головой, но продолжил стоять, пристально пялясь прямо мне в глаза. Было видно, что он хочет задать вопрос, но боится, что будет не правильно понят... Да что там! Я даже догадывался, что это был за вопрос, поэтому, не дождавшись, сам на него и ответил:

— Да. Мы с тобой знакомы. Точнее, я с тобой знаком. И да, я оттуда, — я кивнул в сторону балки.

— Да уж вижу откуда, ели-пали... — он отложил в сторону отвертку, оперся грязными ладонями о верстак и тяжело вздохнул, — Звать-то тебя как?

— Николаем. Сейчас восьмой год?

— Угу, июль, — пробубнил он в ответ и кивнул на душ, стоявший во дворе, — Иди, отмойся. Полотенце и штаны тебе принесу...

— А позвонить от тебя можно?

Он порылся в глубоком кармане, извлек старый, затертый мобильник и протянул мне.

— Только там ненадолго хватит — деньги кончились.

С этими словами Гена удалился в дом. Большой радости от встречи со мной я не заметил. Да оно и понятно. Для него я чужой человек, которого он впервые видит. Да еще и явно со своими проблемами. Но выбирать не приходилось, и я решил в очередной раз воспользоваться добросердечностью этого человека.

Дрожащей рукой набрал Машин номер и, ненадолго замешкавшись, нажал на «вызов». Пошли длинные гудки. Это были самые длинные телефонные гудки из всех, которые мне когда-либо приходилось слышать. Затем щелчок соединения:

— Алло? — дыхание перехватило.

— Маша...

— Алло, кто это?

— Маш, это я!

— Кто — я?

— Машка... Машенька!

В трубке раздался сигнал, предупреждающий об окончании средств на счету и, понимая, что связь скоро оборвется, я затараторил:

— Я скоро буду, слышишь? Ты, главное, никуда не уходи! Ты дома? Жди меня дома! Машка!

Связь оборвалась. Я готов был кричать от счастья! Готов был прыгать и кричать! Но сдерживался, чтобы окончательно не вводить в ступор Гену.

Сняв с себя затвердевшую от засохшей болотной грязи одежду, бросил ее прямо на землю. Зашел в душ, и с огромным удовольствием принялся смывать въевшуюся в кожу кошмарную вонь. Из-за шума воды я не расслышал, как Гена подошел к двери и громко спросил:

— Так откуда тебя к нам занесло-то, ели-пали?

Я чуть не назвал две тысячи восьмой, но вовремя спохватился, вспомнив, что лично для меня две тысячи девятый так и не наступил. Точнее, я просто не заметил его наступления.

— Январь девятого. Точно не могу сказать, какое число было...

— Ого! Ты, что ли, в прорубь нырял, не пойму?

— Да нет, зима теплая была. Плюсовая температура. Терпимо!

— Видать, была причина, ели-пали.

— Была... — немного помолчав, ответил я и от воспоминаний передернулся всем телом. Я так быстро начал забывать все, что со мной было еще вчера, что даже сам удивился.

Гена, как и в прошлый раз, был гостеприимным и учтивым. Вари дома не было, и мы обедали вдвоем, сидя за столом под старым абрикосовым деревом. Мне очень не хотелось рассказывать о том, почему я сюда вернулся, но зато я в мельчайших подробностях поведал ему о спасении Лехи. А когда рассказал об ужине под фирменный «эликсир», и о его откровении, он наконец немного расслабился и даже улыбнулся. Хотя, прежней простоты и словоохотливости я на этот раз так и не увидел.

Когда с трапезой было покончено, Гена, молча, встал из-за стола и вынес из дому чистую одежду. Выглядел я в ней, мягко говоря, забавно. Старомодные джинсы-варенки, неизвестно как сохранившиеся в достойном состоянии, цветастая рубашка с остроконечным воротником и советские линялые кеды. Впрочем, последние и по сей день не теряли своей актуальности. Гена смущенно пожал плечами, как бы извиняясь, что не нашлось более

приличной одежды, и вслух добавил:

— Нет, я понимаю, ели-пали, одежда — не фонтан, но твоего размера у меня ничего другого...

— Гена, — я с улыбкой посмотрел на смущающегося великана, — Если бы ты знал, как я тебе за все благодарен, ты бы даже не думал ни в чем оправдываться. Одежда — бомба! Честно! Я обязательно верну. Мне бы только домой поскорее попасть. Ждут меня там... Или, наоборот, я жду... Короче, поеду я. Спасибо тебе огромное за все!

Я подошел к нему и крепко пожал большую мозолистую руку. Он сунул мне купюру:

— На проезд. А то в электричках сейчас контролеры суровые.

Я еще раз поблагодарил его и, распрощавшись, хотел было уйти, но, вспомнив известный голливудский фильм, улыбнулся и добавил:

— Наши дома «Бешикташу» четыре мяча заклепают, а турки гол престижа на девяностой смогут отыграть. Делай ставку! Не прогадаешь!

До станции добирался бегом.

Часть 2. Пластмассовый мир

Часть 2. Пластмассовый мир

Ты представить себе не можешь, на что способен человек, который наконец-то понял, что у него нет другого выхода...

Макс Фрай, «Наваждения»

Если есть вход, то есть и выход. Так устроено почти все. Ящик для писем, пылесос, зоопарк, чайник... Но, конечно, существуют вещи, устроенные иначе. Например, мышеловка. Харуки Мураками, «Пинбол-1973»

Глава 1. Погань

В вагоне стояла духота, сильно пахло потом. Даже настезь распахнутые форточки не спасали. Несмотря на неподражаемый придурковатый вид, приобретенный благодаря экстравагантной одежде, попутчики на меня особого внимания не обращали. Это вполне устраивало. Я сидел у окна и долго, с удовольствием наблюдал за проносящимися мимо пейзажами, залитыми знойным летним солнцем. Создавалось странное впечатление, будто я попал в совершенно другой мир. В нем не было места горю и страданиям, разочарованиям и боли. Не было места смерти. Не было места безысходности... Было только солнце, безоблачное небо и жизнь. Я ехал к самым дорогим, любимым людям, которых уже почти не надеялся вернуть. Еще каких-то полдня назад не надеялся. Еще полдня назад я не хотел жить! И вот теперь, сидя в душном вагоне, я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Размышляя над всем этим, я улыбался, сам того не замечая. Но, видимо, это заметила грузная женщина, сидевшая напротив, и уставившаяся на меня бесцеремонным, пристальным взглядом. Ощувив его на себе, я переключил внимание на попутчицу и приветливо улыбнулся еще шире. Она, не меняя каменного выражения лица, еще несколько секунд всматривалась, а затем чуть слышно, видимо, чтобы больше никто ее слов не расслышал, прошипела:

— На себя посмотри, урод худосочный! — последнее слово она растянула, подчеркнув тем самым особенно пренебрежительное ко мне отношение.

Улыбка мигом слетела с довольного лица и ничего больше, кроме недоумения, я изобразить не смог. Женщина вызывающе подалась всем своим немалым весом в мою сторону и с вызовом, сквозь зубы, добавила:

— Чего скалишься, погань? Ты у нас, что ли, идеальный? Ты себя-то в зеркало видел, что с людей тут ржешь? Погань! — и, демонстративно сплюнув на пол, подняла с пола увесистую сумку и пересела на другое место.

Совершенно не понимая, что произошло, я сидел и не знал, как реагировать на такую вопиющую несправедливость. Вероятно, она посчитала, что моя улыбка была вызвана ее излишним весом. Немного поразмыслив, решил, что доказывать что-то такому человеку просто нет никакого смысла. Скорее всего, с головой у нее явные проблемы, а значит, объясняться просто не стоит. Или, может быть, женщина была просто обижена жизнью. В любом случае, лучше не предпринимать попыток оправдаться.

Оставшуюся часть пути до города я провел, все также, пялясь в окно электрички, но настроение было бесповоротно испорчено. Теперь присутствовало лишь колоссальное волнение перед встречей. Самой важной встречей в моей жизни.

Раскаленный асфальт привокзальной площади проминался под резиновыми подошвами, которые норовили вот-вот расплавиться. Очень хотелось пить. Скучавшие до этого таксисты, завидев толпу людей, высыпавшую из вагонов, заметно оживились и принялись предлагать свои услуги, монотонно бубня: «Такси, такси, не дорого...» Моя скромная персона была демонстративно проигнорирована. Видимо, здесь свою роль сыграла одежда. В ней я не производил впечатления человека, способного рассчитаться за их услуги, а значит, не было смысла тратить на меня драгоценное время.

Взяв курс в направлении станции метро, я пересек площадь. Увидел небольшой киоск, на котором большими буквами красовалась соблазнительная надпись «холодные напитки». Вывернул карманы «варёнок» и подсчитал оставшуюся наличность. На воду деньги были, на проезд до дома тоже оставалось. Подойдя к небольшому окошку, постучал:

— Добрый день. Литр холодной без газа, пожалуйста.

Молодая дама, с вытравленными добела волосами, слегка нахмурилась и переспросила:

— Какой день?

— Добрый, — улыбнулся я ей.

— При чем тут день? — теперь равнодушно буркнула она, подала мне запотевшую бутылку и захлопнула дверцу окошка.

«Да уж, — пронеслось в голове, — день, видимо, и вправду не самый добрый».

Я запрыгнул в прохладу метро и уже через полчаса, не обращая внимания на жару и катящийся по лицу пот, бежал к родному дому по знакомым дворовым тропинкам. Навстречу ковылял пожилой сосед по лестничной клетке — Егор Семенович. Очень добрый, общительный и даже слегка назойливый человек, имеющий привычку при разговоре держать собеседника за руку, чтобы тот не спешил уйти и дослушал до конца. А слушать его, как правило, приходилось долго. Поэтому, чуть завидев издали его бессменную льняную кепку, я на ходу придумал с десяток причин, по которым не мог говорить и даже приготовился их озвучить. Однако, к моему удивлению, Егор Семенович бросил на меня равнодушный взгляд и, не ответив на приветствие, молча, проковылял мимо. Ну, и ладненько. Так даже лучше.

Не дожидаясь лифта, я пулей взлетел на пятый этаж и замер перед дверью нашей квартиры. Нашей! Она снова была нашей! Пытаясь унять дрожь в руках, до упора вдавил кнопку звонка. Из-за двери послышался сначала настороженный рык Фила, а затем и предостерегающий лай. Удивившись такой реакции своего пса, который никогда не злился в подобных случаях, а лишь радостно повизгивал, я ждал. Казалось, что это ожидание растянулось в целую вечность. Послышался щелчок открываемого замка, дверь отворилась. На пороге стояла Маша. Моя Маша. Машка! Моя!

Ноги слегка подкосились, и я вцепился рукой в торец двери, стараясь удержать равновесие. Маша хотела было развернуться, но я, тут же, бросился к ней и крепко обнял. И без того кружащуюся голову, еще сильнее вскружил запах любимой женщины. Такой родной и приятный запах. А мне казалось, что я его уже совсем забыл...

— Николай, что с тобой? — удивленно воскликнула Маша, а Фил, злобно зарывав, пару раз гавкнул.

Она стояла, не отвечая на мои объятия и я, немного придя в себя, открыл глаза. Из

детской на меня смотрела Юлька. Дочь сидела на полу, держа в руках свою любимую куклу, и с удивлением наблюдала за происходящим. Не отпуская Машу из объятий, я посмотрел в ее изумленные глаза и крепко поцеловал, затем отпустил, подбежал к Юльке, упал рядом с ней на пол, и также крепко прижав к себе, принялся покрывать поцелуями, не обращая внимания на угрожающий лай пса.

В комнату вошла Маша:

— Николай, что происходит? Что-то случилось? Ты можешь объяснить, наконец?

Я посмотрел на нее, жестом попросил присесть с нами рядом, а когда она присела, прижался к ним обеим и, стиснув до скрипа зубы, тихо заплакал.

Глава 2. Жар.

Утро встретило робкими лучами летнего солнца, украдкой пробивающимися меж задернутых штор спальни. Еще не успев раскрыть тяжелых век, я рывком вскочил с подушки и огляделся. Рядом со мной, свернувшись калачиком, мирно сопела Маша. Фил, уловив едва слышное шуршание постели, поднял настороженную морду и уставился на меня, будто спрашивая: «Ты чего это, хозяин? Я тут. Все тихо. Все под контролем».

Я облегченно вздохнул, откинулся на подушку и попытался выбросить из головы события последних месяцев. В то утро я дал себе слово: навсегда забыть все, что было до возвращения. Забыть, стереть, уничтожить все воспоминания. Гнать их так далеко, насколько это вообще возможно. То, чего мне хотелось более всего, я уже получил. Будучи твердо уверенным в том, что с этого момента жизнь пойдет совершенно иначе, я лежал и неустанно уверял себя не возвращаться к знанию грядущих ближайших месяцев жизни и не использовать эти знания ни в корыстных, ни в каких-либо других целях. Кроме одного единственного дня — первого ноября. Все остальное — будет по-другому! Если бы я знал тогда, насколько все будет по-другому...

Тихо, чтобы не разбудить семью, прокрался на кухню и заварил крепкий кофе. Через распахнутое настежь окно доносилось пение птиц и негромкое гудение проезжавших вдалеке автомобилей. На часах было пять. Я взглянул на экран Машиного телефона и подумал, что своего у меня теперь нет. Надо будет купить новый и восстановить номер. Обратил внимание на дату: 18 июля 2008 года, пятница. Будний день. Внезапно свалившаяся мысль, что придется идти на работу, немного шокировала. Я настолько отвык от нормальной жизни, что такой простой факт, как необходимость зарабатывать деньги, показался мне чем-то неестественным и даже отталкивающим.

Нет, у меня была хорошая работа. Не выдающаяся, конечно, но все же позволявшая сносно зарабатывать. За последние два с лишним года я добился неплохих успехов и солидно продвинулся по карьерной лестнице, возглавив крупное подразделение в одном динамично развивающемся коммерческом банке. Не могу сказать, что эта профессия была для меня вершиной мечтаний и чаяний, но труд приносил свои плоды и не давал испытывать больших материальных сложностей, что в наше время уже не плохо.

Пришлось хорошенько потрудиться, чтобы, для начала, восстановить в памяти имена коллег и руководителей. Затем копнул глубже и принялся вспоминать, какие именно контракты и проекты реализовывались в июле. С удивлением отметил, что цепочка воспоминаний все больше обретает ясность, возрождая в памяти даже незначительные подробности. Я возвращался... И это было приятно.

В детской слышались негромкие шлепки босых ножек. На кухню вышла Юлька. Ее рыжие кудряшки непослушно торчали в разные стороны, а маленькие пухлые кулачки

потирали заспанные глазки. Она сладко зевнула и спросила:

— А почему ты не спишь?

— Выспался уже, зайка. Скоро на работу буду собираться. А ты почему так рано встала?

— Чтобы зубы почистить. Мама говорит, что зубы нужно чистить каждое утро, а то болеть будут, — с этими словами она зашлепала в ванную и зашумела водой.

Я улыбнулся и с удивлением отметил, что дочь впервые самостоятельно решила встать пораньше, чтобы успеть умыться. «Видимо, взрослеет девочка», — подумалось мне, но тут же собственный мозг предательски напомнил те снежинки, которые не таяли на лицах...

По дороге на работу, заехал в салон сотовой связи, купил недорогой телефон и восстановил симку. Охранник в банке, лишь на миг оторвавшись от утренней газеты, бросил на меня беглый взгляд и, не здороваясь, снова принялся за чтение. «Кажется, я начинаю к этому привыкать», — подумалось мне, но особого значения малоприятному факту в очередной раз не придал. Войдя в свой кабинет и усевшись в привычное кресло, откинулся на спинку. Пришлось потрудиться, чтобы вспомнить пароль от рабочего компьютера. А когда это удалось, я первым делом перенес все свои контакты из компьютера в новый мобильник. Вот теперь все в порядке!

В дверь постучали, и скоро кабинет стал наполняться галдящими коллегами, собравшимися на привычную утреннюю планерку. Я радостно приветствовал каждого, кто входил, веселыми шутками. В ответ они только удивленно переглядывались между собой и, ничего не отвечая, усаживались в кресла с противоположной стороны стола. Возникло ощущение, что я здесь лишний. Сделав вид, будто занят чем-то очень важным, я молча уставился в монитор компьютера, изредка нажимая на кнопку мыши.

Мой зам начал совещание. Я слушал... Заемщики, фамилии клиентов, споры о предметах залога, проблемная задолженность... Я знал заранее все обо всех обсуждаемых проблемах! Мало того, я прекрасно знал, как эти проблемы решать. Не понимал, как решать, а именно знал. Да что там! Я помнил, как мы их решали и к чему это приводило! Знал, что ООО «Стелс» так и не откроет текущий счет в нашем банке, а владелец ЧП «Кластер», два месяца кряду добивавшийся получения крупного кредита, внезапно исчезнет вместе с семьей на следующий же день после перечисления суммы займа. Я помнил о колебаниях курсов валют, которые из-за экономического кризиса, разразившегося накануне, вызывали панику. Я все это знал. И мне стало невыносимо скучно.

Это был самый долгий рабочий день в моей жизни, а после обеда я почувствовал легкое недомогание.

Вечером написал заявление об уходе, занес его в отдел кадров и, под недоуменными взглядами коллег, собрал вещи, вызвал такси и поспешил домой. В машине стало совсем плохо. Бил сильный озноб, в груди горело, дышать становилось все труднее. Рубашка взмокла от пота и прилипла к телу. Я ослабил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Таксист, заметив мое состояние, остановил машину и буркнул:

— Приехали. Не хватало грипп среди лета подхватить...

Я посмотрел на него, стараясь убедиться, не шутит ли он, но тот отвернулся в другую сторону, давая понять, что разговор окончен.

— Послушайте, — надеясь все же убедить его довезти меня до дома, начал я, — Со мной все нормально, просто чуток устал...

— Послушай ты меня, уважаемый, — повысив голос и отчаянно жестикулируя, перебил таксист, — Имею право! Если больной, вызывай скорую помощь и езжай в больницу. А мне

работать надо. Че сидишь? Вали давай! Или помочь?

Он угрожающе развернулся всем корпусом в мою сторону, и я решил не продолжать эту бесполезную дискуссию. Открыл дверь, взял пакет с вещами и просто выпал на тротуар. Из пакета высыпались офисные принадлежности и рассыпались на горячем асфальте. Не в силах подняться на ноги, я зашелся в удушающем кашле. Мимо шли прохожие, периодически бросающие на меня равнодушные, презрительные взгляды, а один зазевавшийся мужчина, ударившись коленом о мою голову, негромко ругнулся, нервно пнул лежащий рядом ежедневник и зашагал прочь.

Я с трудом вытащил из кармана мобильник и набрал номер Маши:

— Алло?

— Маш, мне плохо. Заболел... — говорить было очень тяжело и приходилось выдавливать каждое слово, преодолевая боль в груди.

— А что с тобой? И где ты вообще?

— На перекрестке Пушкинской и Кирова. У меня жар сильный и дышать тяжело. Приезжай скорее...

— Ну, так вызови скорую помощь! Им за это деньги платят. Я-то тебе чем помочь могу? — возмутилась жена.

— Что? — не поверив услышанному, прошептал я, но она уже бросила трубку, обрывая разговор.

— Послышалось, — вслух прошептал я, — Просто послышалось... А звонок сорвался... Сорвался...

Хотел было еще раз позвонить Маше, но чувствуя, что становится хуже, набрал номер скорой, продиктовал адрес дома, стоящего неподалеку и потерял сознание.

Глава 3. Пустота.

Неделю я провел в реанимационном отделении, с трудом различая, где реальность, а где сон или галлюцинации. Порой мне казалось, что я лежу на поверхности воды, плавно покачиваясь на волнах. Вдруг, накрывала ледяная волна, заливалась плотным потоком в рот и в нос, не давая сделать вдох. Я кашлял, пытался звать на помощь, и, не дожидаясь, проваливался в забытие. А приходя в сознание, нередко слышал шепот, сильно напоминавший тот самый, болотный...

Машу я увидел только после того, как состояние немного стабилизировалось, и меня перевели из реанимационного отделения в терапевтическое. Она вошла в палату, слегка поморщилась и неспешно подошла к кровати.

— Как ты себя чувствуешь? — голос звучал сухо и безучастно, словно ответ на задаваемый вопрос ее совершенно не интересовал.

— Уже лучше, — стараясь говорить тем же сухим голосом, ответил я.

— Хорошо.

— Хорошо, — вторил я ей.

Зависла пауза. Она посмотрела в окно, и у меня возникло впечатление, что единственное, о чем она сейчас думает, это как бы поскорее отсюда уйти.

— Я могу что-нибудь для тебя сделать? Может, есть какие-нибудь вопросы ко мне? Пожелания?

Я почувствовал, что закипаю. Меня, наконец, начало выводить из равновесия это поведение. Это отношение ко мне. Чем я заслужил такую холодность? Тем, что пошел на смерть ради нее?! Или тем, что люблю их с Юлькой больше жизни?! Хотел было вспылить,

но вовремя сдержал порыв гнева, глубоко вздохнул и спокойно ответил:

— Есть вопросы. Присядь, пожалуйста.

Она уселась на соседнюю кровать, положила на колени сумочку, сложила руки замком и, склонив голову набок, внимала.

— Маш, что происходит? — спросил я и приготовился услышать в ответ то, о чем подозревал, но в чем не осмеливался признаться самому себе. Однако, вместо прямого ответа, она вскинула брови и даже оглянулась по сторонам. По всему было видно, что мой вопрос либо вызвал у нее удивление, либо она очень талантливо играла, стараясь уйти от ответа.

— А что происходит? Ты о чем-то конкретном говоришь?

— Ну, это я хотел бы от тебя узнать. Есть ли вообще какое-то конкретное объяснение тому, что между нами происходит? Объяснение твоему поведению?

— Послушай, Николай, ты меня настораживаешь. Я что-то делаю не так? Ты скажи. Если тебя что-то не устраивает, ты говори прямо, не юли. Я не в настроении, чтобы твои загадки разгадывать.

— Загадки? Да какие тут загадки, Маш? Для меня сейчас единственная загадка — это снежная королева, сидящая на соседней койке! — я переставал контролировать свое негодование и говорил все громче, — Я тебя не узнаю! Ты ведешь себя так, будто мы с тобой не муж и жена, а черт знает кто вообще!

— Будь добр, муж, — последнее слово она намеренно выделила надменной интонацией, — Выдерживай такт. Я не намерена выяснять с тобой отношения в таком тоне. И коль уж ты заговорил о странном поведении, то потрудись объяснить свою недавнюю выходку, когда ты явился домой в каких-то лохмотьях и насмерть перепугал ребенка.

Я осекся. Неужели причина в этом?

— У меня был трудный день, — не зная как еще объяснить ей свое поведение, пробубнил я, — Очень трудный. Просто поверь...

Она нахмурилась:

— То есть, ты хочешь сказать, что у тебя был трудный день и это дает тебе право приходить домой и вываливать свои проблемы на меня и на ребенка. Так?

— Вываливать свои проблемы? Да я соскучился по вам, дура! Я чуть не издох в тот день! И если бы не это... — я вовремя осекся и сжал зубы от гнева.

— Значит так, супруг, хочу, чтобы ты понял раз и навсегда. Ни я, ни Юлия — мы не твоя собственность. Ты не имеешь права использовать нас ни в качестве твоих личных психологов, ни в качестве твоих спасателей или еще кого-то там. И мы не какие-нибудь вещи, чтобы по нам скучать. Мы — твоя семья. И у каждого — свои обязанности и мера ответственности. Моя функция — родить ребенка и воспитывать. Твоя — обеспечивать семью и принимать участие в воспитании дочери. Это наши с тобой обязанности. Больше никаких обязательств, друг перед другом, у нас нет и быть не может. Даже секс вторичен! Если ты до сих пор это не уяснил, я сегодня же обращусь к юристу, и он подготовит брачный контракт. Расходы беру на себя. Ты ведь у нас теперь безработный, не так ли?

Я с отвисшей челюстью слушал ее монолог. Эта чудовищная, циничная тирада каждым сказанным словом, словно тяжелым молотом, ударяла снова и снова, не давая возможности прийти в себя. И самым чудовищным в ее словах было то, что все сказанное было логичным и правильным. За исключением единственного обстоятельства. Одного, но самого важного обстоятельства. Она не брала в расчет любовь...

— Звонил Самойленко, сказал, что ты написал заявление и никому ничего не объяснив, ушел. Мне ты ничего не хочешь объяснить?

— Нет, — только и ответил я ей.

— А мог бы и потрудиться... — она вцепилась в меня холодным взглядом, — И как ты намерен зарабатывать деньги? Меня не устраивает перспектива обеспечивать нас самостоятельно. А судя по твоим заскокам, теперь еще и на психолога придется тратиться. Или даже на психиатра.

Все это время она сидела на больничной койке с ровной спиной, не меняя позы. Ее речь была взвешенной и беспристрастной, каждое слово чеканилось, словно металлические монеты под тяжелыми ударами пресса. Это была Маша. Ее тело, ее волосы, глаза, ее голос и даже запах. Это, безусловно, была она. И она была живой, настоящей. Вот только внутри не было, ровным счетом, ничего. Холодная, космическая пустота. Вакуум.

Только сейчас я начал подозревать, что ничего, на самом деле, у меня не получилось. Я так и не смог вернуть то, что утратил однажды.

Женщина в электричке, продавец в киоске, таксист, люди, шагающие мимо умирающего человека, и не стремящиеся ему помочь... Даже Филька не обрадовался моему приходу! Я попал в пустой мир. В нем люди даже не здороваются друг с другом, потому что никто никому не желает здравствия. Я не понимал, что именно здесь было не так. Отсутствие любви? Сострадания? Или, может быть, отсутствие души?

— Где Юля?

— В саду. Где ей еще быть? Ты от вопроса не уходи. Где работать намерен?

— Она такая же?

— Какая такая? — раздраженно рявкнула Маша.

— Уходи, — я уставился в потолок, не желая больше ни говорить с ней, ни видеть ее.

— Нет уж, ты мне ответь...

— Пошла вон! — сквозь зубы процедил я, сжимая кулаки.

Она поднялась и немного постояла надо мной, будто размышляя над чем-то. Затем развернулась и, громко цокая высокими каблуками, пошла к двери. Уже в проеме обернулась и небрежно бросила:

— Пса я усыпила. Слишком дорого обходилось содержание. На одну зарплату не потянем.

Хлопнула дверь. Еще несколько мгновений я держал себя в руках, а дав волю чувствам, с диким ревом приложился кулаком по прикроватной тумбочке. На пол со звоном посыпались пузырьки с лекарствами.

Глава 4. Я вас любил...

В палате воцарилась тишина. Я глубоко вздохнул, стараясь успокоиться, взять себя в руки и с удивлением отметил, что не испытываю того испепеляющего чувства очередной утраты, которое пережил в тот вечер, первого ноября две тысячи восьмого. Сейчас, лежа в больничной койке под капельницей с антибиотиками, я четко отдавал себе отчет в том, что не смог вернуть навсегда утраченных людей, но, в то же время, ощутил совсем уж неуместное чувство — чувство умиротворения. С первого дня пребывания в этом чужом мире я ощущал, что с ним что-то не так, но усердно старался закрывать на это глаза, не придавал большого значения. Куда как важнее было то, что жена и дочь снова со мной, снова живы. Но как бы я ни старался избавиться от этого назойливого ощущения, оно все равно зудело где-то в глубинах рассудка. А теперь все встало на свои места и стало легче...

Мои размышления прервала вошедшая в палату медсестра-практикантка. Довольно милостивая особа, которая несколько минут назад ставила мне капельницу. Она убрала осколки битых пузырьков, подала мне термометр, попросила измерить температуру и собиралась уйти, но я ее окликнул:

— Простите, вы не могли бы уделить мне несколько минут?

— Что-то случилось?

— Нет, все нормально. Просто я хотел бы задать вам один деликатный вопрос.

Она удивленно вскинула брови и с интересом посмотрела на меня.

— Скажите, если бы я сказал, что люблю вас, что бы вы обо мне подумали?

Ее красивые брови подскочили еще выше, округляя и без того большие глаза, она улыбнулась:

— Не поняла... Это угроза?

— Ну, почему же угроза? Совсем не угроза...

Но она перебила:

— Семенов, вы только что сказали, что убьете меня и говорите, что не угрожаете?

— Да не убью я, господи! Люблю!

Девушка нахмурилась, пытаясь переварить мой вопрос:

— Не знаю о чем вы, Семенов, но думаю, вам нужно отдохнуть... — она развернулась и собралась уходить, давая понять, что разговор окончен, но я снова окликнул:

— Да не уставший я! Выслушайте, прошу вас.

Она остановилась, откидывая голову назад и глубоко вздохнув, снова обернулась в мою сторону:

— Вам скучно, Семенов? Я здесь не для развлечений, между прочим. Мне работать надо.

— Да я много времени не отниму. Честно. Ответьте. Что подумали бы обо мне?

— Подумала бы, что вы сумасшедший.

— Почему?

— Что значит ваше "почему"? Вы хотите, чтобы я вам прочла лекцию о нерациональном поведении? Я бы поставила вам диагноз «СПС».

— Это еще что такое?

— Не прикидывайтесь, Семенов. У вас плохо получается.

— Нет, серьезно. Что такое «СПС»?

— Синдром повышенной сензитивности. Психическое расстройство такое. Еще вопросы есть? Или, может быть, вам романтическое свидание устроить?

— Нет, спасибо. У меня последний вопрос: если бы вы от кого-нибудь узнали, что где-то умирает ребенок, нуждающийся в немедленной пересадке... — я ненадолго задумался, подбирая варианты — Да что там в пересадке... Хотя бы в переливании крови, а у вас была бы, как раз, нужная группа, как бы вы в этой ситуации поступили?

— Это зависело бы от многих факторов... — задумчиво проговорила она, начиная, наконец, проявлять интерес к разговору, — Думаю, вышла бы на его родителей.

Во мне затеплилась надежда, и я приподнялся с подушки, опираясь на локоть:

— Так! И...? — заставляя развивать мысль, спросил я.

— Что "и"? Если их ребенку нужна кровь, а у меня она есть, значит, они заинтересованы в ее приобретении. Небольшое количество я бы им продала. Но только в том случае, если это не навредит моему здоровью. А у вас есть нуждающийся в крови ребенок?

Я разочарованно опустил голову и, отрицательно ею покачав, поблагодарил за беседу. Она хмыкнула и молча вышла в коридор. К ней вопросов больше не было. Впрочем, как и ко всем остальным семи миллиардам жителям планеты.

Хотя! Меня внезапно посетила настолько волнующая мысль, что я чуть не вскочил с кровати, забыв о воткнутых в руки иглах капельниц. Есть в этом мире, по крайней мере один человек, который также, как и я попал сюда из другой жизни! Из другого измерения! И уж он-то точно отличается от всех! Взять хотя бы то, что он помог мне с одеждой и деньгами! Бескорыстно помог!

Спешно выдернув торчащие из рук иглы, я встал с кровати и принялся осматривать палату в поисках своей одежды. Нашел ее в пакете с принадлежностями, который забрал из своего рабочего кабинета. Проверив карманы, с удивлением отметил, что наличные и пластиковые карты были на месте. Кое-как отчистив белую рубашку от пыли, оделся и опасно выглянул в коридор. Он был пуст. Когда я был уже почти у выхода на лестничную клетку, услышал позади голос медсестры:

— Семенов! Вы куда! Вам вставать нельзя!

Я улыбнулся ей в ответ и бросил на прощанье:

— Я вас любил, любовь еще быть может! Аривидерчи, моя заботливая леди! — и, в очередной раз уверив ее в своей невменяемости, засеменял вниз по ступеням.

Судя по тому, как вел себя Гена, когда я пришел к нему с поля, пустота этого мира на него нисколько не повлияла. То есть, повлияла, конечно, в какой-то мере, но все же он остался нормальным, полноценным человеком. Он сильно отличался от остальных. Это не бросалось в глаза, но я был уверен, что никто из «местных» даже не задумался бы о том, чтобы дать мне одежду, не говоря уже о деньгах на дорогу. Скажу больше: даже если бы я попросил у кого-то одежду и деньги, меня бы, в лучшем случае, послали на три буквы. А Гена дал! Сам!

Выходя из здания больницы в духоту июльского полудня, я думал только об одном: нужно поскорее добраться до Гены, и подробно расспросить его обо всем. Я был просто уверен, что вижу не полную картину. Должна была быть какая-то лазейка, какая-то мелочь, которую я до сих пор не заметил. Что-то, что ускользнуло от меня, пока я отвлекался на несоответствия.

Поймал такси и уже через полчаса стоял в небольшой очереди у железнодорожной кассы пригородного сообщения. В нетерпении перетапывался с ноги на ногу, раздражаясь на то, как медленно кассир обслуживает покупателей. Электричка должна была отправиться с минуты на минуту, а дожидаться следующую я бы просто не смог — лопнул бы от нетерпения.

Прямо передо мною, в очереди, стояла полная мамаша с непоседливым, забавным мальчуганом лет трех-четырёх, который ни секунды не стоял на месте. Он беспрестанно кружился, подпрыгивал, приседал и даже падал на пыльный пол вокзала, распевая, при этом, какие-то лишь ему одному известные песенки на ему одному известном языке. Точнее, это был и не язык вовсе, а просто набор ничего не значащих слогов, которые тот ловко складывал в четверостишия. Надо признать, получалось очень даже не плохо — рифма в его «песнях» присутствовала, да и мотив прослеживался веселенький. Мать то и дело одергивала сынишку за шиворот, но юркий непоседа ловко выкручивался и тут же принимался за старое.

Я улыбнулся. В этот момент мальчик посмотрел на меня. Смутьившись, а может даже немного испугавшись, понурил голову и торопливо подошел к маме. Когда та положила

ладонь на хрупкое плечо, он отвернулся от меня, обхватил обеими ручонками внушительных размеров бедро матери и прижался. Я снова улыбнулся. Глядя на этого малыша, удалось ненадолго забыть о том, где нахожусь, а когда поймал себя на этой мысли, чуть не подпрыгнул от свалившейся догадки! Мальчик снова посмотрел на меня и теперь тоже улыбался. Я присел на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с малышом, и тихо, чтобы никто не услышал, спросил:

— Привет. Тебя как зовут?

Тот задрал голову кверху, глядя на мать, которая сейчас не обращала на сына никакого внимания, затем снова посмотрел на меня и также шепотом ответил:

— Июса.

— Илюша?

Мальчик кивнул.

— А сколько тебе лет, Илюша?

Он вытянул вперед пухлую ручонку, сжатую в маленький кулачок, выбросил вверх четыре пальчика, растопыривая их в разные стороны, и с гордостью заявил:

— Два!

На лице заиграла довольная улыбка, красноречиво подтверждающая, что он очень гордится тем, что знает ответ на взрослый вопрос. То, что на самом деле он этого не знает, его не заботило.

— Ух, ты! Большой уже! И умный. Молодец!

Я не лукавил. Малыш и впрямь мне очень импонировал. Видимо, он это почувствовал и, отпустив мамино бедро, тоже присел на корточки, подражая взрослому дяде. Теперь его широкая улыбка открывала два ряда мелких молочных зубов.

— А маму ты любишь, Илюша? — спросил я нарочито будничным тоном, но при этом почувствовал, как от волнения кровь стучит в висках, а согнутые в коленях ноги наливаются горячим свинцом.

— Да-а-а... — протянул мальчик, — Юбью.

— Правда?

Он утвердительно кивнул.

— А мама тебя любит?

Малыш снова посмотрел на стоящую в очереди мать и пожал плечами. Я подумал, что мальчик просто может не понимать, о чем я его спрашиваю. И для того, чтобы убедиться, что ребенок ответил осознанно, попросил:

— А можешь показать, как сильно ты маму любишь?

Он не стал дожидаться повторной просьбы, быстро обхватил мамино бедро, прижался к нему щекой и, насколько мог, сильно сжал маленькие ручки. При этом его глаза блаженно прикрылись, а на губах засияла не менее блаженная улыбка. В этот момент рука женщины ласково погладила мальчика по голове. Скорее машинально, нежели осознанно.

Меня бросило в пот. Сердце заколотилось еще сильнее. А когда малыш, от переполнявших его чувств, поцеловал мамину юбку, под которой собственно и находилось то самое бедро, я чуть не плюхнулся на пятую точку.

Дети! Боже мой! Дети!!! Они чувствуют! Они любят! По-настоящему! Искренне!

Юлька!!!

Забыв попрощаться с новым знакомцем, я поднялся и сделал глубокий вдох, чтобы выровнять сбившееся дыхание. В глазах все плыло. То ли от жары, то ли от нахлынувшей

надежды. Бросил взгляд на вокзальные часы. Отметил, что в детском саду — тихий час. Но к тому времени, как я смогу туда добраться, детей как раз усадят полдничать, после чего Юльку можно будет забрать домой. О поездке к Гене я теперь даже не задумывался. Мне нужно было срочно повидаться с дочерью и убедиться, что Илюша — не единственный ребенок, имеющий настоящую душу!

Глава 5. Счастье

Ехал на метро и с настороженным интересом наблюдал по сторонам, во всем выискивая несовпадения. Первое, что привлекло внимание, это отсутствие нищих стариков и инвалидов, просящих милостыню в переходах подземки. В моем мире, как правило, на каждой станции один или двое обязательно присутствовали. Здесь же не было даже намека на то, что они вообще существуют.

Следующим несоответствием были объявления диктора в громкоговорителях вагонов. Вместо привычного: «Уважаемые пассажиры, будьте вежливы. Если рядом с Вами стоят пожилые люди, инвалиды, мамы с маленькими детьми, уступите им место. Спасибо. Осторожно! Двери закрываются! Следующая станция...», звучало следующее:

— Следующая станция такая-то... Пассажиры! При обнаружении забытых вещей и подозрительных предметов, следует немедленно сообщить об этом машинисту поезда!

И всё. Никаких тебе предупреждений, никаких просьб быть вежливыми. Сухая информация. Лаконичная, внятная, исчерпывающая. Ничего лишнего.

А вот реклама, которой полнились стены вагонов, практически ничем не отличалась от той, которую приходилось видеть в привычном мире. Все те же гаджеты, «чудодейственные» методики излечения от простатита и геморроя (причем, как правило, обе болячки обещали победить одним и тем же «чудо-прибором»), обучение за границей и услуги по быстрому выведению из запоя. Разве что призывы «побаловать свою любимую» отсутствовали напрочь. Но тут все было и так ясно — просто любимые отсутствовали, а желающих кого-либо баловать, видимо, было не много. Если такие вообще существовали в природе...

В остальном же — все, как всегда: молчаливые пассажиры, с угрюмыми лицами, сосредоточенно уставившиеся в экраны мобильных телефонов, и гул катящегося поезда. Скука.

Особое внимание обращал на детей, ища подтверждения своей догадки. Наверное, со стороны я выглядел, как какой-нибудь маньяк-педофил, пристально следящий за каждым проходящим мимо ребенком. Всмотривался, прислушивался, некоторым даже улыбался. Дети, как дети. Кто-то капризничает, кто-то шалит, кто-то послушно идет вприпрыжку рядом с родителями. Все, как всегда. Поэтому ни подтверждений, ни опровержений своей теории в их поведении я так и не нашел.

К тому времени, как удалось добраться до детского сада, Юлькину группу уже вывели на вечернюю прогулку. Дочь, увидев папу, идущего по тротуару, спокойно подошла к воспитательнице, что-то сказала и ткнула в мою сторону пальчиком. Женщина посмотрела на меня и утвердительно кивнула. Юлька медленно заковыляла навстречу, что было совсем уж не в ее стиле. Как правило, если мне удавалось забрать дочь из сада, а это удавалось крайне редко, она радостно кричала «Папа!» и, с улыбкой до ушей, неслась навстречу. Сейчас же я почувствовал комок в горле, но, переборов мгновенную слабость, решил не делать поспешных выводов.

— Привет, солнышко, — сказал я, когда она подошла поближе и остановилась в двух шагах от меня.

Юлька прищурила один глаз и хихикнула.

— Я не солнышко, я Юля.

— Знаю, доченька. Иди ко мне, — я протянул к ребенку руки.

Она сделала еще шаг, настороженно глядя прямо мне в глаза.

— Иди, — повторил я, — Ты меня боишься?

Дочь широко улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— Обнимешь папу?

Юлька закивала, но обнимать не торопилась. Я присел рядом и прижал ее к себе. Только после этого малышка обвила мою шею и тоже обняла, прислонившись к небритой щеке. Тут же отпрянула, но рук не разжала.

— Папа! — возмущенно протянула Юлька, — Ты колючий!

— Да, солнышко, колючий, — не смог сдержать я смеха, — Забыл, когда последний раз брился.

— А почему у тебя колючки?

— А просто твой папа — ёжик! — я скорчил смешную рожицу, и дочь захохотала.

— Не-ет. Ты папа. А зачем ты меня обнимаешь?

— Потому что соскучился.

— Как это?

— Ну, это когда долго не видишь кого-то, а потом встречаешь его и радуешься.

В висках снова пульсировало. Я даже начал переживать, что дочь заметит волнение, и это ее снова напугает. Но Юльку мое волнение интересовало в последнюю очередь. Сейчас ее больше занимало мое непривычное внимание.

— А ты скучаешь? — не унимался я.

Она снова смутилась и утвердительно качнула головой. Ее непослушные кудряшки, при этом, качнулись в такт.

— Ты смешной, папа.

— Почему?

Юлька пожала плечами и промолчала.

— А ты знаешь что такое «люблю»?

— Да, — дочь стала серьезной и снова утвердительно закивала. На этот раз часто.

— А меня любишь?

Она испуганно посмотрела мне в глаза и отрицательно закачала головкой.

— Нет! Не люблю! Честно-пречестно!

— А я тебя очень люблю. Больше всех на свете, — тихо сказал я и поцеловал ее в маленький носик.

Юлька крепко сжала мою шею и прижалась к небритой щеке. Теперь даже колючки ее не пугали.

— Папа, — прошептала она, — Только ты маме не говори. Мама говорила, что это плохо.

— Я знаю, золотко. Знаю, — шептал я, и чувствовал, как из глаз катятся крупные, горячие капли, — Мы никому ничего не скажем. Это будет наш секрет. Хорошо?

Она, не разжимая объятий, закивала.

— Папа, — шепнула Юлька.

— М-м-м?

— Ты хороший. Я тебя тоже люблю. Сильно-сильно! — она немного отстранилась, а затем поцеловала меня в нос, так же, как я ее, и снова обняла. Ее кудряшки щекотали лицо.

От этого нос невыносимо чесался, но это был момент настоящего счастья.

— Я знаю, — борясь с огромным комком в горле, выдавил я, и понес дочурку к выходу.

Маша пришла домой под вечер, но не сказала ни слова. Даже не поинтересовалась, почему это я дома, а не в больнице, и почему забрал Юльку из сада, не предупредив ее об этом. Видимо, дулась за скандал, который я учинил ей в палате. Но так было даже лучше. Мы с дочерью делали вид, что сегодня в саду не было того самого разговора, и не было никаких секретов. Лишь изредка малышка тайком улыбалась мне, и смущенно прятала взгляд, когда я подмигивал ей в ответ.

Жена приготовила ужин, накормила Юльку и ушла в ванную, чтобы принять вечерний душ. Я уложил дочурку в кровать, прилег с ней рядом и предложил рассказать сказку на ночь. Она в очередной раз удивилась, но от такого очевидного удовольствия отказываться не стала.

Сказка была о гадком утенке. Юлька слушала с открытым ртом, а когда рассказ дошел до того места, где маленького, но некрасивого птенца выгнали с птичьего двора, расплакалась. В этот момент из ванной вышла Маша. Она услышала всхлипывания и вошла в детскую.

— Что происходит?

— Ничего. Просто сказка жалостливая попалась. Надо было, наверное, что-нибудь попроще выбрать. Про курочку Рябу какую-нибудь или про репку. Хочешь, про репку расскажу? — обратился я к дочери.

Юлька всхлипнула и кивнула.

— Бред какой-то... — буркнула Маша и, видимо, потеряв всякий интерес к происходящему, удалилась в другую комнату.

— Посадил дед репку. Выросла репка большая-пребольшая! — начал, было, я, но Юлька перебила.

— А гадкий утенок домой вернется?

Я провел ладонью по кудряшкам.

— Нет, солнышко...

Тут ее нижняя губка опять искривилась. Она готова была расплакаться, и я поспешил ее заверить, что утенок, а точнее лебедёнок, вырос, стал большим и красивым, и улетел вместе с другими лебедями в теплые края.

— А те, кто его обижал, смотрели на небо и говорили: «Какие красивые и сильные птицы! Как же им повезло, что они умеют летать!» А гадкий утенок помахал им крылом и... пукнул на прощанье!

Юлька расхохоталась, мигом забыв о том, что еще минуту назад готова была расплакаться.

Под репку малышка уснула. Ее глазки закрылись еще до того, как мускулистая мышка Валера, по просьбе кошки Людмилы Константиновны, скооперировалась с прочей живностью для достижения общеколлективного результата.

Я смотрел на нее и размышлял над тем, что же происходит с людьми в этом странном мире? Почему из таких сердобольных, искренне любящих малышей вырастают бездушные, корыстные, расчетливые манекены? Что делает их такими? И как обезопасить этот маленький, сопящий комочек радости от той чудовищной участи, которая со временем постигает всех без исключения взрослых?

А еще в уставшей голове возник новый вопрос. Пугающий, очевидный. И удивлял этот

вопрос не меньше, чем пугал. Точнее, удивляло то, что я до сих пор не задумывался над ним.

Если я нахожусь в мире, в котором есть Маша и Юлька... если в этом мире есть Гена и сосед Егор Семенович... если здесь есть мои коллеги по работе, воспитатели в детском саду... Да чего уж там — здесь есть все! А где же тогда я? Точнее, не я, а тот самый двойник, который, по логике, должен быть мною в этом мире. Где бездушный, пустой отец Юльки и муж Маши? Почему я живу в его квартире, в его семье, пользуюсь его одеждой и деньгами? Да я даже с его работы уволился! Дочка искренне удивлялась моему поведению сегодня, а значит, до сих пор отец себя с ней так не вел. Значит, папа был не менее бездушным и холодным, чем мама. То есть, он был! Так, где же он теперь?

На этот вопрос, как и на множество других, ответа не было. В тот вечер я больше всего боялся, что этот человек рано или поздно объявится. Объявится и помешает. Сломает, разрушит то, что я вознамерился построить. А я в тот вечер, ни много, ни мало, решил совершить нечто воистину невозможное. То, что на моем месте обязан был сделать любой отец из моего мира. То, для чего любой хороший отец готов был бы пожертвовать собственной жизнью. И пусть это звучит пафосно, громко и излишне самонадеянно, но я решил сохранить в дочери то бесценное, что она пока еще имела, но скоро могла потерять — человеческую душу.

Глава 6. Рекламная пауза

Утром позвонил Лёха. Я помнил этот звонок по прошлой жизни. Даже интонация его голоса была той же. Он, как всегда бодро, отрапортовал о своих скромных успехах на кладоискательском поприще и поинтересовался, как я съездил на разведку в прошлые выходные?

Понадобилось не меньше минуты, чтобы сообразить, о чем он спрашивает, а когда это сделать удалось, кое-какие ответы сами собой начали всплывать на поверхность и проливать свет на некоторые детали. Только теперь до меня допёрло, где находился мой двойник в тот воскресный день, когда я выкашливал из легких гнилую болотную воду на пшеничном поле! Он бродил вдоль той заболоченной балки в поисках битой керамики, которая служила подтверждением, что столетия назад там стоял небольшой хутор. Двойник проводил разведку, чтобы вернуться туда в августе, вооружившись металлоискателем, с женой и кумом. Я был в этом уверен хотя бы потому, что сам поступил именно так.

В то жаркое июльское воскресенье я еще до рассвета выехал на рыбалку. На реку, где впоследствии, спустя месяц, купались Маша с Филом. Такое отдаленное от города место было выбрано не случайно. В округе находилось несколько интересных для поисков полей, на которых давно следовало провести разведку. Собственно говоря, и рыбалка-то была делом второстепенным. Поисковый сезон, который открывался сразу после уборки урожая с полей, был уже совсем близко, а все перспективные места, имеющиеся в нашем с Лехой арсенале, к тому времени были выбиты под корень. Срочно требовались новые. Вот я и решил совместить рыбалку с разведкой.

Как только утренний клев прекратился, а полуденное солнце начало нешуточно грозить тепловым ударом, я собрал удочки, окунулся в прохладной реке и отправился вверх по крутому склону к той самой проклятой балке, которая, в последствии, навсегда изменит мою жизнь.

Керамики там оказалось в достатке. Даже полевая дорога, размытая в дождливую июньскую пору, изобиловала остатками битой глиняной посуды, возраст которых был никак не меньше трехсот лет. Это было именно то, что нужно! Хотел даже на радостях отзвониться

куму, но передумал, вовремя вспомнив, что он в это время должен был отдыхать после суточной смены.

Достал из рюкзака карту и нанес на нее новую отметку, обозначая перспективное место, а после — отправился по той же дороге обратно к станции пригородной электрички и уже к вечеру был дома.

Так почему же мой двойник не вернулся, как я в тот день? Что у него пошло не так? Или, все же, вернулся? Вдруг он просто увидел меня, входящего в дом или бредущего по полю, и, решив, что сходит с ума, держится на расстоянии? Вряд ли... По крайней мере, я бы точно так не поступил. А он, пусть и несколько укороченная версия, но все же — я!

— Алло! Николай, ты меня слышишь? — настойчиво добивался внимания Леха, пока я рылся в памяти, — Алло! Давай перезвоню, а то тебя не слышно.

— Нет-нет, Лёха, извини. Просто отвлекся. Да, поле хорошее, — сказал я, не подумав, но вовремя осекся, — Только...

— Что «только»?

— В-общем, нет там керамики, кум. Надо другое место искать. Думаю, в том направлении даже ездить не стоит — выбито все давно. В следующий раз северную часть области разведаем. Туда, почему-то, вообще мало кто заглядывает.

— Конечно, мало кто! — негодуя воскликнул кум, — Туда не то, что ехать — ходить опасно! Дорогу не ремонтировали лет пять! Тебе-то просто говорить, а машину мне чинить придется! Должна там керамика быть, говорю тебе! Смотреть надо было лучше, разведчик, мля... Придется самому ехать. Вот правду, все-таки, люди говорят: хочешь сделать хорошо — делай сам.

Было слышно, как Лёха сплюнул от досады. Никогда раньше он не позволял себе общения со мной в неуважительном тоне. Да еще так эмоционально! Этот же человек, видимо, считал подобные высказывания вполне уместными. Сразу отпала всякая охота продолжать диалог. Жизнерадостный оптимист Лёха оказался таким же пустым подобием человека, как и все взрослые жители этой планеты. А если даже он оказался бездушным, то чего ждать от остальных? Во мне поселилась твердая уверенность, что душу здесь имеют только дети. Но я ошибался.

Сбросил звонок и отложил телефон на прикроватную тумбочку. В квартире было тихо. Маша ушла на работу. Юлька — в саду. Сквозь плотную штору пробивались яркие лучи июльского солнца. Я встал, умылся, сделал кофе и уселся на диване перед телевизором. По одному из центральных государственных каналов шли новости. Знакомая дикторша металлическим тоном сообщала о, казалось бы, обыденных и ничем не примечательных событиях, но, как и многое другое в этом сумасшедшем мире, местная обыденность имела едва заметный привкус синтетики.

— В результате сильного паводка и подтопления, из-за проливных дождей двадцать третьего, двадцать четвертого и двадцать пятого июля, в Черновицкой области погибли двенадцать человек, один пропал без вести. Спасены сто пятнадцать человек, эвакуированы около пятисот. Об этом службе новостей сообщил председатель Черновицкой обладминистрации, руководитель областного штаба по ликвидации стихии Александр Кулик. По его словам, разрушены сорок один пешеходный мост, семнадцать переходов, восемь автотранспортных мостов, в том числе один железобетонный, еще четыре моста — в критическом состоянии.

Далее шло долгое и нудное перечисление всех последствий атаки стихии с пересчетом

убытков в денежный эквивалент. Все это подкреплялось видеокадрами с места событий. Собственно, ничего необычного. Все, как всегда, и я даже на минуту отвлекся на собственные мысли, но... В конце репортажа были крупным планом показаны тела погибших, чего никогда раньше в новостях не показывали. Это всегда считалось неэтичным по отношению, как к родственникам погибших, так и к зрителям. Здесь же, казалось, оператор смаковал ужасные кадры. Крупным планом были сняты жуткие раны на телах, неестественно вывернутые конечности и выпученные в предсмертной муке глаза.

Картинка сменилась, и на экране появился пожилой человек, у которого корреспондент брал интервью. Лицо его было усталым, одежда мокрой, а голос монотонным.

— Корову в сарай загнать не успели. Унесло. У нас по склону, — он ткнул в сторону кривым пальцем, — Полдеревни уплыло в речку. Сын за ней пошел, так теперь и его найти не могут. Тоже, наверное, утоп. Тут поток шел сплошной. Вода, грязь, камни... Теперь вот не знаю, как дальше быть. На молоке только и держались. Сын-то ладно — все равно баран бараном был, не работал никогда. Лишняя обуза. Только и делал, что пил с утра до ночи. А вот Корягу жалко. Такую скотину и продавать-то не хотел, а тут такое...

Репортаж о наводнении закончился. Дикторша озвучила последние сводки финансовых рынков и актуальные курсы валют, после чего пошла реклама. На экране появилось круглое, мясистое лицо мужчины, украшенное густой бородой. Длинные с проседью волосы затянуты в хвост на затылке. На шее — толстенная серебристая цепь. Что на ней висит, видно не было, но что-то определенно было, так как цепь была оттянута вниз чем-то увесистым. Решил, что это крест. За спиной у священника проплывали золотистые купола храма, сверкающие в солнечных лучах на фоне безоблачного голубого неба.

Вначале я подумал, что мне показалось, но, присмотревшись повнимательнее, разглядел — вместо привычных крестов, купола увенчаны какими-то кружками. Или шарами. На экране было не разглядеть. Видео сопровождалось церковным хоровым пением. Я сделал погромче, и даже выругал себя мысленно за то, что до сих пор не уделил внимания такому очевидному вопросу, как религия. Религия в бездушном мире! Причем, судя по внешнему виду человека в телевизоре, религия христианская. А значит, основанная на любви и всепрощении! В душе затеплилась призрачная надежда. Даже ладони слегка вспотели.

— Православный Храм Святого Николая Угодника! — вещал за кадром хорошо поставленный голос диктора, — Главный православный чудотворец, помогающий нуждающимся — Святой Николай! Приходи и помолись ему о достатке! Мы всегда рады своим прихожанам! Двери храма открыты для вас ежедневно с восьми до двадцати ноль ноль. Для постоянных прихожан действует гибкая система скидок!

Я подавился, и приличная порция кофе выплеснулась на светлый ковер.

Скидки? Мне послышалось? Да нет же! Бегущая строка внизу экрана подтверждала сказанное. Скидки! Но скидки на что? На свечи, что ли? Или они там мощами торгуют? Честно говоря, если бы даже это оказалось правдой, я бы не удивился. Мама дорогая!

Изображение храма сменил стиральный порошок, и улыбающаяся домохозяйка принялась рассказывать измученной ручной стиркой подруге о потрясающих возможностях сверхнового чуда химической промышленности.

Выключил телек и отбросил пульт в сторону. Чем больше я узнавал о мире, в котором оказался, тем более гнусным он мне казался. Реклама скидок в православном храме! Боже мой! Какая чушь!

Хотя...

Вспомнились церковные прилавки с непомерными ценами на иконы, и возмущение стало медленно трансформироваться в нечто менее радикальное. А чем, собственно, храмы в моем мире отличаются от местных? Ведь торгуют же! Тоже торгуют. Иконы, свечи, книги всякие... Даже коллективные молитвы (или как они там правильно называются?) за деньги читают. Разве что до рекламы пока не дошли. Но кто знает, что дальше будет? Пути Господни неисповедимы, не так ли?

Глава 7. Проповедь

Я шел к храму и всю дорогу убеждал себя в том, что мое отношение к местной церкви слишком предвзято. И виной тому даже не реклама, которую я увидел по телевизору. Предвзято из-за того, что я смотрю на этот мир сквозь призму людей, населяющих его. И это, вероятно, не правильно. Не может оплот духовности нести бездушие! Я почти убедил себя в том, что не все еще потеряно, когда подошел ко входу в храм. Но затем увидел мраморную табличку, висящую у двери, и понял, что ошибался. Надпись на ней гласила: «Вход в храм лицам, не достигшим шестилетнего возраста, строго воспрещен! Цена входного билета в будние дни — 50 гривен. В субботу, воскресенье и праздничные дни — 100 гривен. Благословен, всяк сюда входящий!». Причем, основной текст был выгравирован на камне золотистыми буквами, а цены подставлялись отдельно с помощью пластиковых табличек. Инфляция, знаете ли... Куда же без нее?

Меня передернуло, как будто я увидел нечто отвратительное, лежащее в тарелке, из которой только что ел. Переступить порог храма так и не решился. Лишь проводил взглядом крестящуюся старушку, которая отвесила поклон до земли и вошла внутрь. Опомнился уже после того, как та скрылась в сумраке храма. Уж слишком странно бабулька перекрестилась! Она сложила три пальца вместе, прикоснулась ими ко лбу, описала четверть круга к левому плечу, провела такую же дугу к животу, к правому плечу и снова вернулась ко лбу. Вышел эдакий круг. Затем потерла пальцы друг о дружку и сунула руку в карман шерстяного платья.

Снова круг... Я отошел на несколько метров вглубь двора и посмотрел наверх. Купола и в самом деле венчали круги вместо крестов. В остальном же строение выглядело вполне привычно для православного человека.

Стало не по себе. Видимо, слишком рано я ушел из больницы и болезнь, подкосившая всего неделю назад, все еще напоминала о себе. Во дворе храма стояло несколько скамеек. Выбрал единственную, которая находилась в тени деревьев, присел. По лицу катились крупные капли пота.

Массивные въездные ворота разъехались в стороны, и во двор въехал черный «Мерседес» с наглухо тонированными стеклами. Тихо шурша широкими покрышками по горячему асфальту, вырулил на небольшую парковку позади храма и остановился. Открылась задняя дверь. Из машины вышел высокий, толстый человек в рясе. Даже мешковатая ряса не могла скрыть невероятных размеров живот, выпирающий вперед на добрых полметра. На толстой шее, вместо привычной цепи с крестом — серебряное украшение, из скрепленных друг с другом круглых пластин, напоминающих монеты. Пухлые пальцы сжимали ручку кожаного портфеля. Другая рука, при ходьбе, небрежно размахивала кадиллом, висящем на длинной позолоченной цепи. Он вальяжно двинулся по тротуару к входу в храм. Проходя мимо, священник бросил на меня суровый взгляд, но заметив, что я смотрю на него, растянулся в приветливой улыбке и кивнул. Я присмотрелся к украшению. Это и в самом деле были монеты! Причем очень старые! Я бы даже сказал античные. На одних был изображен орел, с опущенными крыльями, стоящий на неестественно длинных ногах, а на

других — мужской профиль с лавровым венком на голове. Монеты чередовались. Скорее всего, они были одинаковыми, просто аверс чередовался с реверсом. Точное их количество я сосчитать не смог. Навскидку — десятка три, не меньше.

«Неожиданно!» — удивился я и вскинул брови. Священник заметил это и, сделав по инерции еще два шага, остановился. Медленно развернулся ко мне и, шумно дыша, застыл.

— Тебе плохо, мил человек? — пробасил батюшка и нахмурился, — Бледный какой-то. Мил человек!? Вот это поворот! Да и забота в голосе! Чудеса?

— Есть немного. Но мне уже лучше. Благодарю.

Священник как-то странно поморщился, затем отодвинул рукав рясы, под которым блеснул золотом «Ролекс», поставил на край скамейки портфель и с шумным выдохом уселся рядом. Деревянные планки под его весом прогнулись. Он откинулся на спинку, достал из портфеля носовой платок и протер влажный лоб.

— А в храме что? Был уже?

— Нет. Не был, — честно признался я, глядя в сторону. Разговаривать с ним не было особого желания. Если во мне и теплилась какая-то надежда по пути сюда, то после ознакомления с «прейскурантом на церковные услуги» она попросту растворилась. Вся эта важность, которой светился духовный сановник, теперь навевала тоску и грусть.

— А что ж так?

— А денег нет! — с вызовом буркнул я. На этот раз соврал, конечно, но обойтись без сарказма никак не получалось.

— Вижу, не только тело у тебя в унынии, но и в душе смятение. Не из тех ты людей, что в храм без особого повода ходит. Так ведь? Деньги у всех есть, мил человек. Просто не все это понимают и тратят бесценное на тлен.

А вот и еще один поворот! «Бесценное на тлен»? «В душе»? Оказывается, здесь даже понятие такое имеется — «душа»! Стало, вдруг, интересно, что они вообще вкладывают в это слово, и я, не особо заморачиваясь, спросил:

— И что такое душа?

Священник смерил меня назидательным взглядом, усмехнулся и задал вопрос, не выдерживая вопросительной интонации. Будто утверждал, а не спрашивал:

— А ты не знаешь!?

Я пожал плечами, а для убедительности даже губы искривил.

— Душа, сын мой, это бессмертная суть твоя. То, что отлично от бренного тела. И, после смерти тела, ее ждет либо жизнь вечная, либо муки вечные. Зависит от того, как ты проживешь эту жизнь, на что потратишь.

— Угу, — кивнул я, — И как же мне избежать печальной участи?

— Покайся, причастись, заплати и не греши, — священник улыбнулся.

— То есть, соблюдай заповеди и все такое... Не убий, не укради, не прелюбодействуй...

Да?

Он кивнул. Стало понятно, в какое русло переходит беседа и я, решив воспользоваться возможностью, задал провокационный вопрос:

— Скажите, пожалуйста... — я не знал, как к нему обращаться, поэтому возникла неловкая пауза. Священник понял, в чем дело, и сам представился:

— Отец Михаил.

— Скажите, пожалуйста, отец Михаил, а существует ли заповедь «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»?

Тот, вдруг, стал серьезным. Улыбка исчезла с лица, глаза уставились под ноги, а руки, обхватив необъятный живот, сцепились в замок в районе пупка.

— Вот оно что, значит... — начал он, не торопясь, явно тщательно подбирая слова, — Все мы от рождения наделены бесами, от коих избавляемся. Мы подвергаемся в этой жизни испытаниям, преодолевая которые, очищаем бессмертную душу свою, данную богом. И любовь из них — самое важное испытание. Ибо, что есть любовь? Крайняя степень лицемерия. Стремление подкупить душу ближнего своим притворным вниманием. А что есть подкуп без денег? Обман! Тот, кто любит — соблазняет, привязывает, заманивает приторной сладостью ядовитого меда. И конечная цель у любящего всегда одна — взять себе! Завладеть бессмертной душой ближнего! Не отдать, но отнять! Присвоить! Так что есть любовь, сын мой? Неприкрытое лицемерие! Откровенное! И лицемерие есть грех. А все греховное — от лукавого. Так, как может быть заповедь божья греховной? Никак.

Для убедительности толстяк развел пухлые ладони в стороны и растянулся в масляной улыбке. Видимо, он был уверен в том, что я и так все прекрасно понимаю, но корчу из себя не пойми кого.

— То есть, Иисус не заповедал любить ближнего?

— Кто? — нахмурился священник и даже немного отстранился от меня, как от больного. Скамейка скрипнула.

— Иисус Христос, сын божий, который умер за наши с вами грехи на кресте.

— Да он то тут при чем?! За чьи грехи, сатана?! Кто сын божий?! — лицо его стало бордовым от возмущения, дыхание сбилось, а слова вырывались из груди с хрипотцой, — Как твой отсыхающий язык во дворе храма поворачивается такую ересь нести? Сгинь, нечисть, с глаз! И кайся до скончания дней, пока слова не кончатся! Прочь за ворота, и чтоб ноги твоей здесь больше не было!

Священник вскочил со скамейки, будто та раскалилась добела, засопел, схватил портфель, развернулся на месте, сделал шаг. Затем снова повернулся ко мне, достал из портфеля небольшой клочок бумаги, что-то чиркнул на нем, небрежно бросил под ноги и быстрым шагом направился к храму, процедив на прощанье:

— Нищета...

У самых дверей обернулся, несколько секунд смотрел на меня, потом плюнул и вошел внутрь.

Я поднял бумажку. На ней кривым почерком было написано: «Проповедь: 10 мин.», а ниже, тем же почерком: «Итого: 100 грн.»

«Вот и вся церковь» — подумал я. Было ощущение, будто меня обокрали. Или какой-нибудь ушлый страховой агент втюхал мне полис, который, на самом деле, нафиг не нужен. И дело было вовсе не в счете, выписанном священником. Пусть подавится своей сотней! Оплачу. Дело было в самой сути «развода», в абсурдности его проповеди. Будто в душу нагадили. Но теперь хотя бы стало понятно, на что у них скидки для постоянных клиентов. Прихожанами их язык не поворачивается назвать. Да и запрет на вход в храм для детей, младше шести лет, стал понятен. Еще бы! От них же бесовщиной за километр прет! Любовью так и пышут, лицемеры! Ишь какие! Корыстные паразиты! Порабощают родительские души, чтобы те их кормили, возвращали, лелеяли! Эгоисты маленькие! Ну, надо же...

Я закрыл ладонями лицо и уже в который раз попытался проснуться, чтобы отогнать ночной кошмар. Никак иначе объяснить происходящее не получалось.

В кармане завибрировал мобильник. Я посмотрел на экран и не сразу понял, кто звонит.

На экране светилось слово «Мать».

Глава 8. Та, что меня родила

Еще одна издевка. «Мать»! Почему тогда не «Биомать»? Или не «Та, что меня родила когда-то»? Или назвать маму мамой язык не поворачивался?

Мама... Человек, любовь которого ощущаешь на любом расстоянии, вне зависимости от того, где находишься и чем занят. В ее любви ни на секунду не приходилось сомневаться за прожитые тридцать четыре года. Да что там сомневаться! Такая безумная мысль ни разу даже в голову не приходила! Ну, кому придет в голову сомневаться в материнской любви? Ее любовь безусловна и неоспорима. Она не требует доказательств. Она просто есть и все. Это истина и никак иначе.

Никак?

И я почувствовал... Впервые в жизни почувствовал это сомнение. Сидел в церковном дворе и, как заторможенный, тупо смотрел на экран мобильного, не решаясь снять трубку. Я просто не понимал, кто звонит. Чья мама? Моя? Или того человека, который не вернулся домой? Того, чье имя я ношу? Чья?

А на что я надеюсь? На то, что его мама вдруг скажет «Привет сынок»? Или, хотя бы, назовет меня «Коля», а не «Николай»? А с чего вдруг? Кого я обманываю? Я прямо сейчас нахожусь в церкви, которая берет деньги за проповеди! Здесь даже священники... Да черт возьми! Здесь у священника на шее висит цепь из тридцати сребреников! А ведь так и есть! Эти серебряные монеты — сребреники! Точно такие же, как и те, за которые Иуда Искариот продал учителя! Боже мой! Какой абсурд!

Почему то после этой догадки, улучшилось настроение. Я даже засмеялся. Тогда я не осознал, но сейчас могу с уверенностью сказать: в тот момент я навсегда отбросил иллюзии, а вместе с ними исчезла и надежда. Надежда найти здесь хоть что-то живое, кроме Юльки. И стало легче.

Теперь мне было глубоко наплевать на того человека, который звонил. Я встал, зашагал в сторону выхода, бросил в окошко кассы скомканную сотенную купюру вместе с выписанным счетом, быстро вышел на проспект и снял трубку.

— Алло! — произнес тот голос, который когда-то пел мне перед сном колыбельные, — Здравствуй, сыночек.

Я встал на месте, как вкопанный! Несмотря на жуткий зной, по всему телу пробежались мурашки, а каждая волосинка встала дыбом. Шум автомобилей, проносящихся мимо, куда-то отдалился, в груди защемило. Пришлось опереться на церковный забор, чтобы не потерять равновесие и не грохнуться на плавящийся асфальт.

— Привет, ма, — выдавил я.

— Что с тобой, Коленька? Ты не заболел? Хрипишь.

Голос ее был каким-то грустным и усталым. Я стоял под палящим солнцем и не понимал, что делать и что говорить. Все, что я, казалось, еще минуту назад понял об этом мире, вдруг встало с ног на голову! Еще минуту назад я хотел, и даже планировал, послать звонившую женщину ко всем чертям и стереть ее номер из списка контактов, а теперь готов был бежать к ней, чтобы обнять, прижаться и расцеловать.

— Пустяки, мам, простыл немного. Ты как? Как будто расстроена чем-то.

— Нет, Коленька. Все хорошо. Соскучилась просто, вот и звоню. Ты не сердись только, пожалуйста. Сама не пойму что это со мной. Старею, наверное. Время пришло, вот и распустила нюни.

Я слушал ее и ушам своим не верил. Как так?

— Что значит «время пришло»? Ма! Ты где сейчас?

— Да где мне быть-то? Где и всегда.

— Дома, что ли?

— Вот еще! — удивилась мама и хихикнула, — Ты этот концлагерь, конечно, можешь считать моим домом, но я, наверное, никогда к нему не привыкну.

— Да не юли ты! — не выдержал я, искренне испугавшись, что в таком безумном мире стариков и впрямь могут в концлагеря отправлять, — Какой еще концлагерь? Где ты? Я сейчас приеду!

— Николай, ты меня пугаешь. Ты точно здоров?

На этот раз голос мамы прозвучал совсем иначе. Появились знакомые металлические нотки, присущие всем «местным».

— Мам, мне нужно с тобой поговорить. Хочу к тебе приехать. Просто назови адрес. Я тебя очень прошу.

— Да что ж такое-то? Гагарина, 101. Позвони, когда подъедешь!

Мама положила трубку. Я принялся озираться по сторонам в поисках такси, на ходу вспоминая, что именно находится на проспекте Гагарина, 101. Я определенно бывал там раньше. И даже помнил, что ездил туда по работе. Вот только никак не мог вспомнить, для чего именно. Всю дорогу рылся в памяти, пытаюсь выудить из нее хоть что-то вразумительное, но безрезультатно. Таксист, в ответ на мои расспросы, пожал плечами и поспешил заверить, что для того, чтобы довезти пассажира до нужного адреса, ему не обязательно знать, что именно там находится. Ответив, он сделал радио погромче, давая понять, что разговор окончен.

Вспомнил только тогда, когда такси подъехало к широким каменным ступеням, ведущим на не менее широкое крыльцо с колоннадой. Я вспомнил, но от этого легче не стало.

Два года назад, летом две тысячи шестого, я проводил переговоры с руководством этого заведения на предмет заключения договора о реализации зарплатного проекта для их сотрудников. Это был муниципальный реабилитационный центр для детей-инвалидов. Вот только не понятно, при чем здесь мама? Она всю жизнь отработала учителем русского языка в школе, но уже пять лет была на пенсии. Проблемы с сердцем не позволяли работать. То есть, рассчитывать на то, что мама устроилась на работу в реабилитационный центр — не вариант. Тогда что?

Снова вопросы. С каждой минутой их становилось все больше. Они слипались между собой, комкались, переплетались, превращаясь в тяжелый ком, и давили невыносимым бременем. Мне показалось, что рано или поздно от этого груза я должен буду сойти с ума. Попытки разобраться во всем сразу приводили к тому, что недопонимание усугублялось, принося все новые загадки. Я устал от загадок. Устал от постоянного откровенного хаоса. И если бы не Юлька, я бы, наверняка, уже сдался бы.

Глава 9. Хоспис

Рассчитавшись с таксистом, поднялся на крыльцо. У входа висела табличка, на которой, вместо ожидаемого названия знакомого мне заведения, было написано: «Министерство социальной политики, Абилитационный хоспис-центр паллиативной медицины, г. Харьков».

Что значит «паллиативная медицина»? Что значит «хоспис»? Я никогда не слышал о

подобном заведении и даже понятия не имел, чем они занимаются, не говоря уже о том, что здесь делает моя собственная мама. Но судя по слову «хоспис», фигурирующему в названии, ничего хорошего ждать не приходилось. В моем — в нормальном мире — хосписы оказывали поддержку смертельно больным пациентам. Их основной задачей было облегчение страданий от неизлечимых болезней, ведущих к неизбежному концу.

Я вошел. В холле никого не было, за исключением пожилого охранника в очках в роговой оправе, читающего газету в небольшой кабинке, застекленной со всех сторон. Проход в коридоры и на лестничную клетку перегороден хромированным турникетом, сразу за которым имелась металлическая рамка, напоминающая металлодетектор. Такими оборудуют терминалы в аэропортах. Мои шаги эхом отражались от бетонных стен, многократно усиливаясь, но мужчина за стеклом не подал вида, что вообще меня замечает.

Подойдя поближе, я поздоровался. Охранник, не меняя позы, поднял глаза и посмотрел поверх толстых линз. Назвать этот взгляд приветливым было сложно. Я кивнул.

— Слушаю вас, — рявкнул мужчина.

Его голос, доносящийся из глухой коробки, звучал глухо.

— Подскажите, как мне увидеть Семенову Валентину Андреевну?

Он еще какое-то время испытывающе пялился на меня, затем нехотя отложил в сторону газету и взял со стола толстый журнал в солидно потертой картонной обложке. Снова зыркнул из-под очков, наслюнявил палец и принялся листать, громко переворачивая пожелтевшие страницы, исписанные ровным, но не разборчивым почерком. Каждый лист изучался медленно, будто нарочно. Он проводил сверху вниз пальцем, снова его слюнявил и принимался за следующую страницу. Я не выдержал.

— Скажите, а она здесь работает или...

Охранник оторвался от своего монотонного занятия и в очередной раз уставился на меня немигающим взглядом из-под очков.

— Кто?

— Семенова Валентина Андреевна, — раздраженно пояснил я очевидное.

— Нет, — сказал тот и продолжил листать.

— А что тогда?

На этот раз мужик снял очки и презрительно искривил рот.

— Что-то я не понял. А ты кто вообще?

От такого неприкрытого хамства я оторопел. Даже вначале хотел ответить ему в подобном тоне, но решил, что нарываться на скандал просто бессмысленно и, проглотив оскорбление, сказал:

— Я ее сын и мне срочно нужно ее увидеть. Она ваша пациентка?

Мужик еще ненадолго задержал на мне взгляд, вернул очки на нос и буркнул:

— Клиентка.

В чем разница между этими двумя понятиями выяснять не хотелось. Да и надобности особой не было. Вполне хватало того, что мама находится здесь не в качестве медперсонала, а значит, ничего хорошего ждать не стоит. Хотя, я и без того догадывался, что человек, всю жизнь проработавший преподавателем русского языка в средней школе, вряд ли будет работать в подобном заведении. Тем более на старости лет, да еще и с больным сердцем.

— Год рождения, — потребовал охранник.

Я его вполне расслышал и понял правильно, но зачем-то задал глупый вопрос:

— Мой или ее?

— Ее!

— Тридцать первый.

— Коридор налево, по лестнице на третий этаж. Лифт не работает. Когда поднимешься, позвонишь в звонок. При выходе предъявишь пропуск. Его выписывает дежурный надзиратель. Проносить на территорию хосписа продукты, колющие, режущие предметы и лекарства — запрещено. Ключи можешь оставить мне, при выходе верну.

Я передал ему связку ключей от квартиры.

— Паспорт, — потребовал мужик.

— Господи! Да паспорт-то вам зачем? Я что, на режимный объект прохожу? С каких пор в больнице паспорта требовать начали? — не выдержал я, начав повышать голос.

— Это не больница. Без удостоверения личности, вход на территорию хосписа запрещен.

— Бред какой-то! — возмутился я и принялся рыться в карманах, заведомо зная, что никакого паспорта там нет. Вместо документа извлек пару кредитных карт, на одной из которых, с тыльной стороны, имелось мое фото, а на лицевой — имя с фамилией. Я протянул карточку охраннику, затем, немного поразмыслив, вытащил из кармана сотенную купюру и приложил к импровизированному «документу». Тот недовольно хмыкнул, еще раз посмотрел на меня, но от предложения отказываться не стал. Взял деньги, даже не взглянув на карту, нажал на какую-то кнопку, и турникет щелкнул замком.

— Посещение строго до семнадцати, — на этот раз в тоне его голоса я не заметил хамских нот. Скорее, теперь он просто констатировал факт, не более того. Интересно, сообщил бы он мне столь «ценную» информацию, если бы у меня с собой оказался паспорт, и мне не пришлось бы давать ему денег? Почему-то кажется, что нет. Но это всего лишь догадка, не более того.

Я вошел внутрь и поднялся на третий этаж. Проход в отделение перегораживала оббитая жестью массивная дверь с крупным смотровым глазком. Подойдя вплотную, попытался заглянуть в него, но вовремя успел заметить идущую с противоположной стороны женщину в белом халате. Едва я успел сделать шаг назад, как щелкнул дверной замок и дверь открылась.

Она явно не ожидала здесь кого-то встретить и даже слегка испугалась. Я приветливо улыбнулся и поздоровался, от чего дама в халате нахмурилась.

— Вы что-то хотели?

— Я ищу свою мать. Семенову. На охране сказали...

— Да, да... Я вас помню. Девятая камера. Ее два месяца назад туда перевели, — сообщила женщина и жестом пригласила войти внутрь.

Я опешил.

— Какая камера?

— Девятая, — будничным тоном повторила женщина.

— Нет... Я имею в виду, что значит камера?

— Это должно что-то значить? — удивилась та и изобразила недоумение.

— Пойдите... Она что, заперта?

— А вы бы хотели, чтобы она была не заперта? — интонация, с которой был задан ее вопрос, по умолчанию делала его риторическим.

— Зачем?

По всему было ясно, в ее глазах я выглядел идиотом. Она смерила меня удивленным взглядом и сказала.

— Послушайте, если у вас есть претензии к условиям содержания, можете изложить их в письменном виде. Обсуждать ваше недовольство в подобном тоне я не намерена. Мне и без вас с этой Семеновой проблем хватает. Между прочим, ни у одного клиента, кроме нее, нет мобильного телефона. И я вам об этом уже не раз говорила. Это грубое нарушение правил содержания смертников.

— Каких смертников? — выдохнул я и почувствовал, как кровь отходит от лица.

— Николай... Забыла ваше отчество... У меня нет времени на пустые беседы. Либо проходите в камеру, либо прошу на выход. Мне некогда. У меня планерка, — она заметила мою реакцию и замерла, — Николай? Вы в порядке? Вы понимаете, что я говорю? Эй!

Нет. Я не понимал. Впрочем, это уже превратилось в привычку. Здесь много чего было не понятно. А если поразмыслить, то можно даже сказать — непостижимо и страшно. Сколько ни старался, я никак не мог понять, ради чего эти люди живут? Что ими движет? Чему они радуются и радуются ли вообще? Для чего рожают детей? Мне было не понятно, как может сын допустить, чтобы его мать оказалась запертой в какой-то жуткой камере смертников? И после этого мать звонит этому сыну и с болью в голосе интересуется, не заболел ли тот! Я не понимал!

Женщина в белом халате решительным шагом двинулась вдоль коридора, по обеим сторонам которого, через равные промежутки, серели неокрашенным металлом стальные двери с квадратными окошками, как в тюрьме. Я проследовал за нею и через десяток метров остановился у двери, обозначенной цифрой «девять».

Надзирательница вытащила из кармана халата массивную связку пронумерованных ключей и, отыскав нужный, отперла замок камеры. Толкнула дверь, и та с низким скрежетом распахнулась.

Мама сидела на деревянном табурете у зарешеченного окна и смотрела на меня. Ладони были сложены «лодочкой» и покоились на коленях. Она была одета в серую хлопчатобумажную пижаму и обута в такие же серые тапки-шлепанцы. Серые волосы стянуты на затылке резинкой и закручены в аккуратную гульку.

— Здравствуй, Коленька, — прошептала она и поднесла ладонь к левой груди, — А я все звонка твоего жду.

Глава 10. Мама

Не говоря ни слова, вошел внутрь. За спиной дважды лязгнуло. Вначале дверь, затем засов замка. В камере было душно и пахло мочой. Мама заерзала на табурете и торопливо поправила примитивную прическу. Это движение выдало в ней смущение.

Я стоял у входа и не мог понять, какое из разрывающих меня чувств сильнее: чувство жалости к близкому, родному человеку или чувство стыда? И хотя я изо всех сил убеждал себя и собственную совесть в непричастности к происходящему, какой-то иррациональный огонь продолжал безжалостно пожирать изнутри. Это не я запер собственную мать в камере смертников. Не я больше двух месяцев не проводывал ее здесь. Не я обозвал в телефонной книге ее номер сухим словом «Мать». Это был не я! Но от стыда теперь, почему-то, сгорал именно я.

— Здравствуй, мам, — стараясь держаться, прошептал я, но глаза все равно стали мокрыми.

Она заметила это и ее подбородок тоже задрожал. Морщины на лице стали глубже и на сильно постаревшем лице появились слезы. Мама протянула ко мне руки и резко выдохнула, готовая вот-вот сорваться на рыдания. Я подошел, присел рядом, обнял и положил голову ей

на колени. Она бережно гладила меня дрожащими руками по волосам, по плечам, спине и беззвучно плакала, выдавая слезы едва заметными немymi вздрагиваниями. Да я и сам теперь не представлял, как остановиться. И если бы в этот момент распахнулась дверь камеры и внутрь вошла надзирательница, меня бы наверняка еще тогда уpekли в спецзаведение для эмоционально неуравновешенных граждан, с которым еще предстояло столкнуться в ближайшем будущем. Сейчас же я не подозревал, какую жуткую «опасность» несу обществу, выражая неподдельные эмоции в отношении собственной матери и просто сидел рядом с ней, жадно впитывая нежные прикосновения, знакомые с детства.

Я понятия не имел, с чего начинать разговор. Она тоже молчала. Мне хотелось ответов, и по дороге сюда я даже не сомневался, о чем буду спрашивать. Строил планы, в какой последовательности буду это делать. Но теперь, увидев, что на самом деле происходит, все эти вопросы казались мелкими, ничтожными и от того — постыдными.

Я поднял голову с ее колен, посмотрел на заплаканное, уставшее лицо и сказал:

— Я тебя отсюда вытащу.

Она улыбнулась печальной улыбкой и провела большим пальцем по моей щеке, вытирая слезу.

— Бедный мой мальчик, — прошептала она, — Как же ты теперь будешь жить с такой тяжелой ношей? Что же ты так рано постарел?

Мне совсем не хотелось продолжать искать ответы на вопросы об устройстве этого мира, но они сами выплывали из моих собственных выводов. Мама считает, что мои эмоции вызваны преждевременным старением, а значит, пожилые люди каким-то образом обретают утерянную в далеком детстве душу. Иначе, чем еще объяснить материнскую любовь, которой было пропитано сейчас все окружающее пространство? Я ее чувствовал так отчетливо, что она казалась чем-то осязаемым. Достаточно протянуть ладонь и можно кожей ощутишь тепло и заботу, исходящее от матери.

Справившись с первой эмоциональной волной, я, все же, собрался и решил не терять времени.

— Мам, я хочу с тобой поговорить. Но ты должна пообещать мне, что об этом разговоре никто больше не узнает. Хорошо?

Она улыбнулась. На этот раз без печали в глазах. Не говоря ни слова, кивнула.

— Ты уже, наверное, поняла, что я не такой, каким был раньше. Но это не совсем так. Объяснять долго, поэтому ты просто поверь, ладно?

— Я знаю, сыночек. Знаю, дорогой. Не обязательно рассказывать, — поспешила заверить мама, но я перебил ее.

— Возможно, некоторые вопросы покажутся тебе странными. Но я хочу, чтобы ты мне поверила и не удивлялась некоторым вещам. Хорошо? И еще попрошу тебя отвечать так, будто я... Не знаю... Пришелец с другой планеты! И понятия не имею о том, что творится на Земле.

Она сделала серьезное лицо, стерла с лица остатки улыбки, вздохнула и кивнула, давая понять, что она вся — внимание. Я тоже вздохнул, стараясь правильно подобрать слова для первого вопроса.

— Мам, как ты сюда попала?

Несмотря на мои подготовительные речи, мама удивилась и растерянно вскинула брови, но вспомнив об обещании, кивнула.

— Угу... — сказала она, снова сделавшись серьезной, и поерзав на стуле, сказала, —

Меня сюда отправил ты.

— Зачем?

— Умирать, — она развела руки в стороны и чуть повела плечами.

— Но зачем?

— Прости, сынок, я стараюсь отвечать, как ты просил, но я не понимаю. Я старая. Ты спрашиваешь об очевидном... Я не хочу обидеть, но это выглядит, как издевка.

— Мама, дорогая, поверь, это не издевка. Так надо. Ты многого не понимаешь и не знаешь. Я сейчас не готов все объяснить, но обещаю — когда-нибудь обязательно все расскажу. А чтобы тебе было проще понять, представь, что я частично потерял память, после чего стал чувствовать. Ну, ты понимаешь... Это не совсем так, но очень похоже.

Она кивнула.

— А сейчас, пожалуйста, помоги мне!

— Хорошо, Коленька. Я постараюсь.

— Так зачем я тебя сюда упрятал?

Она пожалала плечами.

— Моя жизнь заканчивается. Я не приношу пользы ни тебе, ни твоей семье. Я обуза и прекрасно это понимаю. К тому же маразматичка. Хотя, ты вот тоже...

— Ну, допустим. Но почему я не устроил тебя в «Дом престарелых»? Почему в хоспис?

— Я не знаю. Возможно, потому что «Дома престарелых» созданы для здоровых людей.

— А ты больна?

— Конечно, — она снова улыбнулась, умиляясь моей наивностью, — Больна и опасна для общества.

— Но чем? Как ты вообще можешь быть опасна?

— Не знаю точно. Маразмом, наверное.

— И в чем он выражается?

— В нерациональном поведении. Ты же сам видишь. Если бы я была здорова, разве я позвонила бы сегодня только для того, чтобы услышать твой голос? Самое ужасное в этой болезни то, что она управляет тобой. Подчиняет себе твою волю. И ты просто не в силах ей сопротивляться. Даже наоборот — стремишься потакать ей во всем, вопреки здравому смыслу. Понимаешь, что поступаешь нелогично, но все равно стремишься сделать то, что делать не стоит. Вот ты спрашиваешь меня, зачем я здесь? Зачем сижу под замком? Но ты ведь прекрасно понимаешь, что в таком состоянии я способна на самые безрассудные поступки. Мало того, я открыто заявляю, что хочу, к примеру, воспитать Юленьку так, чтобы она сохранила способность чувствовать то, что может чувствовать сейчас. Я прекрасно понимаю, что обреку ее тем самым на страдания, но, от чего-то, уверена, что ей никак нельзя терять свои врожденные способности. Я плохо помню собственное детство, но то, что удалось сохранить в памяти, очень похоже на мое нынешнее состояние. И оно настолько же прекрасно, насколько и ужасно. Не зря ведь говорят, что старики, впадая в маразм, снова становятся детьми. Приходится переживать нечто очень похожее на детские ощущения, когда, к примеру, хотелось без причины целовать маму. Или играть с котенком. Или бескорыстно помогать бабушке мыть посуду. Или испытывать жалость к умирающему от неизлечимой болезни соседскому мальчику. Примеров масса! Эти чувства я переживаю и сейчас. Возможно, со стороны это выглядит глупо и бессмысленно, но я ничего не могу с собой поделать, она вздохнула, — А еще это тяжело.

— Но с чего ты вообще взяла, что твое состояние — это болезнь?

— Так говорят врачи. Да я и сама понимаю, что это не нормально, но не могу с собой ничего поделаться. Будто против своей воли тебе звоню. Да какая, впрочем, теперь уже воля...

— А если они ошибаются? Врачи. Что, если это никакая не болезнь? Если все совсем наоборот? Что, если это они все больны?

Мама грустно засмеялась.

— Все психи именно так и считают, сынок. На то они и психи. Но даже если врачи и ошибаются, от этого симптомы не становятся легче. Я страдаю. Понимаешь? Вижу, что понимаешь. Знаешь, о чем говорю. Это ужасное состояние и у меня сердце кровью обливается, когда вижу, что ты тоже столкнулся с той же бедой. Да еще и в таком раннем возрасте. Наверное, это наследственное. Я уже и не знаю...

Она вздохнула и, от чего-то, поморщилась.

— А как ты поняла про меня?

— Иначе ты бы меня не слушал. Да и вообще, вряд ли приехал бы сюда. Даже по голосу было слышно, когда звонила тебе. Пока ты добирался, я только и делала, что убеждала себя в том, что ошиблась. А как увидела — поняла, что не ошиблась. У тебя на лице все написано.

Она охнула, глубоко вздохнула и прикрыла глаза. Я прекрасно знал, что так бывает, когда у нее начинает болеть сердце. Уговорил прилечь и помог поудобнее устроиться на койке, больше похожей на тюремные нары, чем на кровать.

— Как мне вытащить тебя отсюда?

— Ох, не нужно, Коленька. Тебе сейчас о своем здоровье надо думать. Я уже старая, свое отжила. Буду вам обузой, да к тому же опасной обузой. Мария, опять же, не одобрит. Устраивайте свою жизнь, растите Юленьку. А мне недолго мучиться осталось. Здесь, таких как я, контролируют. Таблетки специальные дают, чтобы моторчик поскорее изнашивался. Глядишь, через месяц-другой и решится все.

— Ты меня слышишь? Мы сегодня едем домой! Обещаю!

Она снова вздохнула, но на этот раз промолчала.

Все оказалось гораздо сложнее, чем я себе представлял, когда давал матери обещание. Все началось со скандала, который пришлось устроить надзирательнице, чтобы та помогла попасть на прием к главному врачу. Им оказался интеллигентного вида старичок, невысокого роста в элегантных очках с позолоченной оправой. Его седые, но все еще густые вьющиеся волосы, были уложены в безупречную прическу. На рабочем столе, как, впрочем, и во всей обстановке кабинета, царил идеальный порядок. Когда я вошел, тот неспешно подписывал какие-то документы, и даже не удостоил меня своим вниманием.

Глава 11. Главврач

Я не стал дожидаться, когда старик предложит присесть. Прошел через просторный зал и сел в удобное кресло у стола, предназначавшееся для гостей. Врач продолжал подписывать бумажку за бумажкой и старательно делал вид, что не замечает меня. Когда последний документ был подписан, он аккуратно сгреб их в одну стопку, уложил в папку и нажал на кнопку, располагавшуюся на краю широкого стола. В кабинет вошла секретарша, которая, увидев меня, на мгновение замерла. Она не рассчитывала встретить здесь посетителя, потому что не видела, как я вошел в кабинет. Видимо, отлучалась куда-то из приемной. Она забрала папку и ретировалась хорошо поставленной походкой подиумной модели.

Повисла тишина. Старик сидел в глубоком кожаном кресле, поглаживал пальцем дорогую шариковую ручку, которой только что подписывал бумаги, и с наигранным вниманием смотрел в окно. Затем, словно опомнившись, посмотрел на меня, развернулся в

мою сторону и, упершись локтями в краснодеревный стол, сказал:

— А вы решительно настроены, — он расплылся в приветливой улыбке, — Мне это нравится.

— Меня зовут Николай Семенов, — начал я, но врач перебил.

— Простите, а по батюшке как?

— Николай Евгеньевич. В вашей... — я хотел сказать «больнице», но в последний момент решил, что данное слово не совсем подходит, и исправился, — В вашем заведении содержится моя мать — Семенова Валентина Андреевна. Я хочу забрать ее домой. Какова процедура выписки и что для этого требуется?

— Валентина Андреевна, — задумчиво протянул главврач, щуря глаза и снова глядя в окно, — Да, да... Кажется, я понял о ком вы говорите. Занятный пациент, признаюсь. Весьма своеобразная личность. Я бы даже сказал, экстравагантная. Вы так не считаете, Николай Евгеньевич?

— Думаю, это не имеет отношения к сути вопроса, — стараясь сохранять хладнокровие, ответил я, — Какова процедура и что нужно подписать?

— А я не ошибся. Вы и в самом деле настроены решительно, — он одобрительно кивнул, выпирая вперед острый, гладко выбритый подбородок, — Весьма похвально, Николай Евгеньевич, весьма похвально. Тогда позвольте уточнить. То есть, вы хотите прекратить изоляцию своей матери и готовы взять на себя ответственность за возможные, я бы даже сказал, весьма вероятные последствия освобождения психически неуравновешенного пациента. Верно?

— Верно.

— Хорошо.

Он снова нажал на кнопку вызова, и на пороге кабинета тут же возникла эффектная фигура секретарши:

— Слушаю, Карл Генрихович.

— Наталья, подготовьте документы на освобождение Семеновой... — он нахмурился и вопросительно посмотрел на меня.

— Валентины Андреевны.

— Семеновой Валентины Андреевны. И сделайте копию паспорта Николая Евгеньевича.

Девушка той же идеальной походкой подплыла ко мне и застыла в ожидании. Я растерянно уставился на нее, а затем и на главврача.

— Это необходимо для оформления документов, — заверил меня Карл Генрихович и для убедительности кивнул.

— Я не брал с собой паспорт. Если это не принципиально, я могу подвезти его позже.

— Позвольте, молодой человек, но как же вы тогда попали на территорию хосписа?

— Думаю, вам лучше задать этот вопрос вашему охраннику, — не без удовольствия ответил я, предвкушая, какой нагоняй теперь получит надменный охранник. Неприкрытая подлость, конечно, с моей стороны. Но соблазн был настолько велик, а усталость от бесконечного хамства настолько так накопилась, что не воспользоваться возможностью отомстить чужими руками я просто не смог.

Главврач хмыкнул, задумчиво постучал шариковой ручкой о ежедневник, сделал в нем короткую запись, улыбнулся и обратился к секретарше:

— Подготовьте документы.

— Но, Карл Генрихович... — секретарша округлила глаза, надула губы и посмотрела на меня так, словно я был каким-то прокаженным, а ее шеф этого не замечал.

— Готовьте, я сказал! — отчеканил тот, на миг превратив собственное лицо в каменную маску, а затем снова переключился на меня, и маска вмиг исчезла, — Вы желаете кофе или чай?

— Нет, — сказал я, чуть не добавив «благодарю», но вовремя вспомнил, что это может выдать во мне «психическое расстройство».

Врач кивнул секретарше, и та в полном недоумении вышла из кабинета. Снова стало тихо. Карл Генрихович встал, сложил ухоженные руки за спину, подошел к окну и посмотрел вниз на проспект.

— Николай Евгеньевич, — он выдержал небольшую паузу, — Позвольте задать вам деликатный вопрос.

— Пожалуйста, — разрешил я и тут же мысленно выругал себя за неудачно подобранное слово. Врач бросил на меня мимолетный взгляд, но я успел заметить в нем удивление в сочетании с неподдельным интересом. Профессиональным интересом. Я в очередной раз мысленно ругнулся. Кулаки непроизвольно сжались и костяшки пальцев предательски хрустнули. Тот сделал вид, что не заметил моего напряжения, продолжая разглядывать отстраненным взглядом суету городского проспекта.

— У вас есть дети?

— Да. Дочь.

— Прекрасно. Сколько ей?

— Шесть.

— Очень хорошо. Как она себя чувствует?

— То есть? — не понял я.

— Я имею в виду психическую составляющую ее здоровья. Спрашиваю, так сказать, исключительно из профессионального любопытства.

— Она вполне здоровый ребенок. Не понимаю, какое отношение имеет дочь к сути моего визита.

— Простите, я предупреждал, что вопрос будет деликатным, — Карл Генрихович изобразил виноватую улыбку, — Вы можете не отвечать, если хотите.

Я промолчал. Он понимающе кивнул и вернулся в кресло.

— А ваша мама... Я могу ее так называть? — голос приобрел мягкие, бархатистые, даже несколько приторные оттенки.

Я снова не стал отвечать, на этот раз, посчитав вопрос риторическим, и Карл Генрихович, видимо, принял мое молчание за согласие.

— Хорошо, — продолжил он, — Так вот. Ваша мама когда-нибудь говорила о том, что любит внучку?

— Карл Генрихович, при всем уважении, я бы не хотел обсуждать интимные вопросы своей семьи с малознакомым человеком, пусть и с психиатром. И вообще, у меня складывается ощущение, будто я присутствую не в кабинете медицинского учреждения, а на допросе в милиции. Поэтому, думаю, будет вполне разумно, если мы с вами как можно скорее уладим все необходимые формальности и закончим наше общение. К тому же, у меня очень мало времени. Если для ускорения процесса от меня что-нибудь требуется, я готов пойти навстречу.

Глава 12. Переговоры

По всему было видно, что главврач тянет время, хотя и довольно быстро распорядился подготовить документы для выписки. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понимать, что ни один чиновник в нашей стране, будь то медик или депутат (да хоть воспитатель в детском саду!), не станет выполнять своих обязанностей с энтузиазмом без должной мотивации. И не имеет значения, в какой реальности ты при этом находишься. Взятки берут везде. За годы работы в банке, я провел слишком много переговоров с руководителями бюджетных структур, чтобы этого не знать. Все договоры, все государственные тендеры, не зависимо от сути сделки, всегда заключались и выигрывались на условиях обратного личного вознаграждения подписанта. Если говорить проще — на откатах. А если еще проще — на взятках.

Все переговоры с бюджетниками, как правило, велись по одному и тому же сценарию: выражение «безграничного уважения» с обеих сторон переговорного процесса, освещение предложения потенциальному клиенту, выслушивание нытья чиновника по поводу скудности бюджета подведомственной структуры, расшатывание ставок, закрепление предварительной договоренности рукопожатием и совместное распитие спиртного для полировки взаимовыгодной сделки. Главенствующую позицию во всей этой нехитрой схеме всегда занимал один единственный пункт — «расшатывание ставок». То есть, то, что откаты будут — даже не обсуждалось. Это был очевидный факт, состоявшийся еще до начала выражения «безграничного уважения». Обсуждению подлежал только их размер. Ты переступаешь порог кабинета, и его временный владелец уже прикидывает, сколько он может с тебя поиметь. А уж твоя задача — нащупать ту самую планку, опустившись ниже которой можно не довести переговоры до последнего пункта, а значит упустить потенциального клиента.

Схема работала безотказно. Я применял ее десятки, если не сотни раз, доведя «искусство» ведения переговоров до совершенства. Все чиновники вели диалог в одних и тех же рамках, испытывая твердую уверенность, что являются ведущими, а не ведомыми в переговорном процессе. Я же всегда делал вид, что так оно и есть.

Делая предложение Карлу Генриховичу, я даже предположить не мог, что он отреагирует на него как-то иначе. Нет, я не самоуверенный сноб, и прекрасно понимаю, что любой, даже самый талантливый переговорщик, способен ошибаться. Здесь же, скорее, свою коварную роль сыграла сама многолетняя безотказная схема, доведенная до автоматизма. Именно этот автоматизм внушал уверенное спокойствие, притупившее мою бдительность.

В случае с этим человеком, безотказная схема впервые дала сбой. Я впервые почувствовал себя ведомым и, признаюсь, начал слегка паниковать.

— Позвольте, Николай Евгеньевич, я вас немного поправлю, — он продолжал говорить все тем же бархатным, глубоким баритоном, от которого создавалось неприятное ощущение, будто тебе хотят залезть поглубже в душу, — Я ни в коем случае не веду допросов и, тем более, не выведываю интимные подробности вашей жизни. Мне они попросту ни к чему. К тому же, для этого существуют специальные государственные органы, с которыми вам еще предстоит общение, если вы и в самом деле намерены взять на себя ответственность за содержание психически неуравновешенного родственника. Хочу, чтобы вы поняли, что наша беседа важна, в первую очередь, именно для вас. Для вас, вашей дочери и, конечно, для самой... мамы.

Последнее слово он произнес намеренно мягко, протяжно. Словно пропел. И улыбнулся. Улыбка соответствовала тембру голоса. Такая же масляная и заискивающая.

— Николай Евгеньевич, — теперь его лицо сделалось грустным, — Ваша мама больна. И вы это знаете. А самое ужасное в ее состоянии то, что она не способна себя контролировать. Психические расстройства тем и отличаются от насморка, что человек не отдает отчета собственным действиям и способен нанести колоссальнейший вред окружающим, сам того не осознавая. Вы говорите, что у вас юная дочь. Думаю, не нужно лишней раз напоминать, что вы, как отец, несете полную ответственность за ее жизнь. В том числе и за всем известный процесс взросления, который в современной психиатрии классифицируется не иначе, как процесс обструкции повышенной сензитивности. Иными словами, родители несут ответственность за благополучное становление психической составляющей взрослеющей личности, которая у всех детей имеет врожденное увечье — повышенную эмоциональность. Безусловно, неприятная особенность имеет и положительную сторону. Благодаря этой рудиментарной аномалии дети, ввиду своей беспомощности, находят некоторый эмоциональный отклик у своей главной кормилицы — матери. Но на этом функциональный потенциал рудимента исчерпывается. Он превращается в опасный зародыш более масштабного психического расстройства. Науке известно достаточное количество случаев, когда ребенок, под влиянием внешних факторов либо под влиянием психически нездоровых взрослых, так и не преодолел опасный барьер. Такие люди на всю жизнь остаются калеками. Иногда, конечно, помогают некоторые радикальные методы лечения, но это скорее исключение, нежели правило. Подчас, некоторые родители воспринимают эту особенность детской психики, как некую не достойную внимания мелочь и подвергают тем самым собственных детей, а значит и себя, необдуманным рискам. И риски эти настолько же велики, насколько и коварны! Вы только представьте, во что может превратиться ваша собственная жизнь, если психически нездоровая женщина, вступив в полноценный эмоциональный контакт с вашей дочерью, затормозит процесс обструкции! Под влиянием нестабильной эмоциональности бабушки, ребенок, с высокой долей вероятности, рискует оказаться инвалидом! Вы будете обречены остаться в старости без опеки! Мало того, вам придется опекать больную дочь всю жизнь! Всю! Жизнь! Вы уж простите за прямоту, но иных слов я подобрать не могу! Понятия не имею, что заставило вас обратиться к нам с такой просьбой, но я прошу вас сто раз подумать, прежде чем вы примите окончательное решение. Если дело в стоимости наших услуг, то могу вас заверить, что тарифная сетка хосписа весьма гибка, и мы могли бы подобрать для вас более приемлемые финансовые условия. Так сказать, бюджетный вариант. К примеру, вашу мать могут содержать не в отдельной камере, а в общей. Или урезать рацион питания. Это тоже возможно. Если же хотите и вовсе сбросить с себя бремя материального содержания больной родственницы, то для таких клиентов у нас есть и более радикальные способы содержания. Например...

— Хватит! — рявкнул я, не выдержав нескончаемого потока вселенской чуши, — Я уже все обдумал и принял окончательное решение. Все риски, о которых вы говорите, осознаю в полной мере. И, если это хоть как-то повлияет на скорость оформления выписки, могу вас заверить, что никаких контактов с внучкой у нее не будет. Еще есть вопросы?

— Ну, что вы, что вы, — замахал холеными руками медик, — Не стоит меня ни в чем заверять. Я же уже говорил, что подобные заверения потребуются в другой структуре. Не в нашей, так точно. Моя задача — донести до вас степень рисков, с которыми вам непременно придется столкнуться, а уж взваливать на себя бремя... Ну, что ж... Вы имеете на это полное право.

В дверь постучали, и в кабинет вошла секретарша. Она положила на стол какие-то бланки, поинтересовалась у Карла Генриховича, чем она еще может быть полезна и, получив «вольную», ушла. Он пробежался взглядом по бумагам и протянул их мне.

— Вот. Возьмите документы, поезжайте с ними домой, внимательно ознакомьтесь, впишите свои паспортные данные, посоветуйтесь с супругой и совместно сто раз все обдумайте. Если после этого вы все еще не измените своих намерений, возвращайтесь с паспортом, и мы выпишем вам направление в милицию.

— Какое еще направление? — выдохнул я.

— Вы, вероятно, не внимательно меня слушали, Николай Евгеньевич. Я же уже говорил вам, что процедура освобождения инкурабельных больных в нашем заведении предусматривает обязательную санкцию правоохранительных органов. Поверьте, это делается в целях вашей же безопасности. Несмотря на то, что вы будете нести полную ответственность за любые действия подопечной вам матери, она будет состоять на учете в милиции, и при малейших проявлениях угрозы вашей или общественной безопасности, органы правопорядка смогут немедленно ее ликвидировать.

— Кого ликвидировать? — не успевая переваривать то, что говорит этот, с позволения сказать, доктор, спросил я шепотом.

— Ну, это уж им, наверное, виднее, голубчик. Ничего, что я вас так называю? — он как-то странно улыбнулся, — Главное, чтобы нездоровый человек не смог нанести вред окружающим. Государство не может оставаться в стороне, когда безответственные граждане совершают безответственные поступки.

Я сидел с выпученными глазами и тупо смотрел в одну точку. Уже в который раз хотелось очнуться от кошмара. Главврач встал, давая понять, что разговор окончен.

— И на прощанье позволю себе небольшую вольность. Буду неправ, если не предупрежу. Ответственность опекун несет уголовную. Номер статьи вам обязательно озвучат в милиции, я его банально не помню. Просто хочу, чтобы вы об этом подумали до того, как примите окончательное решение. На этом все. Желаю денег.

Я подумал, что мне послышалось.

— Что, простите?

— Голубчик, вы у меня и так отобрали слишком много времени и, думаю, на сегодня наш разговор окончен. Желаю много денег!

И он указал мне рукой на дверь. Только тут до меня дошло — это он так со мной прощается! Думаю, если бы мы с ним разговаривали в любой другой реальности, то эта фраза прозвучала бы, как «желаю успехов» или «будьте здоровы». Но здесь пожелание материальных благ, видимо, считалось чуть ли не высшей степенью проявления расположения к собеседнику. «До чего же нелепо звучит!» — подумал я, а вслух сказал:

— Давайте ваше направление прямо сейчас.

Врач разочарованно выдохнул и дал задание секретарше подготовить необходимый документ. Я вышел.

Биться головой о стену, настаивая на том, чтобы мать освободили немедленно, казалось настолько же бесполезной затеей, насколько и опасной. О том, чтобы в очередной раз предложить решить вопрос при помощи денег, я теперь и вовсе не думал. Скажу больше, теперь я понимал, почему Карл Генрихович никак не отреагировал на мои намеки решить вопрос взяткой. Процедура требовала постановки на учет в милиции, у которой после этого появлялось законное право убийства человека, а значит, я и впрямь недооценил уровень

ответственности главврача. Если он и согласится отпустить своего пациента в обход инструкции, то взамен потребует такую сумму, которая вряд ли поместится в карман его халата, не говоря уже о наличии такой суммы в моем кармане. И он это прекрасно понимал.

Я просто не видел другого выхода, кроме как следовать установленному порядку. Это решение, впоследствии, оказалось роковым, и мне пришлось сильно за него поплатиться.

Да что там поплатиться... Если бы я знал, что произойдет дальше, я бы попросту не вышел из кабинета главврача, пока не добился бы освобождения матери. Причем, использовал бы любые законные и незаконные способы влияния. Вплоть до рукоприкладства. Но я не видел будущего, поэтому просто вышел. Смалодушничал? Не думаю. Скорее, просто недооценил риски. Что, впрочем, нисколько не умаляет моей вины за то, к чему это решение в итоге привело.

Глава 13. Багрянец

В милицию добирался на метро, но на этот раз не озирался по сторонам и не выискивал несоответствия, которыми был буквально напичкан этот чужой, холодный мир, застывший в привычных, и даже родных вещах. Я изучал документы, выданные главврачом.

Одним из бланков был акт о расторжении договора, заключенного между хосписом и мной. Копия прилагалась. Этот договор датировался третьим апреля две тысячи восьмого года и предусматривал изоляцию моей матери на неопределенный срок с целью недопущения негативного влияния Объекта (так называли мою маму в тексте) на Общество. Один из пунктов гласил: «С момента вступления в действие настоящего Договора, Опекун (это я) освобождается от ответственности за возможные неправомерные действия Объекта, вплоть до физической смерти Объекта или до момента расторжения настоящего Договора. Данная ответственность возлагается на Хоспис», а другой пункт уточнял: «Хоспис имеет право провести процедуру эвтаназии в отношении Объекта без разъяснения каких-либо причин Опекуну».

То есть, третьего апреля две тысячи восьмого года я на законных основаниях разрешил убить свою мать, в случае, если такая необходимость или даже желание появится у сотрудников хосписа!

Мне стало плохо. Руки тряслись с такой силой, что читать дальше просто не представлялось возможным. Теперь страх встретиться с собственным двойником сменился жгучим желанием, чтобы эта встреча все-таки состоялась. И я прекрасно знал, что буду делать, когда увижу перед собой собственное лицо.

Удивительное дело: насколько сильно я удивлялся жалкой увечности населявших этот мир людей, настолько же сильно поражался схожести поведения наделенных властью чиновников и госслужащих с их коллегами в моем мире. Разницы практически не было! Общаясь с представителями органов правопорядка, создавалось стойкое впечатление, будто я и не переносился никуда! А в один забавный момент я и вовсе ощутил неуместную ностальгию, которая, по сути, являлась больше актом мазохизма, нежели чем-то и в самом деле логичным.

В районном отделении меня принял сержант, состоящий на должности участкового инспектора. Я знал его. Точнее, помнил его визит в ноябре две тысячи восьмого. Он приходил ко мне домой вместе со следователем, когда погибли Маша с Юлей. Да только толку от этого знакомства сейчас было мало. Во-первых, я запомнил только его лицо — круглое, с вечно красными щеками. Ничего больше об этом человеке я не способен был тогда переварить. А во-вторых, в этой реальности он меня тоже не знал. Причина банальна

— тот роковой ноябрь две тысячи восьмого здесь еще попросту не наступил.

Видимо, участковый относился к тому типу людей, у которых краснота никогда не сходит со щек. Я понятия не имею, с чем это связано. С особенностями кожи, или с тем, что человек постоянно находится в возбужденном состоянии, но пухлые щеки милиционера, сидевшего передо мной в тесном, душном кабинете, пылали багрянцем. Можно было, конечно, предположить, что сказывалась беспощадная июльская жара, от которой не спасал даже крутящийся на полную катушку вентилятор, но я прекрасно помнил, что его лицо имело тот же цвет и во время известного осеннего визита.

Я изнывал от духоты помещения вот уже битый час, но дело, по которому я добровольно явился в милицию, не сдвинулось и на шаг. Большая стрелка настенных часов, на циферблате которых красовался огромный золотистый трезубец, бездушно отсчитывала драгоценные минуты, которых теперь могло не хватить на то, чтобы вернуться в хоспис и вытащить оттуда маму.

— Товарищ сержант, я же вам говорю, я полностью осознаю меру ответственности и обязуюсь при первой же необходимости уведомить вас о подозрительных действиях со стороны моей матери. У нее своя квартира, причем находится она совсем недалеко от моего дома. Я смогу посещать ее ежедневно, контролировать, ухаживать... Вы поймите, я остался без работы, за хоспис платить нечем. Жена даже собаку усыпила, чтобы сократить расходы. У меня малолетняя дочь, она расстроится, когда узнает, что ее питомца убили, но у нас не оставалось другого выхода. Мы просто вынуждены были так поступить! То же самое касается и моей матери! Если я в ближайшее время не найду работу с достойной оплатой труда, то уже в скором времени у семьи не останется средств для существования. А на такие риски я идти не готов. Пусть лучше мать живет у себя дома, если надо, под замком, но заставлять дочь и жену голодать — это будет слишком серьезным ударом по моему самолюбию.

Услышав последнюю фразу, участковый изменился в лице. Едва заметно, но изменился! Впервые за шестьдесят минут диалога! И изменения эти были отнюдь не негативными. Я, вдруг, заметил, как его багровое лицо оттаяло! Не было сомнений — он и в самом деле проникся ко мне пониманием. Самолюбие! Черт возьми! Самолюбие — вот, что объединяет это общество! Вот, что способно хоть в какой-то мере вызвать, если не сочувствие, то хотя бы понимание! Парадоксальное, абсурдное взаимопонимание.

— Семенов, ты же сам прекрасно понимаешь, что все твои доводы — бред сивого мерина. Ты что, с таким опытом работу себе найти не можешь?

— Да какая сейчас работа у банкиров? Мировой финансовый кризис на дворе! Людей из банков пачками на улицу выбрасывают! Сокращения жуткие. Сейчас безработных банкиров больше, чем китайцев в Пекине.

— Ясно...

Он хотел еще что-то сказать, но на его столе зазвонил телефон. Сержант снял трубку и поднес к уху.

— Алло. Да. Да. Так и есть. Угу. Угу. Все понял. Принято. Будьте богаты. Угу. Отбой.

Он выдохнул с каким-то облегчением, улыбнулся и вытер пот со лба.

— Ладно, Семенов. Считаю, взял ты меня измором. Подпишу твой запрос, но при одном условии: теперь ты в моем кабинете постоянный клиент. Будешь являться на отчеты еженедельно, скажем, по четвергам к восемнадцати ноль ноль. Неявка без уважительной причины будет квалифицирована, как нарушение правопорядка и меры будут предприняты к

матери и к тебе, соответственно. Усек?

— Усек! — тут же отрапортовал я и мысленно возликовал.

Он сделал росчерк на заветном листе, обнаружил, что шариковая ручка не пишет, ругнулся, принялся искать другую. Нашел, расписался ею и протянул листок мне.

— И ищи работу! Не думай, что ты ее навсегда забираешь. А то мало того, что сам тунеядец, так еще и мать свою ебанутую ко мне на участок притащишь. Свободен!

Мне в спину будто лом вставили. Замер на месте и даже вдохнуть не смел. Если бы вдохнул, то не смог бы сдержать себя в руках. Перепрыгнул бы через стол и вцепился сержанту в горло. А это значило бы только одно: я проведу невесть сколько времени за решеткой, и, даже если не убьют, то мама может просто не дожидаться моего возвращения. Пришлось прикрыть веки и проглотить оскорбление.

Видимо, мое лицо стало не менее бордовым, чем у него, потому что участковый нахмурил брови и спросил:

— Семенов, ты как? Ходить можешь?

— Вполне, — сквозь зубы процедил я.

— Ну, так иди, ёб твою! — выплюнул он и добавил, — Иди, а то передумаю!

Я ушел, по пути ища оправдания сказанной ментом фразе, но так и не смог подобрать веской причины, чтобы его понять, а тем более простить. Выругавшись мысленно для разрядки, выскочил из здания отделения.

Попытки поймать такси превратились в настоящую панику. Я, как безумец, размахивал руками перед проезжающими мимо автомобилями с шахматными фишками на крыше. Те, как назло, не останавливались, иногда сигналив кидаемому под колеса пешеходу. Когда, наконец, удалось остановить машину, часы уже показывали без пятнадцати пять. Я понятия не имел, в котором часу заканчивается смена главного врача в хосписе и до последнего надеялся, что еще смогу успеть. Хотя надежда таяла с каждой секундой.

Пришлось заплатить таксисту наперед, и переплатить вдвое, чтобы тот ехал быстрее, не обращая внимания на дорожные знаки. Мы заскочили домой за паспортом, и ровно в семнадцать часов я переступил порог хосписа, держа бумажку с резолюцией участкового милиционера перед собой, будто она служила пропуском.

Охранник бросил на меня испепеляющий взгляд и демонстративно заблокировал турникет. Тот лязгнул встроенным электромагнитным замком.

— Да я же уже был здесь сегодня! — возмутился я, для убедительности даже ударив ладонью по стеклу сторожки, — Нужен паспорт? Пожалуйста! Открывай уже! Я спешу очень.

— Паспорт! Да хоть удостоверение прокурора области! — рявкнул охранник, — Ты мне, падла, квартальную премию зарезал! Я тебя, как человека, пропустил. Вошел, так сказать, в положение. А ты, гнида, тут же побежал начальству стучать! Вот теперь бери свой паспорт, засовывай себе в жопу и иди к хренам собачьим, чтобы я тебя в глаза не видел. Завтра будет сменщик дежурить, вот ему и сношай мозги, а я по поводу тебя вопрос решил окончательно. А будешь угрожать — ментов вызову. Вот им и расскажешь, как ты взятки должностным лицам предлагаешь, чтобы тебя на режимный объект пропустили. Козлина...

Стало совершенно ясно, что договариваться с этим человеком — вообще не вариант. По крайней мере до тех пор, пока он находится в таком возбужденном состоянии. А ждать, когда его попустит, у меня не было ни времени, ни настроения. Я толкнул турникет, убеждаясь, что тот заперт, и услышал шаги, звонким эхом разносящиеся по коридору,

ведущему к лестнице. Шаги приближались.

— Ба, какие люди! Николай Евгеньевич! — пропел главврач, — Вы, никак, передумали насчет мамы?

Он и в этот раз слово «мама» произнес с какой-то особенной интонацией. Как бы намекая на что-то. Только я никак не хотел понять, что он хочет этими намеками сказать. Ну, не мог я поверить, что он меня так быстро раскусил! Я лихорадочно перетасовывал в голове более вероятные варианты. Тем временем врач прошел через турникет и, не останавливаясь, двинулся к выходу.

— Карл Генрихович! — поспешил я за ним, — Я получил разрешение в милиции. Документы подписал. Послушайте, мне обязательно нужно забрать маму... мать сегодня.

Он остановился.

— Я вас прекрасно понимаю, голубчик. Думаю, когда вы узнаете последние новости, то поймете, что все обстоит гораздо лучше, чем можно было изначально себе представить. Поднимайтесь в отделение и сами во всем убедитесь. А мне пора ехать. Я и так уже в бассейн опаздываю. Суставы, знаете ли... Приходится уделять время водным процедурам. Эх, где моя молодость? То ли дело вы! Наслаждайтесь, голубчик, жизнью без боли, пока старость не подобралась слишком близко.

— Но я смогу ее забрать сегодня?

— Я же говорю, все сможете, Николай Евгеньевич! Все сможете и даже больше! Проходите! Поднимайтесь наверх!

Главврач, не прощаясь, развернулся и вышел на улицу. Я же снова подошел к сторожке и, с вызовом посмотрев на охранника, положил ладонь на турникет. Тот раздраженно хмыкнул, но нажал на кнопку замка, позволяя пройти внутрь. Видимо, ему еще оставалось, что терять, помимо квартальной премии, если он не решился послушаться распоряжения начальства, которое велело пропустить ненавистного посетителя.

На третий этаж взлетел так быстро, словно в спину дул ураганный ветер. Стальная дверь, которая была запертой во время моего первого визита, теперь была распахнута настежь. Длинный коридор был пуст и не освещался. Лишь вдалеке, там, где располагалась камера номер «девять», был различим рассеянный свет, падающий в темноту коридора прямо из дверного проема изолятора.

Я почувствовал неприятное волнение. С чего бы это вдруг такая халатность со стороны персонала? Мало того, что дверь в отделение открыта нараспашку, так еще и камера не заперта. Тоже мне «режимный объект»! Так у вас все «психи» разбегутся. Понятное дело, это был мысленный сарказм, не более. Однако если следовать логике здешних карателей, то следовало мыслить именно так. И это настораживало.

Чем ближе я приближался ко входу в девятую камеру, тем сильнее билось сердце. Впереди слышались шорохи. Подойдя, заглянул в приоткрытую дверь. Мамы внутри не было. Вместо нее у койки возилась какая-то полная, невысокая, пожилая женщина, одетая в голубой медицинский костюм. Она бесцеремонными движениями упаковывала постельное белье, стараясь уместить простынь и пододеяльник в застиранную донельзя наволочку.

— Простите, — обратился я к ней, — Вы не подскажете где пациентка из этой... из этой камеры?

Тетка недружелюбно, но, в то же время без особого интереса, посмотрела на меня и продолжила паковать белье.

— Померла.

— Как померла?

— Молча. Жила себе жила, да и померла. Сегодняшний, что ли? Не знаешь, как люди мрут?

Я выронил бумаги, которые до этого сжимал так, словно они были самой важной вещью в жизни. Следом за ними сполз на пол и я, хватаясь за стальной косяк двери. Ноги стали ватными и подкосились сами собой.

«Все обстоит гораздо лучше, чем можно было изначально себе представить», — всплыли в голове слова главврача, который тут же, с задором в голосе, сообщил о предстоящих водных процедурах, которые полезны его заржавевшим от времени суставам.

— Как она умерла? — спросил я таким жутким голосом, что сам испугался.

На этот раз тетка отреагировала на вопрос со всей серьезностью. Мне даже не пришлось угрожать ей или применять силу. Она отложила в сторону тряпки и села на койку, а когда увидела меня на полу, трясущегося и комкающего хрустящие бумажки, то тихим, дрожащим голосом выдавила:

— Сердце у нее... Инфаркт.

— Как?! — прорычал я.

— Эвтаназия. Ей укол сделали.

— Зачем?

— А я почему знаю? Есть приказ — мы исполняем. Начальству видней, наверное. А ты вообще кто?

Я не ответил. Посмотрел на часы, прикинул, где в местных окрестностях располагаются ближайшие бассейны, встал и быстрым шагом двинулся к выходу. Нужно было успеть застать Карла Генриховича резвящимся в стерильной воде бассейна.

Глава 14. Бассейн

Охранник, на выходе, попытался меня задержать. Не думаю, что он делал это для того, чтобы обезопасить главврача. Скорее это была мелкая, пакостная месть за унижение, которому я его подверг накануне. Он сидел в своем аквариуме и, как всегда, читал газету, старательно делая вид, что не замечает сдержанных просьб открыть замок и выпустить меня наружу. Удар ноги о турникет и звон хромированных труб заставили его сначала подпрыгнуть на месте, а затем и торопливо нажать нужную кнопку. Когда я проходил мимо стеклянной будки, он вжался в ее противоположную стенку и проводил меня округленными от страха глазами.

Я пробежал пешком четыре с лишним километра, даже не задумываясь о том, что можно было без особых проблем проделать этот путь на общественном транспорте. На самом деле так даже вышло бы намного быстрее, но в тот момент я не стремился мыслить рационально. Всю оперативную память в голове занимали слова Карла Генриховича: «все обстоит гораздо лучше, чем можно было изначально себе представить...».

Когда я вошел, а точнее ворвался, в холл бассейна «Арена», вся моя одежда уже была насквозь пропитана потом. Не обращая внимания на возмущения и возгласы, доносившиеся с рецепции, быстрым шагом прошел в мужскую раздевалку.

Я успел как раз вовремя. Карл Генрихович стоял у небольшого шкафчика для вещей и натягивал на тощую, морщинистую задницу полосатые плавки. Без врачебного халата вся его важность куда-то испарилась, и теперь передо мной стоял немощный, сутулый старик, кожа которого была покрыта темно-желтыми возрастными пятнами. А отсутствие очков в золотистой оправе окончательно превращало психиатра-убийцу в жалкое создание.

Он услышал тяжелое дыхание за спиной и обернулся. Вопреки ожиданиям, старик не удивился, не испугался и даже не сделал вид, что обеспокоен моим внезапным появлением. Напротив, Карл Генрихович неспешно взял с лавки белые, полупрозрачные трусы, аккуратно сложил их вчетверо и положил на верхнюю полку шкафчика для одежды.

— Вы зря так спешили, голубчик, — тихо, нараспев сказал он, — Я же сказал, что у меня важные водные процедуры. А я никогда не их не пропускаю. В моем почтенном возрасте пренебрежение терапией — слишком большая роскошь. Вы умеете плавать?

Я, не говоря ни слова, плотно затворил дверь раздевалки. Карл Генрихович обернулся на другую дверь — ту, что вела в основной зал, из которого доносился плеск воды и трель свистков тренеров.

— Рыпнешься — убью.

— Николай Евгеньевич, — психиатр вздохнул, взял из шкафчика полотенце и собирался уйти, но я рывкнул так, что тот подпрыгнул от неожиданности.

— Стоять!!!

Наконец его лицо изменилось. Уголки рта опустились вниз, и даже некоторые морщины разгладились. Я быстро двинулся в его сторону. Нас разделяли не более пяти метров. Он швырнул в мою сторону полотенце и выскочил в проход. Его голос разливался эхом по коридору. Сначала он просто орал, но когда выбежал в зал с бассейнами, завопил:

— Спасите! Охрана! Вызовите ох...

Последнюю фразу старик не успел закончить. Он поскользнулся на мокром полу, его левая нога подкосилась и взметнулась выше головы, которая в свою очередь, со звонким треском ударилась об угол бортика бассейна. Карл Генрихович безвольной, дряблой массой рухнул на мокрую плитку. Из-под головы стала быстро растекаться вязкая, темно-красная лужа. Открытые глаза безжизненно уставились в высокий потолок, а шум отдыхающих и плеск воды в бассейне мгновенно стих. Все это я видел стоя в узком, не освещенном проходе, отделявшем мужскую раздевалку от основного зала. На меня никто не смотрел. Все взгляды были прикованы к безжизненному телу, некогда принадлежавшему кандидату медицинских наук, профессору, психиатру Готлибу Карлу Генриховичу. Я постоял еще немного, и, убедившись, что старик не подает признаков жизни, покинул здание бассейна.

Маму похоронили на городском кладбище, которое хоть и называлось городским, все равно находилось за чертой города. Пришлось вытерпеть скандал, учиненный Машей, когда она узнала, что я не намерен сжигать тело собственной матери в крематории, чтобы потом выбросить пепел на свалку. Она не желала слушать ни доводов, ни увещаний. Моя жена никак не могла взять в толк, для чего тратить лишние деньги из семейного бюджета на организацию похорон на дорогом кладбище, если человек, которого предстояло похоронить, не добился в жизни никаких выдающихся успехов и не имел, в итоге, армии восторженных поклонников.

Она суетилась на кухне, готовя на скорую руку ужин, и без умолку изобиловала возмущениями:

— Нет, я понимаю, когда создают мемориалы каким-нибудь видным деятелям... Ну, я не знаю. Артистам там... Ученым известным. Медикам, в конце концов!

— Ага. Психиатрам, например! Да? — огрызнулся я, но она, конечно же, не оценила глубины моего сарказма.

— Да хоть педиатрам! Если этого врача при жизни уважали, если есть люди, которые готовы регулярно носить ему на могилу деньги, и эти деньги станут дополнительным

источником пассивного дохода для осиротевшей семьи, то почему нет? Но кто?! Скажи мне, кто будет носить деньги твоей выжившей из ума матери? Да ты сам, я уверена, на следующий же день забудешь, что она вообще когда-то существовала! Она всю жизнь только и делала, что вдалбливала прыщавым подросткам, что «жи» и «ши» пишется через «и»! Или ты думаешь, что ее бывшие ученики будут тратить «кровно заработанные» на ритуальные пожертвования?

— Господи, какие еще деньги? Какие пожертвования? Что ты несешь, Маша?

— Не включай «дурака», Семенов. Мне сейчас не до твоих цирковых представлений. Тут одно надгробье обойдется в половину моей зарплаты! А ты, если вдруг забыл, у нас теперь безработный. Но, не смотря на это, тратишь последние деньги из семейного бюджета на заведомо проигрышное мероприятие! И это все вместо того, чтобы работу найти!

О каких пожертвованиях говорила Маша, я узнал позже. Уже непосредственно на кладбище. Подавляющее большинство могил были оборудованы небольшими урнами с прорезями в боковой стенке. Они играли роль ритуальных копилочек, в которые посетители кладбища опускали купюры. Эти урны закрывались на миниатюрные навесные замочки. Но попадались могилы и без «ритуальных копилочек». Они, как правило, были заросшие сорняками и совершенно не ухоженные.

Что особенно бросилось в глаза, так это полное отсутствие крестов на могилах. Зато на некоторых была рассыпана мелочь различного номинала. Судя по всему, я все-таки угадал тогда возле храма, из каких монет была сделана цепь священнослужителя. Этот циничный, рациональный мир поклонялся культу денег. При таком раскладе, Иуда Искарот, продавший Иисуса за тридцать сребреников, вполне мог быть для них основным духовным вдохновителем. Примером идеала рационального поступка, заслуживающего безмерного восхваления. Предательство во имя достатка.

Я хоронил маму в полном одиночестве. Никто из ее знакомых, родственников и друзей не соизволил отдать последнюю дань памяти. Даже Маша демонстративно послала меня куда подальше, а именно: «к такой-то матери». Более циничный посыл и придумать сложно.

Юльку на кладбище тоже брать не стал. Просто рассказал, что ее бабушка была доброй, хорошей и очень любила свою маленькую внучку. А теперь она попала на небо, к богу. Но не к тому, о котором говорят местные священники, а к другому — доброму и любящему.

Дочка слушала меня с грустным, задумчивым лицом, а потом спросила:

— Бабушка когда-нибудь оживет?

— Нет, солнышко. Если человек умирает, он уже никогда не оживает, — я сказал это и тут же запнулся. Кому, как не мне знать, что это не так? Ну, или не совсем так. Но говорить об этом с дочерью, конечно же, не стал.

— Жалко. Я бы хотела, чтобы она никогда не умирала.

— Я тоже, солнышко. Я тоже...

Часть 3. Язык мой — враг

Где умирает надежда, там возникает пустота.

Леонардо да Винчи

Нет ничего более сильного и созидательного, чем пустота, которую люди стремятся заполнить.

Лао-Цзы

Глава 1. Не логично

Начало августа две тысячи восьмого, прожитое по второму кругу, вспоминается, как однородная, вязкая, медленно текущая масса. Дни напролет проводил дома, с головой погружаясь в бездонные глубины интернета. Изучал все без разбора: историю, законодательство, религию, социологию, культуру, философию и, конечно же, психологию. Перерыл гигабайты информации, общался с сотнями пользователей сети. Старался разобраться, как «правильно» себя вести, чтобы не стать жертвой разоблачения. А в том, что риск стать такой жертвой был немалый, у меня теперь сомнений не было.

Даже в первые дни пребывания здесь я не питал иллюзий по поводу того, что в мире тотального рационализма возрадуются моему внезапному появлению и захотят принять с распростертыми объятиями. Здесь все было ясно. Все-таки он был до ужаса логичным, этот мир. И для того, чтобы его понять, достаточно было просто откинуть в сторону все иррациональное. Все, что выходит за рамки прагматизма.

Нужен пример? Запросто! Возьмем, хотя бы, ту же дружбу. Два человека поддерживают между собой взаимовыгодные отношения, основанные на уважении. Взаимовыгодные! Общность интересов? Доверие? Забота? Привязанность? Ничего подобного! Хотя, общности интересов, возможно, все же играет некоторую роль. Но она, по определению, вторична. Все остальное... Хм... Я уж молчу о самопожертвовании...

О литературе даже говорить нет смысла. Ее, в нормальном понимании этого слова, попросту не существовало. Толстой и Достоевский, писали сухие трактаты о политике, военном деле и ремеслах. Пушкин сочинял патриотические оды, а Есенин читал кабацкие стихи, суть которых сводилась исключительно к разгульной жизни и удовлетворении естественных потребностей организма в пище, сне, сексе и алкоголе. Слова «лирика» в местном русском языке не существовало вовсе.

Высоцкого ни слушать, ни читать не стал. В таком человеке разочаровываться хотелось меньше всего.

Немного порылся в музыке, но, не обнаружив ни одной песни «Битлов», спел шепотом куплет из «Yesterday» и переключился на изобразительное искусство.

С живописью все оказалось куда приятнее. Рисовать здесь умели и могли. «Мона Лиза» все также загадочно улыбалась на фоне размытого, зеленоватого дальника, а «Девятый вал» Айвазовского все также угрожал смести со своего пути терпящих бедствие моряков. Даже «Черный квадрат» Малевича имел свое законное место в истории супрематизма. Уверен, что и в живописи своих пробелов хватало, но, по крайней мере, это не так сильно бросалось в глаза, как в случае с литературой и музыкой. А может я просто плохо разбираюсь в живописи? Может и так. Но все равно это ничего не меняет.

Каждый вечер старался проводить с Юлькой. Она очень любила зоопарк. За неделю мы посетили зверинец пять раз. Сказки, которые я рассказывал на ночь, дочь выучила почти наизусть, а каких-нибудь мало-мальски подходящих детских книг я здесь найти не смог. Пришлось выдумывать новые сказки, и они нравились ей не меньше, чем настоящие.

Маша часто с подозрением косилась на нас с дочерью. Видимо, силилась понять, что же такого произошло с ее мужем. Однако тему этих необычных преобразований старалась не затрагивать. В конце концов: «Занимается отец ребенком? Ну, и пусть занимается. Для самой меньше мороки». По крайней мере, так мне тогда казалось.

Все изменилось двенадцатого августа. Для Маши вообще было не свойственно задерживаться на работе дольше обычного, но на этот раз мы с Юлькой ждали ее слишком долго и в памяти непроизвольно всплыли страшные воспоминания из прошлой жизни. Я даже с настороженностью стал поглядывать на свой мобильник в явном ожидании звонка из милиции.

Но ничего непоправимого в тот вечер не произошло. Напротив. Супруга, пусть и с некоторым опозданием, все же вернулась домой. Причем в необычном возбуждении и, как мне показалось, в весьма приподнятом настроении. Я даже начал подозревать, что она выпила. Едва переступив порог, принялась без умолку щебетать обо всем на свете. Рассказывала о каких-то проблемах на работе, о новой коллекции одежды в ее любимом шмоточном магазине и даже о последних политических новостях. Она шутила, смеялась, снова шутила. Иногда даже без особого повода. Но смеялась! Я уже забыл, как звучит ее смех, но в тот вечер, наконец, начал узнавать в «снежной королеве» по имени Мария ту самую Машу, которой так не хватало. Не верилось, что это происходит, но передо мной была именно та женщина, которую несколько счастливых лет назад я взял в жены.

Не могу сказать, что выяснять причину такого необычного настроения не хотелось... Скорее, я просто побоялся спугнуть момент. Учитывая то, как Мария вела себя до этого, ее нынешнее поведение было настолько же прекрасным, насколько и удивительным. Я просто слушал, растянувшись в дебильной улыбке, и впитывал каждый ее жест, каждый луч света, отражающийся от изумрудных глаз.

Мы вместе поужинали. За столом смеялись и шутили. Юлька, почувствовавшая приподнятое настроение родителей, тоже не отставала. Она баловалась, пицала от восторга, подкидывала над тарелкой котлету и раздувала щеки, наполняя их яблочным компотом. А когда дело дошло до того, что котлета все-таки шлепнулась на пол, Маша вдруг изменилась в лице, рявкнула на нее, будто и не было до этого никакого веселья, и дочь тут же утихомирилась.

Через секунду супруга волшебным образом стерла с лица гневное выражение. Застолье вновь превратилось в приятный семейный ужин. Вот только дочь теперь поглядывала на маму с опаской и котлету вверх не подбрасывала.

В тот вечер она сама вызвалась уложить Юльку спать, хотя та и пыталась требовать, чтобы папа рассказал ей сказку на ночь. Маша обняла дочь, поцеловала в маленький лобик, улыбнулась и заверила, что мама знает ничуть не меньше интересных сказок, чем папа. После этого удивленная Юлька вприпрыжку поспешила к себе в комнату и юркнула под одеяло. Тем временем Маша попросила расстелить постель в нашей спальне, одарила вполне конкретной улыбкой и, для пущей убедительности, подмигнула. Ее глаза игриво блеснули, а я, впервые за долгие месяцы, почувствовал уже давно забытое тепло внизу живота.

Час спустя мы лежали на нашей постели, восстанавливая сбившееся дыхание. Даже в

темноте я чувствовал, как Маша улыбается.

— Знаешь, Семенов, если бы я тебя не знала, как облупленного, я бы решила, что у тебя завелась любовница.

— Любовница? — удивился я.

— Угу. Но даже если и так, то я этой стерве памятник готова поставить, — Маша тихо хихикнула.

— Интересно, с чего вдруг такие выводы?

— Понятия не имею, — она пожала плечами, — Просто больше ничего другого в голову не приходит. Откуда все эти... не знаю... нежности, что ли? Блин! Три оргазма за час, Семенов! Признавайся, это она тебя научила?

Маша даже приподнялась, опершись на локоть. Я прекрасно знал, что она шутит, но также допускал, что подобные шутки без повода не появляются. С моей стороны это выглядело более, чем забавно, и я решил подыграть.

— Будешь себя хорошо вести, я вас познакомлю.

— Да ну тебя! — делая вид, что обижается, Маша шлепнула меня ладонью по груди, но я обнял ее и поцеловал. Она не сопротивлялась.

— Странный ты стал в последнее время. Я тебя не узнаю совсем. Вроде бы и нормально все, но мы почти не общаемся, ты с Юлией постоянно возишься... С работы вот уволился ни с того, ни с сего. А теперь еще и в постели сюрпризы... Такое ощущение, будто тебя подменили. Понимаешь?

На этот раз голос ее был серьезен, но прежнего металла в нем я не заметил. Скорее теперь присутствовали нотки грусти.

— А разве это плохо?

— Ну, смотря что! — она снова засмеялась, — А если серьезно, то я ведь и в самом деле волнуюсь, Николай. У нас с тобой семья, дочь подрастает... Неплохая ведь семья, согласишься.

— Маш, не валяй дурака, я тебя прошу. Ну, какая любовница? Что за бред?

— Я не об этом. Я вообще... В целом. Просто иногда мне кажется, что у тебя проблемы. Понимаешь?

— Честно говоря, не очень.

— Ну, все эти твои выходки... Я не знаю... То, как ты к Юлии относишься... Ты разве сам не замечаешь?

— А как я к Юлии отношусь?

— Ну, ты с ней... Как бы это сказать? Ты с ней как будто на одной волне, — она некоторое время помолчала, то ли подбирая слова, то ли давая мне возможность объясниться, — Я понимаю, она тебя любит и все такое. Возраст у нее такой. Так и должно быть. Но мне кажется, что ты... Что ты тоже... Нет?

Я вздохнул, не зная, стоит ли говорить с Машей по душам. С одной стороны, она была моей женой. Женой, однажды потеряв которую, я решился на самый безумный поступок в своей жизни. Женой, давшей сегодня надежду на то, что все не так уж и плохо в наших отношениях. Но с другой стороны, я прекрасно понимал, как она может воспринять новость о том, что ее супруг неизлечимо болен. Конечно, неизлечимо больным я был только в ее понимании, но все же...

— Ты помнишь себя в детстве? — вместо ответа спросил я, глядя на звездное небо за окном спальни.

— Что-то помню, конечно. А что?

— Когда я был маленьким, меня отправляли на все лето в деревню к бабушке. Друзья, речка, коровы и все такое... Золотое время, в-общем. Беззаботное. Ну, у каждого, само собой, был велосипед и мы частенько с пацанами гоняли в соседнюю деревню на гульки. Там клуб был, в котором дискотеки по выходным устраивали. А мы еще слишком малыши были. Лет по десять-двенадцать, не больше. На танцульки нас еще не пропускали. А хотелось... Ну, мы через забор во двор клуба забирались, а потом с толпой смешивались или тихонечко курили в укромном уголке, пока не выгонят или пока танцы не закончатся. И как-то в один из таких вечеров увидел я на танцполе девочку одну. Белокурая такая девчушка, худенькая, симпатичная. Стояла в сторонке, топталась на одном месте... Вроде, как танцевала, в-общем. Пацаны заметили, что я на нее пялюсь, начали подначивать. Мол, запал и все такое... А я стоял, смотрел на нее и не слышал, как надо мной подшучивают. Она мне казалась такой красивой и такой невероятной, что все остальное в этом мире сделалось ничтожным и мелким. Играла музыка, прожектора разноцветные вспыхивали, друзья толкали меня в плечи, а я ничего этого не замечал. Просто стоял и смотрел. Была только эта девочка, биение сердца в груди и больше ничего. В тот вечер я так и не решился подойти, чтобы познакомиться. А она так ни разу и не посмотрела в мою сторону. Дискотека закончилась, нас выгнали из зала, и мы укатили обратно. Всю следующую неделю я не мог ни о чем и ни о ком больше думать, кроме той девочки. Представлял, как подойду к ней, спрошу, как ее зовут... Перебирал в уме сотни девчушковых имен. Старался угадать, как вообще ее могут звать. И каждое из имен казалось мне недостаточно прекрасным, чтобы им могли называть такое чудесное создание. В следующую субботу, когда в соседнем селе снова устроили танцы, она не пришла. И в следующую тоже. И в следующую... Я постоянно ругал себя за то, что не решился подойти и, хотя бы, пригласить ее на медляк. Ругал последними словами. За свою трусость, за нерешительность... Был уверен, что если увижу ее еще раз, то обязательно подойду и познакомлюсь. Был уверен потому, что знал — без нее дальше жить просто не смогу. А когда, все-таки, эта встреча состоялась, все мои планы превратились в отвесную скалу, забраться по которой было равносильно самоубийству. Мы с друзьями купались на речке, а она пришла туда с какими-то своими подругами. Пацаны снова начали подшучивать надо мной, тыча в девчонок пальцами. Они, конечно, это заметили, но делали вид, что не замечают. Только иногда улыбались. Ну, дружки мои посмеялись, поиздевались над влюбленным, а потом и сами решили познакомиться. К моему ужасу, пацаны подошли к загоравшим девочкам и довольно быстро завели какой-то пустой разговор. Потом меня подозвали. Я, чувствуя себя полным болваном, приковылял к ним. Та девочка с интересом рассматривала меня, а я чувствовал, как лицо и уши от волнения горят огнем. Покраснел до ужаса. Хотя, чего было стыдиться? Но было, от чего-то, стыдно. Нас представили. Оказалось, что девочку зовут Настей. И когда я услышал это имя, оно показалось мне самым прекрасным и самым восхитительным именем на свете. Настя улыбалась. Она была молчаливой, немного грустной. Я тайком поглядывал а нее, а она, казалось, не проявляла ко мне никакого внимания. Разве что иногда бросала мимолетный взгляд. Потом мы все вместе купались, подбрасывали девчонок, барахтались в воде, а чуть позже на мотоциклах приехали ребята из той самой деревни, в которой дискотеки крутили. Они были старше нас. Лет по пятнадцать, наверное, им было. Оказалось, что одна девочка встречается с одним из этих парней и нам тогда хорошенько от них досталось. Мне разбили губу и нос, а Настя бросилась меня защищать. Пацаны уgomонились, сказали, чтобы мы больше им на глаза не попадались и все такое... Грозилась поубивать к чертям... В-общем, отбили невест. А уже в следующую

субботу я снова поехал на дискотеку. Мои друзья побоялись, а я поехал. Страшно было, конечно. Даже ноги тряслись. Но поделаться с собой ничего не мог. Перелез через забор и заметил того самого парня, который разбил мне нос на пляже. Он стоял в компании Настиных подруг и что-то им говорил, перекрикивая музыку. Если бы он меня тогда заметил... Убить, конечно, не убили бы, но разбитой губой дело вряд ли обошлось бы. Самой Насти среди них не было, и я уже хотел было уйти от греха подальше, но закончилась песня и из толпы танцующих вышла она. Как только ее увидел, страх быть «убитым к чертям» куда-то улетучился, испарился. Подошел к ней, поздоровался. Она не сразу меня узнала, но когда прожектор цветомузыки осветил мое лицо и разбитую губу, Настя улыбнулась и сказала: «Привет». В тот вечер я провожал ее домой. Мы шли вдвоем по деревенской ночной улочке, за заборами дворов на нас лаяли собаки, в траве трещали сверчки, пахло какими-то цветами, сеном. Я держал ее за руку и был самым счастливым человеком на планете. А через неделю она уехала домой, в какой-то далекий северный город, и больше я ее никогда не видел. Но до сих пор помню, как сильно волновался и на что был готов пойти только ради того, чтобы еще раз просто пройтись с этой белокурой девочкой по ночной деревенской улочке. Просто сжимая хрупкую ладошку в своей руке и слушая, как тихо шуршат подошвы ее босоножек по теплomu, летнему песку. И это было чудесное чувство. Самое чистое, самое светлое и бескорыстное, которое только может быть.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я замолчал. Маша молчала тоже. Ни слова, ни шевеления. Мне даже показалось, что она уснула, а спустя почти целую минуту она шепотом сказала:

— Я влюбилась, когда мне было десять. В одноклассника. Артем Сланин. Его отец был военным и они постоянно переезжали из города в город. Приехали в наш. Смазливый мальчишка, озорной такой. Модный. Быстро в классе его приняли. Помню, даже учиться перестала. Похудела. А потом его машина сбила. Насмерть. Рыдала целый месяц. Казалось, что жизнь на этом кончилась. А потом забылось. Сейчас даже смешно это все. На что вообще можно рассчитывать в таком возрасте? Дети...

— А разве обязательно на что-то рассчитывать?

— А разве нет?

— Не знаю... Рассчитывал ли я на что-то провожая ту девочку домой? Нет, конечно. Мне было достаточно того, что мы просто идем вдвоем. Вот и все.

— А еще у меня попугай был. Маленький такой. Волнистый. Семеном звали. Даже разговаривать умел. Жил в огромной клетке, а я его иногда выпускала по квартире полетать. Родители меня потом ругали, а я все равно выпускала, пока их дома нет. Он полетает, нагадит повсюду, а потом сам же в эту клетку возвращается. И я с тряпкой, как шальная, бегаю, заметаю следы преступления, чтобы от родителей не влетело. Самое интересное, что мне-то от этого никакой пользы. Ну, сидел бы он в этой своей клетке и сидел. Места там много, еда, все удобства... И мне бы ничего убирать не пришлось. Но жалко было, что птица не летает, я и выпускала. А однажды выпустила, а балкон закрыть забыла. Он и удрал. Бегала потом по улице, искала везде, да куда там... От мамы влетело. И самое интересное, что я больше расстроилась не от того, что меня наказали, а от того, что птица улетела и, скорее всего, умерла впоследствии. Вот меня наказывают, а я реву за попугаем! Парадокс! Смешные эти дети. Так у них все как-то... Не логично, что ли?

Глава 2. Маша-Мария

Я лежу в собственном доме, в собственной постели, обнимаю женщину, с которой

прожил добрую треть жизни. Говорю с ней по душам. Я чувствую ее дыхание, слышу ее голос, узнаю в нем каждую интонацию. Улавливаю тонкий запах ее волос...

Историю о попугае я уже слышал сотню раз. Да и об однокласснике Маша однажды рассказывала. Но прерывать не хотелось. Я слушал ее и узнавал в лежащей рядом Марии ту самую Машу, которую потерял, но так и не смог вернуть.

В соседней комнате беззаботно спала дочурка. Все было так буднично, обыденно и в то же время замечательно. Если бы можно было остановить время и остаться так лежать в обнимку навсегда, то я бы без раздумий согласился. Лежать, глядя на звездное небо, и делиться сокровенным с самым дорогим человеком. С человеком, который каким-то волшебным образом перестал быть холодной, бездушной, расчетливой куклой.

— Маш.

— М-м-м?

— Ты никогда не задумывалась над тем, почему дети счастливее взрослых?

Она удивленно хмыкнула.

— Да как-то надобности не было. А с чего ты взял, что дети счастливее?

— Не знаю. Мне кажется, это очевидно.

— Может и так. Наверное, дело в ответственности. Ты вырастаешь, у тебя появляются какие-то обязанности, заботы, долги. А пока ты ребенок, какие у тебя заботы? Бегай себе во дворе, гоняй кошек палкой.

— А какой период в жизни для тебя самый счастливый?

Она снова хмыкнула. На этот раз чувствовалась в этом «хм» определенная доля раздражения и недовольства. Она отстранилась от меня и улеглась на спину.

— Что это тебя на философию потянуло, Семенов?

— Просто мне иногда кажется, что мы не достаточно знаем друг друга.

— До недавних пор не казалось. Но в последнее время ты стал другим. И, честно говоря, меня это сильно беспокоит.

— И что именно беспокоит? Три оргазма за час? — я хотел разрядить обстановку, но Мария, видимо, теперь была настроена на серьезный разговор и никак не отреагировала на шутку.

— Думаю, ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. У нас нормальная семья, Николай. По крайней мере, всегда была нормальной. И мне бы очень не хотелось что-то менять. Но ты, видимо, считаешь иначе. Нет?

Она помолчала, но я не отвечал.

— Ты хоть сам замечаешь, как изменился? Еще месяц назад ты гордился своей работой, карабкался вверх по карьерной лестнице, шел по головам. Жесткий, лаконичный, уверенный в себе мужик! Я себя чувствовала, как за каменной стеной! Знала, что в любой жизненной ситуации ты способен защитить семью от любого... удара. И что происходит сейчас? Вместо того чтобы быть главной опорой, ты превратился в мягкотелого, занудного слюнтяя! Сюсюкаешь с ребенком, как старый маразматик, ноешь за матерью, как девчонка за улетевшим попугаем, звонишь посреди рабочего дня и пускаешь слюни в трубку: «Машенька, мне плохо, я заболел...» Что с тобой, муж? Где твоя гордость? Где самолюбие? Где логика, в конце концов? К чему все эти дебилские выходки?

— Маша...

— Хренаща! — рывкнула жена, перебивая меня на полуслове, — Не называй меня так, будто тебе три года от роду! Ты меня еще солнышком назови, как Юлию! Может проблююсь.

Семенов, наша семья рушится, как ты не понимаешь? Или ты этого и добиваешься? Под идиота косишь? Или как там в психиатрии это называется?

— Синдром повышенной сензитивности, — механическим голосом ответил я.

— О! Вижу, ты даже книжку умную почитал! Интересовался диагнозом! Bravo, муж! Аплодирую стоя! Молодец! Видимо, догадываешься, в какую сторону понесло, раз такие сложные термины в голове держишь. Ну, а если догадываешься, то и с последствиями диагноза, наверное, тоже потрудился ознакомиться. А? Семенов! Признайся. Потрудился? Хотя, к чему вообще трудиться? Достаточно было у мамыши своей чокнутой спросить. Уж она бы тебе рассказала, если бы могла, конечно.

Мария с каждым произнесенным словом закипала все сильнее. Она уже не лежала, а сидела на коленях рядом со мной и жестикулировала, как Гитлер на трибуне во время пламенной речи перед беснующейся толпой фашистов.

— Думаешь, я не знаю, что ты хотел ее перед эвтаназией из хосписа забрать? Мне участковый в тот же день позвонил! Расспрашивать стал, не замечаю ли я за тобой каких-нибудь странностей в последнее время. Хотя, ты от своего синдрома так отупел, что не в состоянии был сам додуматься, что подобные выходки не остаются без последствий.

— И что ты ему сказала?

— Что я сказала? Ты у меня спрашиваешь, Семенов? Что я ему сказала? Нет, ты и вправду больной на всю башку? Боже, с кем я живу? Даже не верится!

— Что ты ему сказала?! — на этот раз голос пришлось повесить мне.

— Все, что должна была сказать! А завтра еще и об этом разговоре расскажу! Тебе лечиться надо, Николай! Ты больной человек! И если ты этого не понимаешь, мне самой придется сделать все, чтобы обезопасить семью!

— От кого обезопасить? От чего?

— От тебя, псих недоделанный! От тебя и от твоих диких выходок! У нас дочь растет, она смотрит на все это!

— На что смотрит? На то, что отец, наконец, осознал, что он должен заботиться о ней? На то, что ей с ним интереснее, приятнее и комфортнее, чем с тобой? На то, что я пытаюсь вырастить из дочери человека, а не манекен бездушный? На что она смотрит?

Мария застыла в изумлении. Ее размытый силуэт в лунном свете некоторое время оставался недвижимым. Затем она медленно отползла к краю кровати, встала с нее, указала на дверь и процедила сквозь зубы:

— Пошел вон!

— Твою мать... Какая чушь!

— Именно! Чушь в тысячной степени! Проваливай!

— Да одумайся ты! Дура! Посмотри на меня! Я люблю вас с Юлькой! Я жить без вас не могу! Тебе нужна опора? Столп нужен? Да эти чувства — это лучшая опора для любой семьи! Пойми ты, наконец! Я за вас обеих издохнуть готов без размышлений! Тебе мужик нужен? Брутальный? Уверенный в себе? Так дай ему почувствовать себя мужиком! Нужным! Любимым! Не из-за должности, не из-за статуса! Просто нужным! Таким, какой он есть! И этот мужик для тебя горы свернет!

— Посмотри на себя, Николай. Ты жалок. Жалок и убог, — на этот раз голос ее был контрастно спокойным, — Если в тебе еще осталась хоть капля достоинства, ты завтра же пойдешь к психиатру и пройдешь курс лечения. И, будь добр, не заставляй меня принимать в этом участия. Избавь от хлопот.

Она развернулась и вышла из спальни. Больше той ночью я с ней не разговаривал. Последняя надежда на то, что у меня получится пробудить в ней забытые чувства, растворилась с первыми лучами восходящего солнца.

Я уже привык к тому, что эта женщина стала для меня чужим человеком. А если быть более точным, эта женщина никогда для меня своей и не была. Моя жена, моя Маша, погибла в автокатастрофе в ноябре две тысячи восьмого. Сейчас же со мной жила ее точная копия. Ее сестра-близнец, если хотите.

Маша умерла. Вместо нее теперь была Мария. Но дочери удалось выжить. Удалось чудом спастись. И когда я говорю «чудом», то не имею ввиду метафору. Это было именно чудо. Потому что как-то иначе объяснить то, что произошло, не могу. И единственной причиной, по которой я до сих пор не ушел из дому, была именно она — Юлька.

Глава 3. В долг

Утром разбудил телефонный звонок. Звонили из милиции. Я это понял еще до того, как звонивший следователь об этом сообщил. Тон, которым он поздоровался, сложно спутать с каким-либо другим официальным тоном. Это была манера разговаривать, присущая исключительно представителям силовых структур.

— Здравствуйте. Могу я поговорить с Семеновым Николаем Евгеньевичем?

— Да, слушаю вас.

— Это из милиции вас беспокоят. Вам следует явиться в Московский райотдел для дачи показаний по уголовному делу об убийстве гражданина Готлиба Карла Генриховича. Были с ним знакомы?

У меня внутри все похолодело. Еще бы мне его не знать! Он убил мою мать! Да и сам погиб с моей легкой подачи. Не знаю, убил бы я его или нет, если бы он сам тогда не поскользнулся на мокром кафеле, но вышло так, как вышло. Главврач мертв. И утверждать с уверенностью, что я в его смерти не виновен, с полной уверенностью не могу. Зато звонивший уж точно был уверен в том, что смерть Карла Генриховича не что иное, как убийство.

— Алло! Николай Евгеньевич! Вы меня слышите?

— Да, да... Я просто пытаюсь вспомнить кто такой этот... Как вы сказали?

— Готлиб Карл Генрихович. Главврач хосписа на Гагарина, в котором содержалась ваша мать. Вам следует явиться для дачи показаний сегодня в восемнадцать тридцать. Неявка будет расценена, как отказ давать показания и препятствование следствию. Если нужна справка для работодателя, мы ее вам выпишем. Она будет являться уважительной причиной для пропуска рабочего дня.

— Не нужно. Я безработный. Простите, а в качестве кого меня вызывают?

— Что значит в качестве кого?

— Ну, не знаю... Как свидетеля или как обвиняемого? Для чего вообще вызываете?

— Семенов, вас вызывают для дачи показаний по уголовному делу об убийстве. В качестве гражданина страны, который в день совершенного преступления имел контакты с пострадавшим. А обвиняемый вы или не обвиняемый мы сами разберемся. Вы главное явитесь в отделение и тут, на месте уже все узнаете.

— Я понял.

— Тогда записывайте адрес.

Он продиктовал координаты, еще раз напомнил о времени визита и повесил трубку. Я убрал телефон от уха, посмотрел на экран и с ужасом заметил, как сильно дрожат руки.

Кровь пульсировала в висках. Уровень волнения просто зашкаливал.

Я сделал глубокий вдох, прикрыл веки и попытался успокоиться. В конце концов, меня вызвали для дачи показаний. Это еще не значит, что уголовное дело возбуждено в отношении меня. Если так, то доказательств моей вины у них пока нет. Скорее всего, дело возбудили по факту гибели главврача. Естественно, в бассейне были свидетели. И они ясно видели, что старик от кого-то убегал. Видел ли кто-то из них меня? Не знаю. Вполне возможно. Если так, то дела совсем хреновые. Но если судить по тому, что в милицию меня вызвали не по повестке, а по телефону, то остается надежда, что со мной хотят поговорить, как с человеком, который просто общался с потерпевшим перед смертью. Иначе приехали бы сами и доставили, куда положено, в наручниках.

Как только я подумал о наручниках, руки снова начали трястись. Этого мне только не хватало! Сесть в тюрьму на десяток лет! За это время Юлька вырастет. Всеми моими планами и надеждами можно будет подтереться, как старой газетой. Все, ради чего терплю, одним росчерком судьбы может превратиться в пыль.

Хотел я его убивать или не хотел — дело третье. То, что он начал удирать, как шальной — не моя вина. Это было его собственным решением. Его личным выбором. Догадался старый гестаповец, какой у его собеседника «диагноз». Не просто так он бросался намеками в кабинете. В итоге, сам же себя и угробил. А жертвовать теперь единственной ценностью, которая у меня еще осталось в этой жизни, из-за ошибки убийцы моей матери, я уж точно не намерен.

Вышел в гостиную и принялся рыться в поисках семейных сбережений. Год назад мы с Машей сделали ремонт в квартире, истратив на него почти все имеющиеся деньги. Но пара тысяч долларов все же имелась среди старых детских вещей, хранящихся на верхних полках вещевого шкафа. Вернее, она должна была иметься. Я выбросил на пол и перебрал все, что там лежало, но денег так и не нашел. Видимо Мария, небезосновательно опасавшаяся, что я могу выкрасть дочь, перепрятала сбережения в более укромное место. Или вообще забрала с собой. Скорее всего, так оно и было.

Часы показывали девять утра. До визита в милицию оставался целый день. Мне нужно было срочно найти достаточную сумму, чтобы мы с Юлькой могли позволить себе бежать.

Набрал Леху. Тот долго не отвечал. В ожидании ответа, я, как медведь в зоопарке, вышагивал по комнате от стены к стене. Наконец послышался щелчок и сонный голос сказал:

— Алло.

— Кум, привет! Это я.

— Да уж понятно, что не Дедушка Мороз. Че ты звонишь в такую рань?

Я еще раз взглянул на часы.

— Ты чего? Девять утра уже.

— Блин, я с суток. Только спать лег.

— А... Ну, извини. Я как-то не подумал. Слушай, мне твоя помощь нужна, дружище.

— Смешной ты. А денег тебе случайно моих не нужно?

— Я серьезно, Леха. У меня проблемы. Мы можем встретиться?

— Так я тоже серьезно! Или ты думаешь, что у меня тут касса взаимовыручки?

— Кум, мне больше не к кому обратиться. Срочно надо, понимаешь? Не хочу по телефону рассказывать.

— Семенов, ты издеваешься? Я же говорю тебе — не спал сутки! Дай отдохнуть!

— Твою мать, Леха! Не будь мудаком!

— Да сам ты мудака! Звонишь, будишь, просишь помочь и тут же мудаком обзываешь! — он посопел в трубку, а потом добавил более спокойно, — Ладно. Приезжай. Все равно уже весь сон отбил... Дружище, блин...

— Спасибо, дорогой! — выпалил я и повесил трубку, но прежде, чем связь прервалась, из динамика донеслось отчетливое «тьфу!».

Кум жил на другом конце города и добираться туда на общественном транспорте пришлось бы не меньше двух часов. Чтобы не терять драгоценное время, пришлось взять такси, и уже минут через сорок я вдавливал кнопку Лехиного звонка. Тот долго не открывал. А может мне просто так показалось. В конце концов, в том моем состоянии любое промедление вызывало лишнее раздражение. Щелкнули замки, дверь отворилась. На пороге показался заспанный кум. Он, не здороваясь, развернулся на сто восемьдесят градусов и заковылял на кухню. Я вошел.

— Ты кофе будешь?

— Да. Не откажусь.

— А мог бы... — то ли в шутку, то ли всерьез буркнул кум. Если бы это происходило в моем, нормальном мире, я бы даже не задумался об этом, но здесь... Вполне вероятно, что сказанное могло быть самым настоящим упреком. Выяснить это не хотелось, да и не до того сейчас было, поэтому просто прошел следом за кумом и уселся на краешке мягкого кухонного уголка.

— Слышь, я тут в «Пивариум» вечерком с мужиками собираюсь, футболец посмотреть. Там экран большой, пивас достойный. Разливной. В-общем, приличное такое заведение. Не свинарник, несмотря на название. Сегодня киевляне со «Спартакoм» в Лиге Чемпионов играют. Ты как?

— Нет, кум, я пас. Говорю же — проблемы. Не до футбола сейчас.

Признаться честно, даже если бы Леха пригласил меня на этот матч вчера, все равно отказался бы. Дело в том, что я заранее знал, чем он закончится и сколько голов будет забито. Удовольствия от просмотра такого футбола будет определено мало. А просто пить пиво в компании малознакомых людей, которые, к тому же, будут полностью поглощены событиями, происходящим на поле, было еще скучнее.

— Как знаешь. А я схожу. Все-таки принципиальные соперники и все такое. Рубка должна быть конкретная.

— Раскатают москвичей, — проболтался я, не выдержав соблазна, — Один — четыре. У киевлян будет два дубля.

— А-а-а... Так ты у нас этот... Как его? Осьминог Пауль! — Леха засмеялся и поставил на стол две чашки ароматного кофе.

— Ага. Типа того, — я взял горячую чашку, заметил, что руки все еще дрожат и вернул ее на стол, — Леха, мне деньги нужны.

— Ну, блин, началось. Я так и знал! По голосу же почувствовал! Блин! — он пустил глаза под лоб и вскинул вверх руки, — Я же тебе сразу сказал, что касса взаимопомощи находится по другому адресу! Че не понятно-то? Нафига ты вообще ехал?

Я сидел и почти физически ощущал, как по лицу и плечам стекает жидкая, смердящая, горячая куча дерьма, вылитая кумом прямо мне на голову. И дерьмо это было не стыдом и не неловкостью, а самой настоящей обидой. Только сейчас до меня дошло, что реплика по поводу кофе не была шуточной. Он и в самом деле не хотел угощать меня, а тем более

помогать.

А стыдно мне не было по одной простой причине: если бы Леха обратился ко мне с подобной просьбой, я бы сделал все возможное, чтобы ему помочь. И не важно, в каком мире могло это происходить — в том или этом — я бы все равно помог.

Я сидел, молчал и просто смотрел в эти возмущенные глаза, которые выглядели совсем иначе, когда их владелец вынимал меня из петли.

— Что смотришь? Ты, кредит взять не можешь, что ли?

Для того чтобы конструктивно продолжить диалог, пришлось сделать срочную переоценку моральных ценностей. Я находился в мире, где деньги играют решающую роль. В любых вопросах. Никакие дружеские узы не могли перевесить и на йоту даже копейку. Точнее, дружеских уз здесь просто не существовало.

— Нет. Не могу. Я уволился с работы и... Слушай, я под проценты готов взять, если дело в этом.

— Ха! Нет, ну ты красавчик, Николай! Просто красавчик! Ну, реально! Ты увольняешься с работы, остаешься с голой жопой, а потом приходишь ко мне и просишь дать тебе денег! Вершина непосредственности, честное слово! А потом, типа мимоходом, делаешь одолжение и великодушно соглашаешься даже проценты заплатить! Во как! Разбогатею теперь!

— Я бы не просил, Леха. Просто ситуация и в самом деле — полная жопа. Меня менты прессуют. Убийство шьют. Мне спрятаться надо. Уехать. А денег даже на билет...

Кум демонстративно прикрыл лицо обеими ладонями и застонал.

— Я в шоке, кум! Если бы мне кто рассказал, что такое вообще возможно, я бы не поверил. Ты же сам только что сказал, что тебя менты ищут, что потеряться планируешь! И тут же просишь занять денег! Нет, ну, не цирк? А? Или ты думаешь, что я тебе займу, а потом буду тебя вместе с этими ментами искать, чтобы свое вернуть?

— И ты даже не спросишь, что случилось?

— А мне-то нахрена это знать? Ты интересный человек, кум... Тебя обвиняют в убийстве, а ты собираешься еще и меня в это втянуть! Спасибо тебе преогромное! Я прям тронут!

— Понятно... — выдохнул я и стиснул зубы, чтобы больше ничего не добавить.

— Наконец-то! Понятно ему стало. Я же говорю — мне все понятно было еще тогда, когда ты меня звонком своим разбудил, — он выпил остатки своего кофе и бросил чашку в раковину, — Ладно, давай закругляться, а то мне до вечера еще выспаться надо. Футбол в семь начнется. Ты подтягивайся, если что. Думаю, в пивнухе менты тебя точно искать не будут.

— Да пошел ты... — не выдержав, тихо сказал я и ушел.

Вернулся домой, достал из рюкзака металлоискатель, отобрал ценные монеты из коллекции, снял обручальное кольцо и золотую цепочку с шеи, стер всю личную информацию с мобильного, удалил все файлы и операционную систему из ноутбука, выгреб остатки наличности из заначки и потащил в ломбард. За все это удалось выручить около двух тысяч долларов. К этому времени часы показывали половину пятого вечера.

Я прикинул, на что может хватить этих денег и понял, что при самых благоприятных раскладах они закончатся уже через месяц. Максимум — через два. А рисковать остаться на мели, когда у тебя на руках маленький ребенок, равносильно самоубийству. Нужно было увеличить имевшуюся сумму в разы, и я, впервые, после визита к куму, порадовался, что

вообще к нему обратился.

Конечно, идея была не нова. Многие писатели-фантасты уже не раз описывали, как путешественники во времени делают ставки на спортивные состязания и поднимают неплохие деньги. А в фильме «Назад в будущее» один крайне негативный персонаж таким нехитрым способом и вовсе стал, чуть ли не властелином мира. И чем я хуже? Сегодняшний матч между московским «Спартаком» и киевским «Динамо» закончится полнейшим, и главное неожиданным разгромом москвичей. В конце матча на табло стадиона «Лужники» будет светиться счет «1–4».

Я прекрасно помнил этот матч. Мы смотрели его вместе с кумом. Он и в тот раз зазывал меня в пивную. Я отказался. Тогда Леха просто приехал в гости, взяв в каком-то элитном супермаркете пару кило свежих раков и упаковку чешского пива. Маша накрыла потрясающий стол, и мы все вместе болели за киевлян, хотя в играх национального чемпионата откровенно недолюбливали динамовцев, как принципиальных соперников харьковского «Металлиста». Это был замечательный вечер. Наши выиграли. Голы были красивыми, настроение прекрасным, а жизнь казалась безоблачной и бесконечной.

На этот раз все складывалось совсем иначе. Безоблачностью здесь и не пахло. Скорее, наоборот — над головой сгущались такие тучи, от которых мурашки бегали по коже, а дрожь в руках никак не хотела исчезать. Единственное, в чем я теперь был уверен, это в результате предстоящего матча, и в том, что могу с его помощью получить те деньги, которые теперь были жизненно необходимыми.

Если бы я знал, насколько ошибаюсь, то те тучи, которые сгустились над головой, показались бы мне легкими, белоснежными облачками, парящими на голубом, солнечном небосводе. Я провел в этом мире почти целый месяц, но так до сих пор и не научился в нем жить, не допуская нелепых ошибок.

Отыскав ближайшую букмекерскую контору, сделал ставку на победу «Динамо» со счетом «1–4». А немного поразмыслив, и узнав сумму возможного выигрыша, поставил на игроков, которые должны забить голы. Такая ставка сулила выигрыш около тридцати тысяч долларов, которые букмекерская контора обещала выплатить уже на следующий день. Естественно, при условии, что ставка сыграет.

Букмекер, молодой, смазливый парень лет двадцати пяти, чем-то отдаленно напоминающий знаменитого португальского Криштиану Роналду, тактично и сдержанно разжевал мне условия игры на тотализаторе до тех пор, пока не узнал, какую сумму и на каких условиях я готов поставить. Он недоверчиво посмотрел на меня. Затем, не теряя тактичности, повторил условия ставки и замер в ожидании подтверждения. Я поспешил заверить его, что он все верно понял, однако букмекера мои слова не убедили в должной мере.

— Вы хотите поставить две штуки... Простите... Две тысячи зе... долларов на победу «Динамо» со счетом «1–4»? При этом голы должны забить Баженов, Бангура и Милевский?

— Именно, — я уже с трудом сдерживал улыбку, — Вы все правильно поняли. Кстати, вам когда-нибудь говорили, что вы на Роналду похожи?

Во-первых, хотелось поскорее уладить все дела со ставкой, а во-вторых, нужно было как-то разрядить обстановку, иначе от напряжения воздух между мной и букмекером мог начать искриться вспышками статического электричества. Однако для него этот вопрос послужил лишним подтверждением моей невменяемости.

— Вы понимаете, что даже в случае победы киевлян с этим счетом, вы не получите свой

выигрыш, если голы забьют другие игроки? Ставка сыграет только при условии, что...

— Я все прекрасно понимаю. И меня больше волнует вопрос, когда я смогу получить деньги, а не при каких условиях выиграю. Когда я смогу забрать тридцать тысяч долларов?

— В случае выигрыша, — снова уточнил «Роналду».

— В случае выигрыша, — подтвердил я.

Тот вздохнул, скорчил снисходительную мину, повел плечами и вытащил из кармана мобильник. Все его поведение говорило о том, что я зацикливаюсь не на том. Для чего уточнять сроки выплаты выигрыша, если никакого выигрыша не будет? Такая ставка сыграть просто не может! Ее мог сделать либо сумасшедший, либо... Либо сумасшедший! Другого просто не дано!

Отчасти он был прав. В этом мире я и впрямь был носителем самого настоящего диагноза. Ошибся парень в другом: иногда даже сумасшедшие могут знать больше, чем все остальные.

Он отошел в сторону, коротко с кем-то переговорил и, вернувшись на рабочее место, деловым тоном заверил:

— В случае если ваша ставка сыграет, вся сумма выигрыша в национальной валюте будет перечислена на банковскую карту в течение суток. Карту вы можете оформить в любом отделении «Ностер-Банка» либо предоставить нам реквизиты вашей действующей карты прямо сейчас, при оформлении ставки. В таком случае, деньги будут перечислены на эту карту. Наша букмекерская контора гарантирует выплату...

— Я понял. Этого вполне достаточно. Оформляйте.

После улаживания всех необходимых процедур, букмекер, наконец, выдал мне квитанцию и в очередной раз одарил снисходительным взглядом. Если бы я не знал, в каком мире нахожусь, я бы, наверное, принял этот взгляд за проявление сочувствия. Сложилось стойкое впечатление, что после моего ухода из конторы, парень подпрыгнул до потолка и выкрикнул какой-нибудь победный вопль. Что-то на подобии: «Юх-ху!». Или: «Да-а-а!» Я, на его месте, наверное, сделал бы именно так.

Начало матча было назначено на восемь часов вечера, а в половине седьмого меня ожидал визит туда, откуда вообще не было гарантии вернуться за выигрышем. По привычке, вскинул левую руку, чтобы посмотреть на часы, но увидев пустое запястье, вспомнил, что заложил часы в ломбард. Пришлось спросить время у случайного прохожего, который, вместо того, чтобы ответить, потребовал заплатить пятерку за столь ценную информацию.

В запасе оставалось еще два с лишним часа. Потратил их на плотный, неспешный комплексный обед и дорогу до районного отделения милиции.

Глава 4. Вне игры

Здание райотдела было огорожено высоким бетонным забором и не менее высокими металлическими воротами, на которых красовалась пара ярко-желтых трезубцев на сером фоне. Рядом с воротами — массивная стальная дверь с глазком. Увидев ее, вспомнил хоспис. От этого и без того отвратительное настроение испортилось еще сильнее. Я вдавил кнопку звонка и за забором послышался... даже не звонок, а пронзительный рокот. Щелкнул замок.

Я открыл дверь и оказался в тесном помещении с небольшим турникетом. Справа находилось широкое окно, за которым открывался вид на двор отделения милиции. Слева, за стеклом, сидел дежурный. Он говорил по телефону и жестом попросил меня подождать. Я приготовил паспорт и уставился в окно. Из здания напротив несколько человек в форме вывели наружу мужчину в спортивном костюме. На его руках были надеты наручники. Он,

понутив голову, проковылял к будке автозак и безропотно забрался внутрь.

Несмотря на духоту помещения, по спине пробежал табун мурашек. При этом я отчетливо почувствовал, как на моих собственных запястьях защелкиваются холодные браслеты, а спина принимает на себя бесцеремонные толчки нетерпеливых рук конвоиров. Несмотря на плотный обед, в желудке заныло, будто от голода. Я вдруг осознал, насколько необдуманно поступаю, соглашаясь на дачу показаний по делу об убийстве человека, к чьей смерти я, безусловно, причастен. На что я рассчитываю? На то, что у меня деликатно поинтересуются, о чем я говорил с главврачом за полчаса до его убийства? Или на то, что следователь не додумался опросить персонал хосписа? Конечно, додумался! Конечно, опросил! Потому-то меня и вызвал! И охранника опросил, и пожилую медсестру, которая убирала мамину постель... И я сильно сомневаюсь, что, по крайней мере, эти двое описали меня, как адекватного, вменяемого человека. А в таком случае, вопросы будут носить несколько иной характер, нежели те, которые представлялись мне накануне. Да и представлялись ли вообще? Я, вдруг, понял, что вообще не задумывался над тем, что говорить и как говорить.

Под рубашкой заструились крупные капли пота. Я медленно протянул руку к входной двери, но та оказалась запертой. Мысленно выругал себя за собственную глупость и халатность. Именно глупость и халатность! Иначе чем еще можно было оправдать мой визит туда, откуда обратно выйти будет уже невозможно?

Хотя, если посмотреть правде в глаза, было у меня все же одно оправдание. Именно оправдание, а не причина. Причиной это назвать язык не повернется. Вот только думать об этом совсем не хотелось. А заключалась она в том, что я, находясь на волосок от провала, полностью отдался предвкушению большого выигрыша. Деньги! Запах удачи! Азарт! Я настолько проникся возможностью срубить бабла по-легкому, что напрочь забыл о том, для чего оно вообще мне понадобилось! Глупо, бессмысленно и беспощадно в своей бессмысленной глупости! Пройди сейчас я этот турникет, окажись в кабинете следователя... Да меня раскусят в течении первых пяти минут! Что же я творю вообще?! Бежать отсюда! Бежать, пока не поздно! Пусть повестки шлют! Пока они все это будут организовывать, у меня уже будут на руках деньги, и появится возможность бежать.

Дежурный закончил разговор, положил трубку и обратился ко мне:

— Слушаю.

Я снова посмотрел в окно. Автозак медленно подкатывал к воротам.

— Простите, а я в милицию попал? — выпалил первое, что пришло в голову, и сам ужаснулся тому, как от волнения скачут интонации собственного голоса.

— А вы рассчитывали в цирк попасть? — съязвил дежурный.

— Нет, — зачем-то нервно хихикнул я, — Просто разношу рекламу... Комплексные обеды с доставкой в офисы. Если интересно...

Милиционер потянулся рукой к кнопке электрического замка и вдавил ее пальцем. За моей спиной щелкнул замок.

— Не интересно, — сказал дежурный, развалился в кресле и уставился на меня полуприкрытыми глазами.

— Ясно, — бодро выпалил я и улыбнулся, — Тогда прошу прощения. Желаю денег.

Дежурный вальяжно кивнул и снова снял трубку, явно намереваясь куда-то звонить и окончательно теряя ко мне всякий интерес. Я быстро распахнул дверь и пулей вылетел обратно на улицу. Несмотря на расплавленный за день асфальт и тридцатиградусную жару,

воздух здесь, по сравнению с духотой пропускной кабинки, показался настоящим альпийским ветром. Отдышавшись немного и утерев пот со лба, я еще раз посмотрел на серые металлические ворота. Те, громыхнув, начали медленно открываться. Я не стал дожидаться появления автозака и быстрым шагом отправился домой. Все же, скоро должен был начаться матч, от исхода которого зависело очень многое. Несмотря на то, что его результат был мне заранее известен, где-то в глубине сознания все сильнее и сильнее суетилась какая-то необъяснимая тревога. Сейчас я бы назвал это чувство интуицией, но в тот момент мне показалось, что причиной всему сильное нервное перенапряжение.

Едва переступил порог собственной квартиры, услышал голос жены:

— Юлия, марш чистить зубы и спать!

— Но мама! Еще рано! Еще даже на улице светло!

— Тогда закройся в своей комнате и не высовывайся! — с угрозой в голосе скомандовала Мария и вытолкала дочь из прихожей.

— Что происходит? — спросил я.

— Нам надо поговорить. Ребенку не нужно все это выслушивать.

— Выслушивать?

— Ты был у психиатра?

— Нет еще.

— Еще?

— Да. Не успел.

— Ну, да! Ты у нас человек занятой... Прости, что сразу не догадалась.

— Не язви. Схожу. Завтра. Возможно послезавтра.

— Мы договаривались, что ты сходишь сегодня, Семенов.

— Мы не договаривались! — не сдержался я, но взяв себя в руки, понизил градус и уже более спокойным тоном добавил, — Мы не договаривались. Ты меня попросила сходить к психиатру, и я схожу. Дай мне время.

— Я не попросила, Семенов! Я требую!

— Значит, продолжай требовать. Прости, мне некогда.

Я отстранил Марию в сторону, прошел в зал, уселся в кресло и включил телевизор. Матч уже начался. Таймер в углу экрана указывал на то, что прошло девять минут после стартового свистка арбитра.

— Ты издеваешься? — жена стояла в проеме двери и смотрела на меня так, будто я явился домой в обнимку с проституткой и провозгласил ее своей законной наследницей.

Комментаторы матча вяло обсуждали происходящие на поле события, но игнорировать Марию и полностью сосредоточиться на игре никак не удавалось. На табло светились цифры «0–0». Пошла одиннадцатая минута.

— Послушай, я же тебе говорю, что схожу к врачу. Хорошо? Все! Ты победила. Молодец! Схожу! Но завтра. Сегодня и в самом деле был занят. Хватит, Маш.

Я постарался улыбнуться в знак примирения, но в последний момент внутри все похолодело... Стоп! Руки стали тяжелыми и безвольно упали на колени. Продолжая смотреть на Марию, мысленно я теперь был прикован к матчу, и к тому, что происходит на поле «Лужников». Только теперь до меня начало доходить, что идет уже одиннадцатая минута, а на табло до сих пор сухой, ничейный результат! «Ноль — ноль»!

Мария что-то говорила, но я больше ее не слышал. В голове мелькала единственная мысль, вращающаяся с невероятной скоростью и повторяющаяся с завидной регулярностью

старой, заезженной пластинки: «Этого не может быть! Этого не может быть! Этого не может быть!»

Этого и в самом деле не должно было быть. «Спартак» еще в самом начале матча должен был открыть счет. Мы с Лехой не успели даже пиво открыть, а Баженов, обойдя защиту киевлян, уже аккуратно положил мяч в дальнюю девятку. Я отчетливо помнил разведенные в стороны руки кума, застывшие в немом недоумении.

Теперь же что-то пошло не так. Хронометр, отсчитывавший время игры, перевалил на двенадцатую минуту, затем на тринадцатую, а счет все не менялся. Игроки неспешно перемещались по полю, вяло перепасовывались, осторожничали, присматриваясь к манере игры друг друга. Мария, не дождавшись от меня ответной реакции, ретировалась в спальню, громко хлопнув дверью. Пятнадцатая минута — счет прежний.

Я чувствовал себя полным идиотом. Поставить последние деньги на игру! В мире, где все идет не так, как надо! Деньги, от которых зависит вся жизнь! Я уронил лицо в собственные ладони и зажмурился. Идиот! О чем я думал вообще?

Из динамиков телевизора донесся радостный возглас: «Го-о-о-ол! Артем Милевский открывает счет в матче «Спартак — Динамо» и выводит нашу команду вперед!!! Киевляне ведут в счете! Но нельзя расслабляться! Это только шестнадцатая минута...»

— Ну, вот и все... — выдохнул я каким-то хриплым, чужим голосом.

Да, гол забил именно тот форвард, на которого я ставил, но игра шла совсем не так, как должна была идти. На двадцатой минуте спартаковцы сравняли счет. И снова я угадал игрока — Баженов. Хотя и не угадал последовательности. На ставку это никак не влияло — я не ставил на последовательность. Выходило, что пока все складывается не так плохо, как показалось вначале. Но какой должна быть удача, чтобы в матче, в котором изначально все пошло не так, как нужно, все же сложился такой невероятный счет?

Первый тайм закончился с ничейным результатом. Пятнадцать минут перерыва превратились в настоящую пытку. Если бы я курил, я бы, наверное, выкурил не меньше пачки за это время.

Следующие сорок пять минут показались бесконечно долгими. Киевляне забили на сорок восьмой и семидесятой минутах. С каждым забитым голом мои кулаки и зубы сжимались все сильнее. На восемьдесят девятой — смотрел матч стоя, нервно разгрызая нижнюю губу до крови. Для выигрыша не хватало одного гола в пользу «Динамо»! Девяностая минута. Арбитр добавляет еще три. Девяносто первая. Я отвернулся от экрана и с тоской посмотрел на вошедшую в комнату Юльку. Она улыбалась. Непослушные кудряшки торчали в разные стороны, делая ее похожей на одуванчик.

— Пап, расскажи сказку.

«Гол, — без особой радости в голосе произнес голос футбольного комментатора, — «Спартак» отквитал еще один мяч, но это уже вряд ли спасет команду от домашнего поражения. Счет матча три — два. Три пропущенных гола на своем поле ставит подопечных Черчесова в весьма затруднительное положение перед ответным матчем в Киеве. До конца встречи остается одна минута...».

Я обреченно посмотрел на экран телевизора. По ядовито-зеленому газону к центру поля бежал форвард «Спартака». В руках он держал мяч, только что вытащенный из ворот киевского «Динамо». Мяч, подаривший москвичам сомнительную надежду на победу, и отобравший последнюю надежду на дальнейшую жизнь у меня.

Отчаянье? Хлесткое слово, емкое. Но даже при всей своей емкости оно не может

выразить полноты тех чувств, которое испытываешь, проигрывая надежду.

«Два-Три». Теперь уже не имело значения, сколько голов забьют те или другие. Кто именно из игроков забьет и сколько голов. Кто из команд выиграет, а кто проиграет. Для меня игра окончилась именно тогда, когда мяч, от ноги форварда «Спартака» во второй раз за матч пересек линию ворот киевлян. Моя ставка сгорела. Я проиграл. И в этот момент я вполне ясно осознал, что призрачная надежда на нормальную жизнь рухнула. А самым гадким было то, что отвечать за мой промах придется не только мне, но и Юльке.

— Идем, золотко. Идем...

Я поднялся с кресла, подошел к дочери и провел ладонью по ее кудряшкам. Вполне вероятно, что это был последний вечер, который я проведу вместе с ней. От этой мысли в груди заныло.

— А ты телевизор не будешь выключать?

Я кивнул и на ватных ногах вернулся к креслу. Взял в руку пульт, направил его на телевизор и хотел уже нажать на красную кнопку, но в последний момент обратил внимание на то, что происходит на поле.

Спустя несколько секунд после того, как мяч от ноги московского форварда влетел в сетку ворот, главный арбитр отменил решение о забитом голе, сославшись на данные бокового судьи. Оффсайд! Вне игры! Счет на табло сохранялся прежний! «Один-Три»! Я, как подкошенный, снова плюхнулся в кресло. Ладони вспотели мгновенно. Сердце стало колотиться так сильно, что я физически ощущал, его биение всей грудью.

Девяносто вторая минута. После отмены забитого гола, вратарь выбивает мяч далеко за центральную линию. Динамовцы уходят в стремительную контратаку. Игроки «Спартака», находившиеся почти всей командой на половине поля соперника, провожают взглядом набирающих скорость киевлян. Милевский выходит один на один с вратарем, на полном ходу подбрасывает мяч высоко вверх, и тот, описывая дугу, плавно ложится прямо по центру ворот! Гол! Го-о-ол!!! «Один-четыре»! Звучит финальный свисток! Арбитр жестом сигнализирует об окончании матча! Комментаторы ликуют! На экране — радостные улыбки игроков в бело-синей форме, недовольные лица московских болельщиков, табло со счетом «1-4». Победа!

Я около минуты просидел в кресле, не меняя позы и чувствуя, как горячая кровь теплом разливается по всему телу. Сидел и просто не верил своей удаче. Я выиграл... Я выиграл. Я выиграл!

Хотелось кричать, но ком, подкативший к горлу, не позволял выплеснуть эмоции. Юлька подошла ко мне и осторожно заглянула прямо в лицо.

— Папа, ты расскажешь сказку?

— Конечно, солнышко, — растягиваясь в улыбке, прошептал я, а затем вскочил с кресла и, подбрасывая хохочущую дочку к потолку, закричал, — Конечно! Три сказки! Пять! Десять сказок! Сегодня у нас с тобой сказочный вечер!

— Ура-а-а! Десять сказок! — кричала Юлька, — А это много?

Глава 5. Шоу

Из мощных динамиков, размещенных по периметру просторного, темного помещения, доносится равномерное тиканье часов. Оно эхом отражается от стен, многократно усиливая и без того громкий звук. Я стою посередине зала, освещенный ярким лучом прожектора. Он бьет с потолка вертикально вниз. Напротив меня, в таком же луче, стоит Маша. Из-за того, что свет ярок, мне не видно, что творится вокруг. Кажется, что здесь находимся только я и

она. Но мы оба прекрасно знаем, что в этот момент за нами следят несколько сотен жадных до зрелищ глаз и десятков телекамер.

Тиканье часов постепенно стихает и ему на смену приходит не менее равномерный, но менее звонкий звук биения сердца. Он стремительно ускоряется, нагнетая напряжение, и в момент, когда пульс доходит до критической точки, в глаза ударяет яркий свет десятков прожекторов, расположенных по периметру студии, грохочет гром.

Толпа зрителей тут же взрывается бурей оваций. Я озираюсь по сторонам, смотрю на их лица и вижу, что все они поразительно похожи друг на друга. Они хлопают, визжат от восторга. Те, кто смотрит на меня, тычут в меня пальцами и смеются.

Я смотрю на Машу, на ее лицо, будто сделанное из воска. Оно не выражает никаких эмоций. Маша пристально смотрит мне в глаза. На ней строгий брючный костюм. Каждая его складка отутюжена до хруста, а высокий ворот белоснежной блузы достает до самого подбородка. Из-за этого голова ее не совсем естественно задрана вверх, но Машу это, похоже, нисколько не тревожит. Напротив, эта поза придает ей какую-то пренебрежительную надменность.

Я опускаю взгляд и осматриваю себя. На мне — только старые спортивные штаны с оттянутыми коленками, которые и дома-то носить стыдно. Из обуви — домашние шлепанцы, а выше пояса я и вовсе голый. Зал некоторое время ликует, но с появлением ведущего буря оваций идет на убыль и совсем скоро стихает вовсе. Свет прожекторов постепенно гаснет. Спустя несколько секунд, мы снова оказываемся в темноте, освещаемые лишь вертикальными прожекторами. Только, на этот раз, третий прожектор светит на ведущего.

Смотрю на него. Ведущим оказывается Карл Генрихович, но меня это нисколько не удивляет. Он улыбается, поочередно переводя взгляд то на меня, то на Машу. Из динамиков снова раздается размеренное биение сердца. Внезапно ведущий делает глубокий вдох, скидывает вверх руку и провозглашает:

— Дамы и господа! Я объявляю финальный тур!

Биение сердца заглушает короткая музыкальная заставка и ликование зрителей. Когда все стихает, Карл Генрихович выходит в центр зала. Его походка легкая, непринужденная и, в то же время, грациозная. Он в очередной раз коротко окидывает взглядом нас с Машей и говорит:

— По правилам нашего шоу ставкой в финальном туре может служить любая вещь, от которой ничего не зависит. Сегодня этой вещью будет... — биение сердца становится громче, Карл Генрихович выдерживает паузу, а затем громогласно заявляет, — Этой вещью будет их дочь Юлия!

Грохочет пафосная музыка, прожектора снова сверлят ярким светом, озаряя ликующую толпу, и в центр зала выходит Юлька. Ее кудряшки колышутся в такт шагам и ярко светятся в лучах прожекторов. Она испуганно озирается по сторонам, но не замечает ни меня, ни Машу, которая не обращает на дочь абсолютно никакого внимания. Вместо этого она продолжает буравить взглядом меня. Я кричу дочери, стараюсь обратить на себя ее внимание, но вопли зрителей и музыка заглушают мой голос. Юлька робкими шажками подходит к ведущему и берет его за руку. У меня возникает острое желание подбежать к ней, но я, вдруг, замечаю, что единственная деталь моей одежды исчезла, и теперь я стою перед многочисленной толпой, как и перед собственной дочерью, совершенно голый!

Сгорая от стыда, прикрываюсь руками и благодарю бога за то, что Юлька меня не замечает. Хочу сбежать, но понимаю, что если сделаю это, то больше никогда не увижу дочь.

Карл Генрихович смотрит на меня и смеется.

— Похоже, что нашему участнику под номером четырнадцать ставить больше нечего!

Зал взрывается хохотом и одобрительно аплодирует удачной шутке ведущего. Новая волна стыда накрывает меня с головой. Свет прожекторов медленно гаснет. Зал стихает.

— Итак, — произносит Карл Генрихович, вздев одну руку вверх, — Ставка в финальном туре — дочь. Я обязан спросить у участника номер шесть, согласна ли она участвовать в финальном туре и сразиться с участником номер четырнадцать за право обладать Юлией?

— Да! — громко произносит Маша.

— Участник номер четырнадцать права голоса не имеет ввиду того, что в прошлом туре он проиграл собственную мать! — ведущий позволяет себе легкий смешок, — Точнее маму. Так ведь, участник номер четырнадцать? Посему объявляю ставку сделанной! Да свершится шоу!

Толпа коротко аплодирует и снова стихает.

— Я хочу спросить участника номер шесть, какую сумму она готова заплатить за то, чтобы ее дочь принадлежала ей целиком и полностью?

Биение сердца в динамиках усиливается. Маша поднимает правую руку и говорит:

— Две тысячи долларов.

Зрители тут же ахают, ненадолго стихают, а когда переваривают сказанное, взрываются воплями одобрения.

— Вот это финал! — перекрикивая толпу, восклицает Карл Генрихович, — Вот это ставки! Надеюсь, у вас при себе имеется необходимая сумма? Я попрошу представить доказательства того, что вы располагаете двумя тысячами долларов!

Он делает акцент на сумме.

Маша сует руку себе за спину, извлекает оттуда несколько мятых купюр и бросает на пол.

— Отлично! Что же они у вас такие мятые, участник номер шесть?

— Я их прятала от него! — Маша тычет в меня пальцем.

Зал аплодирует и улюлюкает.

— Bravo! — поддержал зрителей ведущий, — А теперь посмотрим, что на это сможет ответить участник номер четырнадцать? Итак! Внимание на голого мужчину в луче прожектора от фирмы «Люминис»! «Люминис» — всегда качественное освещение!

Все снова заливаются смехом и смотрят на меня. Одна лишь Юлька продолжает испуганно озираться по сторонам.

— Делайте вашу ставку, участник номер четырнадцать!

— Тридцать тысяч... — выдавливаю я.

Карл Генрихович корчит недовольную физиономию.

— Ну, что же вы так неуверенно? Скажите громче! Мы не слышим! Назовите свою сумму!

— Тридцать тысяч долларов! — выкрикиваю я, но голос срывается на невнятный визг.

Зал тут же отвечает бурей восторженных аплодисментов.

— Вот это да! Вот это да-а-а! — вопит Карл Генрихович, — Позвольте! Позвольте! Я хочу уточнить! Нам не послышалось? Вы сказали тридцать тысяч долларов? Верно?

Я робко киваю.

— Вот это да! Вот это да, друзья! Такого в нашем шоу еще никогда не было! Ставка за

дочь — тридцать тысяч! Тридцать! Немыслимо! Резонно подозреваю, что их у вас при себе нет? — зал смеется, — Тогда я попрошу внести заявленную сумму в студию!

Зрители ревут. Музыка гремит. Карл Генрихович смотрит туда, откуда должны вынести деньги, но я знаю, что их никто не вынесет, и тихо говорю:

— Деньги я смогу заплатить завтра утром. Они у меня есть, но не с собой.

Наступает гробовая тишина. На лице Маши появляется едва различимая ухмылка, а ее подбородок, подпираемый жестким воротником, приподнимается еще выше.

— А вот такое в нашем шоу происходит сплошь и рядом, — съязвил ведущий и тоже ухмыльнулся, — Увы... Очень жаль, участник номер четырнадцать. По правилам, участник, предоставивший большую сумму, выигрывает ставку! Так как участник номер четырнадцать не предоставил ни единого цента, сумма в пять тысяч долларов уходит в фонд шоу, а приз достается участнику номер шесть! Но для начала я обязан спросить победителя: готовы ли вы навсегда расстаться с пятью тысячами долларов в обмен на право обладать дочерью целиком и полностью? Я попрошу тишины в зале!

В динамиках снова пульсирует сердечный ритм. Маша бросает короткий взгляд на Юльку, затем переводит его на мятые купюры, брошенные на пол, и твердо говорит:

— Нет.

Зрители разочарованно охают, но Карл Генрихович поднимает руку.

— Тишина! Я прошу тишины! Внимание! Мне необходимо еще раз уточнить! Внимание, участник номер шесть! Вы приняли окончательное решение? Вы выбираете деньги?

— Да. Мне достаточно того, что он проиграл!

— То есть, вы отказываетесь заплатить пять тысяч долларов за право обладать собственной дочерью? Я вас правильно понял?

— Да! — с раздражением подтверждает Маша.

— Отлично! — восклицает ведущий под ликование зрительного зала и озаряется восхищенной улыбкой, — Такого финала наша студия еще не знала! Потрясающе! Впервые в истории шоу главный приз достается... залу! Да-а-а!!!

Толпа беснуется в свете ярких прожекторов. Юлька испуганно жметесь к ноге Карла Генриховича. На ее округлившиеся глаза наворачиваются слезы. В руках ведущего появляются огромные ножницы.

— Прошу вас, господа! Ставка сыграна и теперь она ваша! Себе возьму только волосы!

Он начинает состригать с Юлькиной головы кудряшки. Они густыми прядями падают на пол. Теперь дочь смотрит мне в глаза, по ее щекам катятся горошины слез, а в это время Маша подбирает смятые купюры и прячет их себе за пазуху. Зрители визжат, затем вскакивают с кресел и живой волной несутся к центру зала. Туда, где уже почти лысая Юлька продолжает прижиматься к ноге Карла Генриховича и умоляюще смотреть мне в глаза. Я срываюсь с места и бегу к дочери, но не успеваю. Меня сбивает с ног разъяренная толпа и втаптывает в пол.

Я проснулся. За окном все еще было темно. Подушка промокла почти насквозь. Одеяло, простынь — все пропиталось потом и липло к телу. Усевшись на краю кровати, закрыл лицо ладонями и испугался тому, как сильно они дрожат. Просидел так несколько минут, вышел на кухню и включил чайник, но немного поразмыслив, выключил и налил рюмку водки. Последующий душ окончательно смыл остатки сна. Осталась только тягостная тревога и чувство полной разбитости, будто беснующаяся толпа с одинаковыми лицами и впрямь растоптала меня живьем.

Глава 6. Без проблем

После того, как Мария, не проронив ни слова, ушла на работу, у меня еще оставалось свободное время до открытия букмекерской конторы. Я сварил кофе, включил компьютер и совершил беглый, будничныи обход новостных интернет-ресурсов, по пути заглянув в одну из популярных социальных сетей. Ею я пользовался и в прежней жизни, хотя здесь даже социалка имела отличия от привычной. Система «лайков», например, представляла собой нечто вроде системы взаиморасчетов. Возможность ставить эти самые «лайки» появлялась лишь у тех пользователей, которые предварительно купили определенное их количество у самой сети за свои кровные. Либо получили от других пользователей в качестве лайка за размещенный на его странице контент. Выходило нечто вроде виртуальной валюты, которая, кстати, довольно просто могла превратиться во вполне реальную. Для этого достаточно было лишь заплатить комиссию, и «лайки», конвертированные в валюту вашего банковского счета, зачислялись на карту. Многие пользователи даже умудрялись строить целые виртуальные корпорации на этой системе, но это уже частности.

А самое интересное заключается в том, что, не смотря на платность системы, количество нажатий пользователями на «палец вверх» было ничуть не меньше, чем в ее бесплатной версии. То есть, желание «лайкнуть», желание показать свое одобрение у пользователей настолько велико, что они готовы платить за это деньги. Пусть и небольшие — стоимость одного лайка равна одному американскому центу — но свои, заработанные собственным трудом деньги. А если учесть то, с каким трепетом местные аборигены относятся к наличной и безналичной валюте, то значимость каждого лайка автоматически взлетает на немыслимую высоту.

Я загрузил свою страничку и увидел оповещение о нескольких входящих сообщениях. Оказалось, что все они пришли от Лехи. Причем первое — еще вчера, поздно вечером, а в настоящее время он был в «оффлайне».

23:47 «Денег тебе, кум! Хотя, подозреваю, теперь они у тебя и без того есть. Не могу дозвониться. Набери меня срочно!»

00:12 «Все еще не могу до тебя дозвониться! Включи телефон!»

08:22 «Позвонил Марии, она сказала, что не желает с тобой разговаривать. Что у вас там случилось?»

08:41 «Я знаю, что ты дома! Набери меня! Встретиться надо, разговор есть».

Дозвониться... А ты попробуй дозвониться на отключенный телефон, который в сейфе ломбарда лежит! Денег он мне желает. Добродетель! Если бы желал, занял бы! А теперь — гуляй вальсом.

Что, кум? Удивил я тебя? Знаю, удивил. Еще бы! Угадать такой счет в еврокубке! Но ты, хоть и редкая сволочь, но не дурак. Ты же прекрасно понимаешь, что такие цифры не угадывают. Да, Леха. Такие цифры знают заранее. И тебе, мой хороший, не терпится выяснить, откуда такие знания. А еще больше тебе не терпится их применить в ответном матче. Угадал? Конечно, угадал. С такой-то жалкой душонкой это единственное, что может тебя заинтересовать. Бабло!

Немного поборовшись с соблазном написать в ответ что-нибудь язвительное, я все же сдержался, выключил компьютер, допил кофе и посмотрел на часы. Девять тридцать. До букмекерской конторы идти пешком не больше получаса. Я сунул в карман плотный бумажный пакет, в другой — паспорт, и вышел из дому.

Утро выдалось свежим. В августе ночи уже не такие душные, как в середине лета, и

зачастую дообеденные часы радуют спешащих на работу людей отсутствием густого воздуха и плавящегося асфальта. Я неспешно шагал вдоль проспекта и прикидывал в уме, что меня может ожидать по прибытию к букмекерам.

Отсутствие опыта игры на ставках создавало определенный душевный дискомфорт. Нельзя сказать, что я был полностью уверен в выплате выигрыша. Сомнения, конечно, присутствовали, но все же я полагался на то, что ради одной ставки солидная контора не станет портить себе деловую репутацию. В конце концов, я не первый и не последний человек, поймавший удачу за хвост, а подобные выигрыши не остаются без внимания постоянных игроков. Как правило, слухи об этом быстро разносятся с помощью «сарафанного радио». И не последнюю роль в этом процессе играет сама букмекерская контора, которая старается извлечь максимальную выгоду даже из собственного проигрыша. А потому, всюду трубит об этом на каждом шагу, хвастая клиентам тем, что именно в их конторе счастливчик озолотился на невероятно удачной ставке. Для заядлого игрока подобные слухи есть не что иное, как стимул рискнуть. Поставить последнее и сорвать куш! А почему нет? Если Васе Пупкину так свезло, то чем я хуже?

Потому-то для букмекера выгоднее выплатить один крупный выигрыш и с его помощью наполнять кассу свежей наличностью, чем откровенно ввязываться в судебные тяжбы, которые, вероятнее всего, все равно закончатся провалом, а значит и еще большими расходами. Куда правильнее будет уговорить внезапно разбогатевшего игрока сделать еще одну ставку. Учитывая эйфорию, которую должен испытывать человек, выигравший тридцать тысяч долларов, это не так уж и сложно. В этом случае возврат денег в кассу становится уже чисто техническим вопросом.

Погруженный в размышления, я не обращал внимания на то, что происходит вокруг. Тем более на то, что творится за спиной. А судя по тому, как события стали развиваться дальше, оглянуться, все же, стоило.

Я спросил время у случайного прохожего. На его левом запястье красовались огромные наручные часы явно китайского происхождения, но тот недовольно скривился, отмахнулся от меня и продолжил свой путь. Удивляться я уже давно устал, равно, как и раздражаться, поэтому просто ухмыльнулся и спросил время у следующего прохожего, шагающего навстречу. В итоге, на пятой попытке, сутулый старичок с выцветшей от времени авоськой в руках, все же показал мне циферблат своих наручных часов и даже извинился за то, что без очков не может самостоятельно разглядеть стрелок. Я посмотрел на часы, затем на дедушку, поблагодарил его и легонько похлопал по плечу.

— Благодарю, отец. Будь здоров.

Глаза старика округлились, нижняя челюсть отвисла, но сейчас желания разговаривать с ним у меня не было. Его часы показывали 9:53, а букмекерская контора находилась в ста метрах от меня. Она оказалась открытой, несмотря на то, что табличка на входной двери гласила: «Прием ставок на спорт. Время работы: 10:00 — 00:00 без перерывов и выходных». Я открыл дверь и вошел внутрь.

Букмекер сидел на своем привычном месте. Только в отличие от вчерашнего дня, его лицо просто сияло улыбкой. Фальшивой, натянутой, но все же улыбкой.

— Вы к нам с утра пораньше? — растянул он и без того напряженные до предела губы еще шире.

Я кивнул, улыбаясь в ответ, и делая вид, что несказанно рад «случайному» успеху. Букмекер встал из-за стола и вышел мне навстречу.

— Я бы на вашем месте даже уснуть этой ночью не смог. Да что там на вашем месте! Я и на своем-то месте не мог уснуть! Был под впечатлением от вашего выигрыша! Круто, конечно! На моей памяти такая удача — впервые. Поздравляю вас!

— Спасибо.

— Что?

— Ничего. Не обращайтесь внимания.

— Вы проходите, присаживайтесь. Кофе хотите?

— Нет... — я едва снова не поблагодарил его, но осекся прежде, чем произнес очередное «спасибо».

— Может тогда чего-нибудь покрепче? Такие победы отметить не мешало бы. Иначе удачу спугнете и у-у-у, — он сделал неопределенный жест, тыча указательным пальцем в потолок, при этом пританцовывая, — Упорхнет!

А вот и первый заброс удочки! Не рано ли? Хотя, учитывая то, какой нагоняй от начальства должен был получить этот паренек за промах на тридцать косых, легко можно представить его состояние. Не сходящая с лица фальшивая улыбка и неуместные ужимки. По всему видно, что «Роналду» сильно нервничает, и если бы была его воля, он бы либо начал крушить все вокруг, либо рыдать от горя. А возможно даже бить меня по лицу и одновременно рыдать. А может истерически хохотать, но только не рассыпаться в восторженных комплиментах по поводу невиданной удачи. Эх, его бы воля...

Нельзя. По крайней мере, не сейчас. Сейчас, когда у него еще есть призрачный шанс вернуть проигранные деньги, он просто вынужден валять дурака, только бы хоть как-нибудь изменить свое незавидное положение. Только бы уломать сделать «стопроцентную» ставку, которая, несомненно, увеличит свалившуюся на голову тридцатку как минимум вдвое. И, конечно же, «без рисков»! Конечно же...

Я уселся на диван. Букмекер тут же пристроился на другом его конце, принял непринужденную позу, закинув ногу на ногу, и пристально посмотрел мне в глаза.

— Нет, я серьезно, — улыбка исчезла, а на ее месте появилось выражение вековой мудрости, — Я в этом бизнесе не первый год и можете мне поверить, если человеку так везет, то отворачиваться от удачи — просто преступление. И я могу объяснить почему...

— Послушайте, я прекрасно понимаю... — начал, было, я, но тот меня перебил.

— Прошу вас! Дайте я договорю! Есть стопроцентный вариант!

Я поднял руку, давая понять, что не намерен продолжать разговор, но парень не сдавался. Он быстро и громко затараторил:

— Да послушайте вы! Всего минуту! Уважаемый, у вас тридцать штук зелени! Я знать не знаю, имеет ли эта сумма для вас такое же значение, как... Ну, как для меня, например. Может вы, конечно, миллионер подпольный, но... Подозреваю, что для вас это тоже деньги немалые. Не в этом суть. Короче, есть стопроцентный вариант! Договорняк! Люди, сливающие мне инфу, ни разу не подводили. Ни разу! Я сам делаю ставки по их наводкам. Если я правильно понял, то играете вы не часто. Вы уж простите, но я работаю в этой сфере давно и вычисляю это на раз, — от его непринужденной позы теперь не осталось и следа, — Но те, кто возвращается в этом бизнесе не первый день, прекрасно знают о договорняках. Единственный минус таких ставок — их стоимость. Для того чтобы получить инфу, человеку приходится платить. И удовольствие это не дешевое, поверьте. Но! Люди платят! Потому что знают — это верняк!

Я глубоко вздохнул и отвернулся в сторону прозрачной входной двери, за которой то и

дело мелькали прохожие.

— Но! Но! Но! Для вас я готов слиться бесплатно! Понимаете? — не унимался букмекер, — Я понимаю, что у вас есть определенные сомнения. Но вы дослушайте, пожалуйста!

— Простите, у меня нет времени.

— Это не займет много времени! Просто сами посудите, ваша сумма может удвоиться! Я подчеркиваю: удвоиться! Шестьдесят тысяч! Шестьдесят!

Я бросил на парня раздраженный взгляд. У того дергалось веко, а в уголках губ скопилась слюна. Лицо было красным от волнения, а кисти рук дрожали. На мгновение мне даже стало его немного жаль.

— Я подумаю над твоим предложением, уважаемый, но мне и в самом деле некогда. Если ты настолько заинтересован в выгодной ставке, я, так уж и быть, оставлю тебе на чай. Думаю, тысячи долларов будет вполне достаточно. Поставишь на договорняк, выиграешь, сводишь свою девочку в ресторан.

Парень замер. Теперь его лицо выдавало некоторую растерянность. Он явно не ожидал такого поворота. Стало ясно, что мне удалось попасть точно в «яблочко». Оставалось немного дожать.

— Но при одном условии, — я намеренно выдержал паузу, давая букмекеру возможность уже сейчас принять решение. Это тоже сработало. Он смущенно заерзал на диване и вопросительно приподнял брови, — Деньги я получаю прямо сейчас. Двадцать девять тысяч наличными.

— Без проблем, — не мешкая, ответил букмекер ровным, спокойным тоном, как будто речь шла вовсе не о крупной сумме денег, а о билете в кино. Затем встал с дивана и удалился в подсобное помещение. Когда дверь за ним затворилась, я отчетливо расслышал, как тот шумно выдохнул. Через пять минут он вынес три пачки стодолларовых банкнот.

— Тридцать!

Я пересчитал купюры и отдал обещанную тысячу парню. Тот оглянулся на входную дверь и быстрым движением сунул деньги в карман брюк. Расписываясь в квитанции, я обратил внимание на сумму. Она была указана в национальной валюте. Разделив ее в уме на текущий коммерческий курс, у меня вышла немногим большая сумма, нежели тридцать тысяч, но я не стал придирааться и пересчитывать выигрыш. В конце концов, жадность в моем положении была не самым удачным союзником. Поэтому я просто пожал букмекеру влажную от волнения руку, упаковал деньги в пакет и вышел в полной уверенности, что в этот момент он шумно выдыхает и, возможно даже, утирает пот со лба. Больше я его никогда не видел.

Глава 7. Мне нужнее

Зато тут же увидел кое-кого другого. Того, с кем видеться совершенно не хотелось. Он сидел в своей старенькой «девятке», припаркованной на противоположной стороне проспекта, и пристально наблюдал за мной. Если бы не его машина, которую я знал, как облупленную, то заметить кума вряд ли удалось бы. Я откровенно удивился и вскинул руку в приветствии. В ответ он распахнул дверь, вышел на обочину, сунул руки в карманы джинсов, огляделся по сторонам и снова устался на меня.

«Крепко его, все-таки, зацепило», — подумал я, наивно полагая, что Леха приехал для того, чтобы просто поговорить. Выяснить источник, якобы сливший мне информацию по еврокубковому договорняку. Только какого лешего было устраивать игры в шпионов? А он

играл! Не случайно же он тут оказался, в самом деле. И если ждет около букмекерской конторы, значит, ехал за мной от самого дома! Причем медленно ехал, я ведь пешком сюда пришел. Бред какой-то! Зачем? Почему сразу не подошел?

Заподозрить этого человека в чем-то выходящем за рамки морали у меня даже мысли не возникало. Я был совершенно уверен в том, что местный Леха, хоть и является некой урезанной, неполноценной версией настоящего, но все-таки остается Лехой! Лучшим другом, крестным отцом Юльки, человеком, на которого я всегда мог положиться, ради которого и сам был готов пожертвовать многим. Спорить не буду, кое-чего ему не хватает. Какой-то одной детали. Пусть и немаловажной, но всего одной. В остальном же — это... Ну, это же Леха, черт возьми! Леха! Дружище! Как можно ждать от него чего-то плохого? Тем более, после получения заветного выигрыша, даже вчерашняя обида позабылась. Хотя, если учесть насколько родным человеком был для меня кум, я не уверен, что смог бы продолжать всерьез злиться на него, даже если бы выиграть ничего не удалось.

Лавируя между снующими по проспекту машинами, я перебежал дорогу и подошел к «девятке». Леха встретил меня бегающим взглядом и коротко сказал:

— Садись.

Я пожал плечами и последовал его предложению, предварительно бросив пакет с деньгами на заднее сидение. В машине пахло каким-то уж слишком едким ароматизатором. Пришлось открыть окно, чтобы не чихнуть.

Кум сел за руль и завел двигатель.

— У тебя все нормально? — поинтересовался я, глядя на его озабоченное лицо.

— Я то же самое у тебя хотел спросить. Что с телефоном?

— Все в порядке с ним. Кстати, давай в обменку, а потом в ломбард заскочим? Там рядом все. Мне вещи забрать надо. На Студенческой.

Леха хмыкнул.

— Ломбард, значит? Видишь, как все просто? А мне поспать не дал.

Я не стал язвить по этому поводу. Вывать к его совести все равно не имело никакого смысла, а разводить бесполезные дискуссии на тему моральных ценностей ни желания, ни, тем более, необходимости не было. Поэтому я просто кивнул и промычал:

— Угу. А ты здесь какими судьбами вообще?

Леха некоторое время рулил молча, словно делая вид, что не расслышал моего вопроса. Но, собравшись с мыслями, ответил:

— Поговорить хочу, — еще одна пауза, — Догадываешься о чем?

— Возможно, — уклончиво ответил я.

Тот кивнул.

— Так откуда счет узнал? Только не говори, что угадал. Я бы поверил, если бы это был один — ноль там... или два-один. Но четыре — один!

— Сон приснился, — усмехнулся я, но тут же добавил, — Ты все равно не поверишь, если расскажу. Так что считай, что сон. Это почти правда.

Леха вздохнул и снова умолк. Мы подъехали к перекрестку. На светофоре загорелся красный. Машина остановилась.

— То есть, по-хорошему не расскажешь, — сказал кум, выдерживая скорее утвердительную интонацию, нежели вопросительную.

Случись это в нормальном мире, я бы даже мысли не допустил, что он может сказать нечто подобное всерьез. Такая фраза была бы воспринята не иначе, как шутка, не более того.

Скажу больше, мы с ним частенько подкалывали друг друга шуточными угрозами. Бывало, даже ногой под зад могли приложиться. Но то было там... А здесь...

Я посмотрел на кума так, будто рядом сидел не друг, а, как минимум, следователь по особо важным делам. При этом мне грозил срок от семи до пятнадцати с конфискацией.

— Что-то я не понял, Леха. Это что сейчас было? Ты мне угрожаешь? Это угроза, что ли?

Светофор вспыхнул зеленым, и машина снова тронулась с места.

— Ну, я же не спрашиваю у тебя, чем был твой ответ про сон. Мы же оба понимаем, что это херня на постном масле. Ты не хочешь поделиться с другом, я возмущаюсь. Или я не прав? А? Николай? — судя по тону голоса, Леха начинал заводиться, — Бабла срубил?

Я молчал.

— Ну, че морозишься? Срубил, спрашиваю?

— Тебе-то какое дело вообще?

— Сколько срубил? — с каждой секундой он злился все сильнее, — Штуку срубил? А? Или больше? Колись, кум. Хоть это-то скажи другу, если стукача слить жмешься. Ну? Семенов!

— Останови.

— Сидеть! — внезапно заорал кум и вдавил педаль газа в пол. Машина дернулась и начала набирать скорость, — Сколько?!

— Пошел ты... — спокойно ответил я и отвернулся к окну.

Не сбрасывая внушительной скорости, Леха отвернулся назад, протянул руку к заднему сидению и взял пакет.

— На место положи, — процедил я сквозь зубы.

— Нахер иди, — тем же тоном ответил кум.

Он ловко распахнул пакет и одним движением высыпал оттуда пачки долларов себе на колени. Захотелось дать ему в морду, но сейчас это грозило, как минимум, инвалидностью. Если Леха от удара потеряет управление, то старая колымага, которая неслась по проспекту со скоростью сто двадцать километров в час, улетит с дороги и при встрече с первым же столбом или деревом превратится в консервный гроб на колесах.

От того, что ему приходилось внимательно следить за дорогой, он не сразу заметил, что именно выпало из пакета, но когда все-таки удалось бросить короткий взгляд вниз, он вдруг засмеялся и нажал на тормоз.

«Девятка» резко дернулась, колеса с визгом заскользили по асфальту.

— Святые сребреники! — завизжал Леха, — Да ты вообще совесть нахер потерял!

Он снова смеялся, продолжая снижать скорость, пока машина полностью не остановилась. Кум припарковался у обочины, неторопливо достал из-под сидения нож и зажал его в правой руке. Лево́й, также неторопливо, собрал пачки денег и сунул себе под зад. Я даже не понял, что произошло. Настолько это было невероятным! Не верилось, что происходящее — реальность!

— Хорошая подушечка, — Леха расплылся в довольной улыбке, — Так сколько там? Теперь-то не отмораживайся. Все равно пересчитаю. Интересно просто.

Меня разрывала ярость. Казалось, из машины выкачали весь кислород. Остался только едкий запах освежителя воздуха. Хотелось вдохнуть, но легкие, как и все мышцы будто сковал паралич. Я сглотнул густой комок, стоявший в горле, и прошептал:

— Твоих там нет, Леха. Все, что есть — все мои. Так что верни по-хорошему.

— По-хорошему! — снова смех, — А то что? Да ладно. Не ссы. Верну.

Я с недоверием посмотрел на кума.

— Нет, серьезно — верну. Ты только поделись инфой, и никаких проблем — забирай. А не поделишься — мне и этого хватит. А ты себе еще заработаешь. Ну, а что? Поставишь на ответку... Что там будет? Семь — пять? Или опять четыре — один? Хотя, если это договорняк был, то им уже смысла нет сливаться с таким крупным счетом. Ноль — ноль будет. Да?

— Четыре — один, — криво усмехнулся я.

Леха удивленно вскинул брови.

— Ты серьезно?

Я пожал плечами.

— Нет, это точная инфа?

— Точная. Деньги верни.

— Ты меня за идиота держишь?

— Нет, кум, не за идиота, — в морду ему давать больше не хотелось. Теперь хотелось просто больше никогда его не видеть, — За мудака, скорее. Отдай деньги. Они мне нужны.

— Мне нужнее, — спокойным голосом сказал Леха, потом кивнул на дверь и скомандовал, — Вали.

Я продолжал сидеть, глядя на него в упор.

— Пошел нахер, я сказал, — и в голосе, и во взгляде сквозила весьма конкретная угроза. Он направил острие ножа к горлу, и я почувствовал, как сталь прикасается к кадыку.

— И что? Зарежешь?

— Нехер делать. И за меньшую сумму зарезал бы. Отпускаю только потому, что вроде как не чужие. Вали, пока разрешаю.

— Нет, — покачал я головой.

Он некоторое время пристально меня изучал, словно определяя, насколько решительно я настроен, затем отвел взгляд к ветровому стеклу. В этот момент лезвие ножа отошло в сторону. Я украдкой приподнял левую руку и резко ударил по запястью. Нож выбить не удалось, но его правая рука со стуком ударилась о приборную панель. Леха тут же занес ее для удара, и я едва успел прижаться к двери. Нож почти по самую рукоять вонзился в спинку моего сидения. Затрещала обивка. Кум зарычал и попытался вытащить его обратно. Я воспользовался секундной заминкой, размахнулся, насколько позволял тесный салон автомобиля, и ударил кума в челюсть. Он отпустил рукоять и двинул меня кулаком в нос. В голове хрустнуло, лицо обожгла дикая боль. Мощным потоком хлынула кровь. Он ударил еще раз. Я успел закрыть лицо руками и ответил ему ударом локтя. На этот раз получилось приложиться основательно. Леха взревел и закрыл лицо ладонями. Я схватил нож и с силой рванул. Лезвие вышло из спинки сидения.

— Стоять, тварь! — заорал я.

Леха тут же убрал руки от окровавленного лица и посмотрел на меня. Я быстро приставил кончик ножа к его горлу. Он отшатнулся, ударяясь затылком о ветровое стекло, и замер. Под лезвием выступило несколько красных капель. Нож был острым. Я сплюнул сгусток крови и прошипел:

— Давай.

Он тяжело дышал сквозь стиснутые, окровавленные зубы. На губах пузырилась багряная слюна.

— Нож убери.

— Считаю до трех. Раз!

Он зажмурился и, медленно протискивая руку под задницу, по очереди передал мне все три пачки.

— Молодец, — тихо сказал я, бросил деньги обратно в пакет и вышел из машины.

Глава 8. Я люблю слонов

Я снова шагал вдоль проспекта, не оглядываясь. Встречные прохожие бросали на меня озабоченные, а то и испуганные взгляды. Некоторые изменяли траекторию движения, старались обойти меня на почтительном расстоянии. Попадались и вовсе равнодушные. Маленькая девочка, лет пяти-шести, некоторое время изучала мое окровавленное лицо, а когда мы разминулись, спросила у мамы:

— А дяде больно?

— Это плохой дядя, — ответила ей та, — Смотри лучше под ноги, а то упадешь и сама станешь, как тот дядя.

Только отойдя на почтительное расстояние, я позволил себе оглянуться. Лехина «девятка» стояла на прежнем месте. Видимо тот все еще приводил себя в порядок после потасовки. Я все еще не мог поверить в то, что произошло. Было ощущение, будто весь мир вокруг оказался какой-то одной сплошной декорацией в большом, невероятно дорогом шоу. И если раньше эта глобальная декорация выглядела вполне естественной, то сейчас я словно оказался за ее пределами и увидел, как все выглядит с наружной стороны. Тонкие картонные стены домов, подпираемые досками с обратной стороны, яркая лампа искусственного освещения вместо солнца, натянутая пленка над головой, имитирующая небо. И люди... Люди, играющие роли, снующие без конца туда-сюда. Люди, не ищущие друг в друге ничего, кроме выгоды. Люди, избавляющиеся от собственных родителей, как от ненужного балласта, которым рано или поздно станут сами. Корпоративное общество с жесткой моралью и не менее жесткими принципами. Жизнь во имя материального развития. Предательство, возведенное в статус религии.

Лехина машина мигнула «стопами» и отъехала от обочины. Я подождал, пока она скроется из виду и медленно побрел дальше, к дому. Там меня уже ждали.

Тяжесть пакета с деньгами напомнила о том, ради чего, собственно, я все затеял. Времени оставалось мало. Мария в любой момент могла начать предпринимать меры по моему «обезвреживанию» или по ограничению контакта с Юлькой. Судя по тому, как она себя вела, ее терпение было на исходе, а значит, случиться это должно было со дня на день. Спрячет дочь, заявится в милицию, объявит мужа невменяемым, а те, будь уверен, особо церемониться не станут. Слишком уж жесткий подход в корпоративном шоу к бракованному материалу, ломающему систему своей иррациональностью.

Но я ошибся насчет жены. Точнее — насчет ее терпения. Оно было не на исходе. Оно уже лопнуло. А я слишком поздно это осознал. Я допустил непростительную ошибку, которая, в итоге, стоила мне слишком дорого.

Отперев квартиру, вошел внутрь и сразу же ощутил непривычный, чужой запах. Тут же возникло ощущение, что я не один. Пахло мужским одеколоном, смешанным с густым запахом пота. Я прислушался и осмотрел дверные проемы, ведущие в комнаты. Никого.

— Эй, есть кто дома?

Тишина.

Я мысленно выругался и тихо прошептал на выдохе:

— Паранойя, блин...

После этих слов из спальни и гостиной высыпали несколько крепких мужиков с оружием, в черной одежде, которые в один миг повалили меня на пол и заломили руки за спину. Я даже понять не успел, что произошло. Только коротко вскрикнул.

— Лежать! Руки за спину! — зачем-то прорычал один из них, хотя я и без того уже лежал, а в спину мне давило массивное колено, — В пакет загляни! У него пакет с собой был. Да осторожно, бля!

— Бабки и нож, — низким басом пробубнил мужчина в черных ботинках, которые мелькали прямо перед моим лицом. Судя по их размеру, тот был настоящим громилой. В этот момент на запястьях защелкнули наручники, и давление на спину ослабло.

— Попал красавец, — сказал тот, что командовал, а потом, видимо, обратился ко мне, — Ну, что, малахольный? Приехали? Допрыгался?

— На ноже кровь. Пакет дай.

— Где понятые?

— Ща позову.

Через минуту в квартиру вошел сосед Егор Семенович и незнакомая женщина средних лет. Оба хмуро смотрели на меня.

— Паспорта с собой? — спросил у них главный.

Те закивали.

— Юра, займись.

— Задержанный — Семенов Николай Евгеньевич, — лениво вещал Юра, — При задержании сопротивления не оказывал. При себе имел нож и пакет с иностранной валютой в сумме... Сколько там?

— Оставь пока пустое поле.

— Угу. Та-а-к... Валюта пересчитана в присутствии понятых... На ноже — следы крови. Лицо задержанного имеет следы насильственного воздействия.

— Бля, пальцы! Пальцы, дебила кусок!

— Да знаю! Я же в перчатках!

— Да хера ли ты знаешь? Сотрешь! За лезвие бери! За торцы!

— Так кровь на лезвии!

— Ох, дебил... — выдохнул главный.

— Товарищ лейтенант... — занял бугай.

— Ладно. Понятые, ознакомьтесь и подпишите. Юра, покажи им! Пакуем! — скомандовал лейтенант, и кто-то резко дернул за скованные за спиной руки.

Я кое-как поднялся на ноги. На пороге стояла Маша. Она обхватила себя руками, плотно сжала губы и с ненавистью смотрела на меня. Затем скривилась и спросила:

— Где ты деньги взял, придурок?

Я не ответил. Просто молчал и смотрел на нее, пока мне это позволяли делать. Старался разглядеть в этом лице человека, без которого не мог продолжать жить дальше. Не получилось.

Допрос длился не долго. Рыжеволосый следователь с усталым лицом и зловонным дыханием законспектировал мои показания в протокол, прочитал записанное вслух и протянул мне для изучения и подписи. Я, не глядя, расписался.

Меня обвиняли в преднамеренном убийстве Карла Генриховича. Со слов следователя, у них было сразу несколько свидетелей, которые подтвердили, что видели, как я за ним гнался

по коридору бассейна. Они опознали меня по фотографиям, которые предоставила моя жена. Как оказалось, ее вызвали на допрос так же, как и меня — по телефону. Мария явилась в отделение милиции и дала показания. Она подробно изложила свои подозрения о невменяемости мужа и настаивала на проведении судебно-психиатрической экспертизы. Ее слова подтверждались и надзирательницей хосписа. Карл Генрихович, прежде чем отдать распоряжение об эвтаназии моей мамы, поделился с ней соображениями о моем «диагнозе». Она рассказала об этом следователю. После этого, утром, опросили свидетелей. Те опознали меня по фото, и буквально сразу было принято решение о задержании. Марию вызвали с работы, в квартире организовали засаду и теперь мне светил немалый срок. А с учетом того, что на ноже была обнаружена кровь Лехи, положение мое усугублялось.

Меня поместили в следственный изолятор и, учитывая потенциальную невменяемость, выделили одиночную камеру. Я провел в ней несколько недель. Точно не знаю сколько. Возможно, пришлось бы просидеть там еще дольше, но начальника СИЗО беспокоило то, что я отказываюсь от еды.

Мой адвокат, не особо интересуясь мнением подзащитного, организовал встречу с судебным психиатром — неестественно худой женщиной средних лет с бесцветными, мутноватыми рыбьими глазами. Когда я ее увидел, мне показалось, что она вообще слепая. Женщина вошла в комнату для допросов, в которой за столом уже сидел я, и села напротив. Веки ее были красными, будто она недавно плакала или просто не выспалась, как следует. Кисти рук слегка подрагивали. Она постоянно их встряхивала и массировала пальцы.

Женщина представилась Илоной Александровной. Уточнив мое имя, она без лишних церемоний заявила, что обязана провести со мной предварительное психологическое тестирование. Суть его заключалась в том, что она будет задавать мне различные вопросы, а я должен буду на них отвечать только «верно», «не верно» или «затрудняюсь ответить», в зависимости от того, чему я отдаю большее предпочтение. Я безучастно кивнул, соглашаясь, и подписал какую-то бумагу, которую она тут же поспешила спрятать в картонную папку, принесенную с собой.

Как оказалось, никаких вопросов, на самом деле, не было. Были утверждения, которые мне приходилось либо подтверждать, либо опровергать. Но суть теста от этого, наверное, не менялась. Она зачитывала вслух утверждения, а получая ответ, делала пометки.

— Я считаю себя агрессивным человеком, — тихим голосом, не содержащим и намека на эмоции, произнесла Илона Александровна.

— Нет.

Она сделала пометку у себя в планшете, записывая мой ответ.

— Иногда я переступаю через трещины в асфальте, когда иду по тротуару.

— Ну, да. А разве бывает иначе?

— Николай Евгеньевич, прошу, отвечайте только «верно», «не верно» или «затрудняюсь ответить».

Ее взгляд старательно избегал прямого контакта со мной. Мутные глаза были устремлены либо на бумагу, либо на углы стола, расположенные по бокам от меня.

Я пожал плечами, соглашаясь.

— Мне нравятся слоны.

Вопрос показался столь неожиданным, сколь и абсурдным. Я замешкался.

— Какие слоны?

— Это крупные млекопитающие. Обитают, преимущественно, в экваториальной

зоне, — она, наконец, позволила себе прямой зрительный контакт.

— Я знаю, кто такие слоны! Но причем тут они вообще?

— А вы считаете, что слоны должны быть при чем-то? Они вас раздражают? Вызывают дискомфорт?

— Господи, чушь какая! Вы разговариваете со мной, как с умственно отсталым. Нормально я к слонам отношусь!

— Пожалуйста, успокойтесь, — мягко перебила она меня, — Не нервничайте.

— Я не нервничаю. Но это же смешно просто!

— Вас смешат слоны?

— Нет. Просто я привык к тому, что в этой комнате задают другие вопросы. Это разве не очевидно?

Она принялась что-то тщательно записывать в блокнот. Я попытался разобрать хоть слово, но понял, что это бессмысленная затея. Почерк у мозгоправа был... изысканным.

— Николай, я прошу вас сделать глубокий вдох.

— Это ни к чему. Я спокоен.

Она испытывающе на меня посмотрела.

— Мы можем продолжить?

— А у меня есть выбор?

Она посчитала мой вопрос риторическим.

— Иногда я хочу кого-нибудь убить.

— Нет.

— Иногда я вру.

— Да.

— Иногда у меня случаются галлюцинации.

— Нет.

— Мне нравится пить кофе.

— Да.

— Мне нравится пить кофе со сливками.

— Не очень.

— Затрудняетесь ответить?

— Нет. Просто я отдаю предпочтение черному кофе, но иногда хочется и со сливками. Это так важно? В ближайшие лет десять я не то, что сливок, я и воды-то чистой не увижу. А про слонов так вообще говорить не приходится.

Произошло маленькое чудо, и на лице у холодной, безжизненной рыбы образовалось некое подобие улыбки. Она даже пальцы ненадолго расслабила.

— Когда у меня хорошее настроение, я позволяю себе посмеяться.

— На этот вопрос тоже необходимо отвечать или это вы о себе?

— Да. Это вопрос теста, — она снова едва заметно улыбнулась.

— Да. Я позволяю себе смеяться. И делаю это с удовольствием.

— Иногда я вру, что не хочу никого убивать.

— Мне кажется, или этот вопрос уже был?

— Иногда я вру, что не хочу никого убивать, — настойчиво повторила рыба.

— Нет.

— Мне нравится смеяться.

— Безусловно.

— Иногда, когда я расстроен, я смеюсь.

— Не думаю.

— Пожалуйста, отвечайте только «верно», «не верно», «затрудняюсь ответить».

— Не верно.

— Я люблю слонов.

— Да, очень люблю слонов. Даже больше, чем кофе!

— У меня много врагов.

— Нет.

— У меня врагов больше, чем я бы того хотел.

— Нет.

— Я испытываю негативные чувства по отношению к людям, желающим доставить мне неприятности.

— Да.

— Когда мне не удастся переступить через трещину на асфальте, я расстраиваюсь.

— Нет.

— Если мой враг предложит мне кофе, я откажусь.

— Нет. Возможно, он пытается со мной примириться.

— Только «да», «нет»...

— Знаю, знаю. Хорошо. Я понял. Продолжайте.

— Я люблю заниматься сексом.

— Да.

— Я стараюсь быть преимущественно искренним человеком.

— Да.

— Когда у моих родственников неприятности, я расстраиваюсь.

— Да.

— Я дорожу взаимоотношениями со своими друзьями.

— Да.

— Я люблю свою дочь.

— Да.

— Я никогда не вру.

Только сейчас я понял, что произошло. Женщина с рыбьей головой продолжала сидеть, в прежней позе, зачитывать утверждения и конспектировать мои ответы. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Но все, что ей было от меня нужно, она уже получила.

— Я никогда не вру, — повторила она, не меняя тона.

— Может, хватит уже? — спросил я, чувствуя себя обманутым лопухом.

— Простите?

— Хватит, говорю. Все, что вы хотели от меня услышать, я уже сказал. К чему продолжать эту постановку?

— Николай Евгеньевич, мы должны окончить тестирование. Его результат будет иметь прямое влияние на результаты следствия. Возможно, вам потребуется квалифицированная медицинская помощь. В таком случае ваш адвокат сможет добиться принудительного лечения вместо внушительного срока в тюрьме. Понимаете?

— А если я откажусь?

— Это будет иррациональным поступком.

— Разве психи поступают иначе? Ведь я псих, не так ли?

— Никто не утверждает, что вы псих. Пожалуйста, закройте глаза и сделайте глубокий вдох.

— Да спокоен я! — заорал я на нее и вскочил со стула. Женщина тут же подпрыгнула на тощей пятой точке и стала торопливо собирать исписанные каракулями бумаги в папку. Щелкнул замок, в помещение вошел караульный.

— Все в порядке?

— Да, — бесцветным голосом сказала Илона Александровна, — Мы закончили.

После двух повторных допросов и контрольной беседы с психиатром меня перевезли в специализированное медучреждение для проведения комплексной психиатрической экспертизы. И если до этого адом казалось то, что происходило в СИЗО, то с первых минут нахождения здесь я понял, что настоящий ад только начинается.

Часть 4. Терапия

Мир без психопатов? Он был бы ненормален!

Станислав Ежи Лец

В сущности, есть лишь один вид психической ненормальности — неспособность любить.

Анаис Нин

Глава 1. Просто Аглая

Психиатрическая лечебница представляла собой целый комплекс двух и трехэтажных зданий дореволюционной постройки, хаотично разбросанных по внушительной территории. Корпус судебно-психиатрической экспертизы находился на отшибе, в солидном отдалении от других, и внешне походил на заброшенный особняк какого-нибудь зажиточного купца. Было видно, что когда-то, давным-давно, дом был настоящим произведением архитектурного искусства, от взгляда на которое захватывало дух. Это слегка удивило, так как искусство здесь было понятием весьма условным.

Сейчас же здание ничего, кроме депрессии внушить было не способно. При взгляде на мрачные, поросшие мхом стены из крошащегося кирпича, на ржавые решетки, загораживающие давно не крашенные окна, складывалось впечатление, что в семнадцатом году прошлого столетия его отжали матросы с кипящим возмущенным разумом и превратили в склад пулеметных лент, бюстов Ильича и алых транспарантов с призывами к пролетариям всего мира. А для того, чтобы империалистическая зараза не посмела посягнуть на святое, заложили оконные проемы стеклоблоком, установили на них тяжелые чугунные решетки, и возвели по периметру двухметровый кирпичный забор с колючей проволокой и вертухаями на вышках. Как-то иначе объяснить столь массивные укрепления я не мог. Даже в СИЗО, из которого меня сюда привезли, все было значительно скромнее.

Здание встретило фейерверком запахов. Их хаотичный букет вмещал в себя, казалось бы, не сочетаемые ароматы плесени, лекарств, застаревшей мочи, хлорки, еды и еще бог знает чего. Линолеум на полах в приемном отделении (если в подобном месте оно вообще может так именоваться) протерт насквозь многолетним шарканьем, углы загнуты, а через образовавшиеся дыры видны полусгнившие доски, между которыми закаменела жирная, вековая грязь. На каждой двери — массивная решетка со смотровым окошком. Все они открываются и закрываются с громким металлическим лязгом под скрип электрического зуммера.

Меня сопроводили на третий этаж. Вход в отделение отгораживала уже привычная стальная дверь, а около нее, на стене, находилась кнопка вызова дежурного. Один из конвоиров нажал на нее. С противоположной стороны раздался низкий гул звонка. Дверь отворилась. На пороге возник крупный молодой человек в черной форме с хмурым выражением лица и резиновой дубинкой на бедре. Конвоир представил ему сопроводительные документы. Тот бегло их изучил, кивнул и позволил войти.

Я оказался в давно не проветриваемом, тесном, плохо освещенном коридоре, стены

которого до половины выкрашены темно-зеленой краской. Меня сопроводили в самый его конец и заперли в камере, которая практически ничем не отличалась от той, в которой пришлось провести последние несколько недель. Главными отличиями, пожалуй, были сырость и плесень, которой обильно поросла одна из стен от пола до потолка. Причем, к этой самой стене были прикреплены и нары. Я не без грусти подумал, что теперь не одинок — буду спать и чувствовать, как грибы медленно забираются под одеяло. Но внимательное обследование постели разрушило мои предположения и стало ясно: грибы не будут забираться под одеяло ночью, они уже давно были там.

С наступлением темноты на потолке зажглась тусклая лампочка, смачно обгаженная мухами. От ее света начали болеть глаза. Я прилег на нары и еще долго ворочался, прежде чем смог уснуть.

Снился Гена. Я смотрел на него из окна камеры. Почему-то во сне вместо стеклоблоков были прозрачные стекла, и мне было видно все, что творится во дворе. Гена копал яму, периодически махал мне рукой, улыбался. Я зачем-то спросил у него, как сыграли наши, а он сказал, что теперь это не имеет никакого значения. Когда я спросил почему, он ответил, что на самом деле это никакие не наши, а самая настоящая империалистическая зараза и давить их надо, как клопов. Тогда я спросил, для чего ему яма, а он ответил, что собирается деда хоронить. Дед у него умер от рака.

Проснулся от лязга открываемой двери. Тусклый свет лампы снова резанул глаза. В камеру вошел парень в форме и поставил на пол миску с вечерним пайком.

— Нормально? — без особого интереса спросил он.

— Порядок.

— После ужина — отбой. Будешь шуметь — буду бить. Усек?

Я кивнул. Он вышел. Больше никто не беспокоил.

Утром, после завтрака, новый конвоир сопроводил меня на второй этаж, где предстояло пройти ряд несложных тестов на оценку интеллекта и часовую беседу с психиатром.

Им, а точнее ею, оказалась миловидная женщина невысокого роста, с аккуратно уложенными светлыми волосами и элегантными очками в золотистой оправе. Когда меня ввели в кабинет, она встала из-за стола, улыбнулась, подошла ко мне и протянула ладонь для рукопожатия.

— Аглая Рудольфовна.

— Николай.

Она пригласила меня присесть в большое, удобное кресло, и я с удовольствием в нем развалился.

— Вам удобно?

— Да, благодарю. Я давно уже не сидел на мягкой поверхности.

— Знаю, — с грустью в голосе сказала она, и помолчала, о чем-то задумавшись, — Я была бы не против выпить кофе. Вы будете?

— Да, спасибо! — удивился я и улыбнулся.

После стольких дней карцера ее предложение прозвучало, как предложение от золотой рыбки загадать три заветных желания.

— Не стоит. Мне не трудно.

Она включила электрический чайник, который имелся на небольшом столике у окна, достала из шкафчика две миниатюрные чашки и насыпала в них растворимый порошок.

— Простите, но натурального нет. Не люблю. Отец говорит, что я испытываю на

прочность собственное здоровье, а мне все равно нравится растворимый.

Мы пили кофе и общались о том, как я воспринимаю окружающий мир, какие чувства испытываю к дочери и считаю ли свое мироощущение нормальным.

Я не видел смысла обманывать ее. В конце концов, если не получится убедить психиатров и меня признают вменяемым, то я окажусь на скамье подсудимых. А судя по словам адвоката и следователя, после суда меня будут ждать годы заключения, отсидев которые я просто потеряю всякий смысл жить дальше, потому что Юлька к тому времени уже просто перестанет быть Юлькой. Она превратится в Юлию. Такую же, как и все они. Единственный способ спасти своего ребенка — это быть рядом. А ради этого я готов был идти на любое безумство. В том числе на то, чтобы получить официальный статус психа.

Мне нужен был диагноз. Мне нужна была пусть мизерная, но возможность оказаться на свободе как можно скорее. И я изо всех сил старался убедить психиатра в том, что болен. Благо, что для этого не нужно было притворяться. Достаточно просто говорить правду. Единственное, что приходилось скрывать, это то, что я пришел сюда из другого мира, иначе она просто напроsto поставила бы совершенно другой диагноз. Как я уже говорил, мои познания в психиатрии весьма посредственны, но подозреваю, что это была бы самая настоящая шизофрения.

— То есть, вы утверждаете, что период взросления у вас прошел нормально. Вы успешно преодолели эмоциональный барьер и до... — она посмотрела в историю моей болезни, — До июля текущего года не замечали за собой никаких проявлений беспокойства. Верно?

— Думаю да, — сказал я, — Это началось в июле. Я был на рыбалке и чуть не утонул в болоте. Грязная вода попала в легкие, я практически захлебнулся. А когда вернулся домой, почувствовал себя нехорошо. Попал в реанимацию. Двусторонняя пневмония, воспаление легких. Скорее всего, причина была в бактериях, которыми кишела вода. В итоге, врачи вытащили меня буквально с того света. Даже клиническая смерть, говорят, была. А когда в себя пришел... В-общем, с тех пор и проблемы.

— Угу, — кивнула врач и принялась заполнять бланки документов, а когда закончила, посмотрела на меня и спросила, — А в чем выражаются эти проблемы?

— Сложно объяснить, — замялся я для убедительности и с удовлетворением отметил, что на ее лице проявилось понимание, — Чувствую всякое. Знаете? Такое ощущение, будто все вокруг не настоящее. Как будто мир превратился в бессмысленный абсурд, а люди, которые меня окружают — не люди вовсе, а просто тела. Иногда — неглупые. Иногда, даже весьма не глупые, расчетливые, умные, но пустые. Как будто людям не хватает чего-то очень важного.

— А в вас это «что-то важное» есть?

Я посмотрел на нее и кивнул.

— Николай, вы помните свое детство?

— Да.

— Скажите, те чувства, которые вы испытываете в своем нынешнем состоянии, напоминают ощущения детства? Есть в них что-то инфантильное, нерациональное?

— Наверное, так и есть.

— А вы сами осознаете, что ваше мироощущение нерационально?

— Это не совсем так. Даже не знаю, как объяснить, — я и в самом деле подбирал правильные слова, — Я понимаю, что веду себя странно в глазах остальных, но считаю, что

это не наказанием, а благословением. Понимаете? Такое ощущение, что я понял нечто такое, чего не понимают другие. И если бы все вокруг, все люди в мире, поняли это, то мир стал бы более... Более совершенным, что ли?

— Тела перестали бы быть пустыми? — подсказала Аглая Рудольфовна.

— Именно!

— Николай, вы обвиняетесь в убийстве, — в ее голосе не было и тени упрёка, а в глазах читалась грусть, — То, что вы называете благословением, заставило вас лишиться жизни другого человека. Если все люди в мире будут следовать вашей логике, что же случится с самим миром?

— Он убил мою мать!

— Но разве не вы дали ему право на эвтаназию?

Я стиснул руки в замок и положил на стол. Она накрыла их своими ладонями.

— Вы растеряны, Николай. Вам требуется поддержка. Я подчеркиваю: не лечение, а поддержка. Помощь. Вы меня понимаете?

— Не знаю.

— Вы же понимаете, что убили?

— Это еще не доказано.

— А я и не прокурор, чтобы что-то доказывать. И не адвокат, чтобы опровергать. Я — человек, который знает, как вам тяжело. Человек, способный и желающий помочь вам. Я важнее прокуроров с адвокатами вместе взятыми. По крайней мере, для вас в нынешнем положении. Вы ведь способны анализировать свои поступки? Способны, конечно. Осознаете их деструктивными?

Она посмотрела на меня, ожидая ответа.

— Да, — выдавил я.

— Осознаете. Но не можете контролировать.

— Контролировать могу. На физиологическом уровне. Я же не расцеловываю дочь на людях и не признаюсь в любви всем, кого люблю. Вот за мамой, к примеру, скучаю. Мне ее очень не хватает. Но не рыдаю и не ночую у нее на могиле. Я контролирую эмоции, сдерживаю себя. Хоть мне и больно.

Врач вопросительно вскинула брови.

— Если контролируете, то предлагаю снова вернуться к убийству профессора.

Крыть было нечем. Я убрал руки со стола. Аглая Рудольфовна поправила лежащие перед ней бумаги, склонила голову набок и сказала:

— Николай, ваш случай далеко не типичный. Синдром повышенной сензитивности, проще говоря СПС, еще до конца не изучен и, если вы говорите мне правду, если вы и в самом деле преодолели в детстве эмоциональный барьер и какое-то время жили нормальной жизнью... Как правило люди, страдающие подобными расстройствами, это люди, не преодолевшие эмоциональный барьер в детстве. Понимаете? Это, так сказать, врожденный дефект, который сопровождает их всю жизнь от рождения и до самой смерти. Иногда у вполне здоровых людей СПС вновь проявляется в глубокой старости. Такие пациенты также неизлечимы. Некоторые специалисты склонны называть это сенильной деменцией, а если говорить проще — маразмом. Старческим маразмом. Но я считаю, что это ошибочное представление, и маразм не имеет к проблеме абсолютно никакого отношения. Ваше заболевание возникло уже после подавления эмоций в детстве. Причем возникло не в преклонном возрасте, а в самом рассвете жизненных сил! Это подтверждают все, начиная с

вашей супруги и заканчивая коллегами по работе. Такое расстройство выглядит скорее, как аномалия, а не как норма, если слово «норма» вообще применимо в отношении болезни.

«Применимо, моя дорогая докторша. Еще как применимо!», — подумал я и с удивлением отметил, что эта самая докторша вызывает у меня симпатию. В самом деле, со мной так открыто не говорили с тех пор, как мы с Лехой январской ночью сидели на кухне и пили чай. По крайней мере, я ожидал от нее очередных вопросов про слонов, а она принялась делиться своими соображениями. Да еще и кофе угостила. У меня начало складываться ощущение, будто она воспринимает меня не как пациента, а как... коллегу!

— Традиционные методы лечения позволяют частично справляться с такого рода расстройствами, но не излечивают их полностью. Скорее, просто купируют симптомы, но не более того. Суть заключается в медикаментозном лечении, в применении нейролептиков, инсулиношоковой и даже электросудорожной терапии. Знаю, звучит ужасно. По-правде говоря, это и в самом деле ужасно. Человека подвергают чудовищным мучениям, в результате которых он все равно продолжает страдать от заболевания и обречен в будущем проходить терапию снова и снова. Я же хочу предложить нечто кардинально противоположное традиционным методам. Я возглавляю экспериментальное отделение, специализирующееся на проблемах, подобных вашей. Пишу докторскую на эту тему и, вы уж простите меня за прямоту, ваш случай представляет как для меня, так и для науки в целом, колоссальный интерес. Понимаю, что для вас, в вашем состоянии, эти слова могут звучать несколько... Эти слова могут ранить вас.

— Да нет. Все нормально. Я понимаю.

— Да... Так вот, я бы хотела поработать с вами более плотно. Если вы не против, конечно.

— Даже так? — удивился я, — А разве от человека в моем положении обязательно получать согласие?

— Конечно! — теперь удивилась Аглая Рудольфовна, — Я прошу вас поработать со мной, а не быть подопытным кроликом! Поймите, мне нужен не пациент. Мне нужен, в первую очередь, человек, желающий помочь справиться с собственной бедой. Но он, при этом, должен быть полностью открытым, всячески способствовать изучению проблематики. В свою очередь обещаю обеспечить вам комфортные условия пребывания и достойное обращение. А самое главное — полное излечение без мучений. Скажу больше: вам даже понравится! Обещаю! Вас переведут в мое отделение. Я лично буду следить за тем, чтобы все было в рамках нашей договоренности. И, само собой, я гарантирую вам защиту от уголовного преследования.

— А как долго это продлится? Ну, ваша работа со мной.

— Не моя работа с вами, Николай! — она вскинула указательный палец вверх, — Наша совместная работа. Важно, чтобы вы это понимали.

Я усмехнулся и кивнул, давая понять, что согласен с ней, но все равно переспросил:

— Так сколько?

— Не знаю, Николай. Как я уже сказала, ваше эмоциональное расстройство — редкое исключение, если вообще не уникальный случай. Боюсь обсуждать какие-то сроки, но готова заверить, что сделаю все от меня зависящее, чтобы помочь вам снова вернуться к нормальной жизни как можно скорее. В конце концов, это и в моих интересах тоже. Чем раньше мы справимся, тем эффективнее будет выглядеть моя методика в глазах ученых мужей.

— Я согласен, Аглая Рудольфовна.

— В таком случае называйте меня просто Аглая. Хорошо? Не люблю этот официоз. Не понимаю, зачем вынуждать людей относиться к тебе так, будто ты имеешь над ними превосходство. Есть в этом какая-то несправедливость. Поэтому давайте договоримся сразу: вы просто Николай, а я просто Аглая. И пусть все условности идут туда, где им самое место — в баню! — она в очередной раз улыбнулась, и я почувствовал, что тоже не могу сдерживать улыбки. На фоне остальных, она была просто каким-то чудом во плоти. К тому же весьма привлекательным чудом. От этой мысли стало слегка не по себе, но гнать ее куда подальше, почему-то, совсем не хотелось.

— Изучайте, Аглая, — сказал я, — Обещаю помочь, чем смогу.

Глава 2. Не узник, но гость

После беседы с Аглаей меня вернули в одиночную камеру. Судя по яркому свету, пробивавшемуся сквозь годами немый стеклоблок, снаружи стоял погожий сентябрьский день. Впервые за последние недели невыносимо захотелось на волю. Нет, не для того, чтобы закончить начатое, хотя это было бы первым, что я сделал бы, окажись вне этих стен. Захотелось на волю просто для того, чтобы быть свободным.

Я это так отчетливо ощутил! Желание было настолько сильным, что стало страшно. Ни разу за все те дни, что я провел в одиночных камерах, я не ощущал себя более изолированным, чем за тот месяц, что провел в этом пустом мире. Точнее, я не ощущал себя менее свободным, чем снаружи этих стен. Моя свобода закончилась задолго до того, как попал в тюрьму. В клетке я оказался, когда откашлял первую порцию болотной воды из легких, а захлопнулась она в тот момент, когда я понял, куда попал. Но теперь мне остро захотелось выйти за пределы этих конкретных физических стен. Пусть в ту же ментальную клетку, но выйти! Вздохнуть!

И в тот момент, когда пришло это понимание, страшно стало по-настоящему. Медленно наваливалась паника. Я никогда отсюда не выйду! Никогда! И как только в голове пронеслось это слово, перед мысленным взором всплыло то, что я старался гнать от себя с того дня, как принял решение нырнуть в омут. Это была самая страшная картина из всех, что мне приходилось видеть в жизни.

Снежинки на лицах. Крошечные, искрящиеся, легкие снежинки на самых красивых, самых родных и любимых лицах. Они медленно падают с высоты свинцового неба и ложатся на веки, губы, волосы. Их едва различимые лучи словно не касаются кожи. Они будто парят в долях миллиметра над ней. Парят и не тают. Я смотрю на них и понимаю, что этот снег уже больше никогда не растает. А виски сверлит буром единственное слово: никогда, никогда, никогда...

Лязгнул засов, скрипнула стальная дверь, в камеру вошел караульный. В руках у него была миска с какой-то серой кашей. Он кивнул мне, затем украдкой выглянул в коридор, подошел ближе и протянул миску. Я взял.

— Нормально все? — знакомой фразой поинтересовался тот.

— Порядок, — пожал плечами я.

Он обернулся на дверь, немного наклонился ко мне и заговорщицким тоном спросил:

— Слышь, а че это она?

Я не понял вопроса и слегка скривился.

— Ну, эта... Как ее? Регеций!

— Кто?

— Ну, Регеций.

— Какой Рееций?

— Не какой, а какая! Ну, Аглая Рудольфовна. Завэкспсихмед.

— Завэкс... Кто?! — мне начинал надоедать этот непонятный диалог, и я слегка повысил голос.

— Да не ори ты! — шикнул караульный и обернулся на дверь, — Ну, баба эта, с которой ты полдня трындел. Ты че, не знаешь кто это?

— Понятия не имею. А что?

— Не гони, — гикнул бугай, — Это завэкспсихмед наш!

Я удивился тому, как такой большой, неуклюжий человек, с лицом, не отягощенным интеллектом, ловко выговаривает такое сложное слово. Причем оно было сложным как для произношения, так и для понимания. Пришлось уточнить.

— А что такое завпсихмед?

— Не-е-т, брат, — он растянулся в блаженной улыбке, — Не завпсихмед. Завэкспсихмед!

На последнем слове парень сделал особенный акцент и ткнул указательным пальцем в потолок.

— И что это значит?

— Это значит, что ты не простой псих. Там, после того, как тебя увели, такой консилиум собрался! Я за пять лет здесь ни разу такого не видел. Даже Литвиненко сюда пришел! А он, на моей памяти, тут один раз всего был! И то для того, чтобы по морде Костенко дать, когда тот бухой на работу приехал и его «мерс» на парковке помял.

Он смолк и стал буравить меня пытливым взглядом.

— Так что ты хочешь от меня услышать, я не пойму?

Бугай почесал репу. Он думал, и было видно, что очень старается. А когда подумал, сказал:

— Ну, не знаю. Просто интересно кто ты такой.

— Семенов я.

— Да это я и без тебя знаю. Блин, ну скажи! Интересно же! Или буду бить.

Я отставил в сторону миску с кашей. Судя по его внешнему виду и уровню интеллекта, он мог и умел бить. Возможно, сильно. А у меня еще сломанный нос не до конца сросся. Поэтому я пожал плечами и, стараясь говорить как можно более мирным тоном, сказал:

— У меня диагноз необычный. СПС после полной обструкции повышенной сензитивности. Кажется как-то так. Могу ошибаться.

Парень искривил губы, выказывая то ли понимание глубины вопроса, то ли уважение к необычному диагнозу. В любом случае, бить он явно передумал. У меня отлегло, и я решил уточнить:

— Так что, все-таки, значит завэкспсихмед?

— Заведующая Отделением экспериментально-психиатрической медицины. Новое, короче. Недавно открыли. Года два назад где-то. Они напрямую Минздраву подчиняются. Все, типа, засекречено наглухо. Типа, лечат нетрадиционными методами. Ну, не лекарствами там, а херней всякой. Понял?

— Какой еще херней? — настороженно поинтересовался я.

— Не, ну там базарят постоянно друг с дружкой, сюси-пусси, туда-сюда. Я точно не знаю. Говорю же — секретно все. Никому не говорят. Но трупы оттуда регулярно в морг таскаем.

— Убивают, что ли?

— Да не. Вряд ли. Сами вешаются. Тебя, кстати, тоже туда завтра переводят. Регоций настояла. Я сам слышал. Литвиненко сначала против был, но с Аглаей Рудольфовной спорить — неблагоприятное дело. Она, конечно, красавица вообще, — он искривил рот в одобрении и кивнул.

Стало не по себе. По спине пробежался неприятный холодок.

— Да не ссы! — хихикнул бугай, — Там у них все эти «спэсы», как на курорте отдыхают. Телеки у них плоские, кровати с перинами. Ходят, где хотят. Кормят, как в ресторане. Короче, полный фарш. Я тебе так скажу: ни в одном отделении у нас столько самоубийц нету. Даже на буйняке вешаются раз в пятилетку. А все почему? Потому, что дисциплина жесткая. Рыпнулся какой-нибудь мудака на себя руки наложить — отмудохали до потери сознания и всё! Сразу человеку жить хочется! А тут — контроля нет, дисциплины нет, все на приподносе. Вот они и бесятся с жиру! Скучно им там. Понимаешь? Нежные они эти «спэсы». Так что ты это... Если тоже нежный, не соглашайся. Или вообще не коси на дурку. Лучше уж на зоне пятёру перекантуешься и гуляй дальше. А то тебе этот диагноз потом вообще жизни не даст. На работу нормальную не устроишься, права водительские не выдают. За что тебя закрыли, кстати?

— Убийство.

— А-а-а... — он сделал маленький шаг назад, — Ладно, короче. Пойду я. Обед, кстати, уже был. Пропустил ты его, пока у Регоций сидел. Это я тебе так... По личной инициативе кашу организовал.

— Спасибо, — сказал я, и парень, не сводя с меня взгляда, вышел.

Утром, как и говорил караульный, за мной пришли. Вывели в наручниках из здания и под конвоем сопроводили в другой корпус. Он также, как и предыдущий, находился на приличном удалении от остальных, но выглядел совсем иначе. Двухэтажное, современное здание, выкрашенное в нейтральные, пастельные тона. Даже стекла в окнах имелись вполне привычные — прозрачные и чистые. А решетки так удачно вписывались в общий вид строения, что возникало ощущение, будто без них оно выглядело бы, если не хуже, то уж точно не лучше. В-общем, если бы не предварительный разговор с караульным, я бы точно обрадовался переводу сюда. То, что из этого внешне приятного здания регулярно выносят трупы людей, покончивших с собой, заставляло испытывать легкую панику. Такое чувство иногда возникает, когда боишься неизвестности.

Как только я переступил порог экспсихмеда, а за спиной захлопнулась тяжелая, бронированная дверь, я понял, о чем вчера говорил караульный. Было ощущение, будто я попал не в психиатрическую лечебницу, а на рецепцию какого-нибудь не дорогого, но очень уютного отеля. В просторном, хорошо освещенном зале стояли белоснежные кожаные диваны. У противоположной от входа стены — длинная стойка, за которой сидела миловидная медсестра в накрахмаленном халате и белоснежной медицинской шапочке. За ее спиной стояли шкафы с аккуратно расставленными на них разноцветными папками. Пахло чем-то цветочным, а на журнальных столиках лежали яркие журналы о путешествиях.

— Добро пожаловать, — услышал я знакомый голос Аглаи. Она шла мне навстречу и улыбалась, — Рада вас видеть в нашем скромном заведении.

— Да уж, — ухмыльнулся я, — Скромном — это скромно сказано.

Она оценила мою шутку и погладила меня по плечу.

— Снимите, пожалуйста, наручники, — потребовала она, и конвоиры поспешили

исполнить.

Я потер ноющие от браслетов запястья и вопросительно посмотрел на Аглаю.

— Прошу вас, Николай, — она в который раз лучезарно улыбнулась и указала на дверь, ведущую из помещения рецепции вглубь здания. Как оказалось, напрямик в то самое отделение, которое вызывало у меня непроизвольный страх, — Не волнуйтесь. С этого момента вы под моим попечением и относиться к вам будут соответствующим образом. То, через что вы уже прошли, позади. Здесь вас ждут совершенно другие условия проживания и лечение, не имеющее аналогов ни в одной другой клинике мира. Надеюсь, вам у нас понравится.

Она провела меня на второй этаж. При этом на пути нам не встретилось ни единой металлической или бронированной двери. Стены и полы были стерильно чистыми, на лестничной клетке в горшках зеленели пальмы, из динамиков, вмонтированных в стены, тихо лилась ненавязчивая классическая музыка, а в коридорах, через каждые десять метров, были установлены кондиционеры. Глядя на все это, я не сдержался и сказал:

— Честно говоря, Аглая, я в небольшом шоке. Не верится, что все это — государственная больница. Даже подумать страшно, чем вы тут занимаетесь, если вас так финансируют.

Она, как всегда, засмеялась.

— Бояться нечего, Николай. Все предельно просто. Три года назад я и несколько моих коллег представили уникальный проект экспериментальной методики лечения СПС на выделение гранта от Министерства здравоохранения. Мы шли к этому девять лет, работая круглосуточно и без выходных. Можно сказать, что я посвятила этому всю свою жизнь без остатка и продолжаю отдаваться работе до сих пор. Как вы, наверное, уже успели заметить, человек я настойчивый, и не лишена таланта убеждения. В итоге, нам удалось убедить чиновников на выделение необходимой суммы для финансирования проекта, а спустя всего месяц после его запуска, и после того, как выписался первый, полностью выздоровевший пациент, сумму гранта увеличили втрое. Чтобы стало понятнее, скажу, что до сих пор полностью излечить человека, страдающего СПС, не удавалось никому.

Я скорчил одобрительную физиономию, а про себя подумал: «Ну, попробуй излечить меня, спаситель человечества. Глядишь, заживу счастливо». Само собой, это был сарказм, но стоит отметить, что ее слова насчет таланта убеждения были не далеки от истины. Пела она складно, и верить ей хотелось непроизвольно.

— Прошу. Ваша палата. Но мы их здесь называем комнатами. У вас будут замечательные соседи, с которыми стоит непременно познакомиться. Вот, к примеру, в этой комнате, — она указала на соседнюю дверь, — Живет Алексей. Очень интересный мужчина со специфическим чувством юмора. А вот здесь, — она указала на дверь, с другой стороны, — Татьяна. Милая, скромная девушка. Художница. Глядя на вас, мне кажется, вы с ними обязательно поладите. Двери не запираются ни изнутри, ни снаружи. Вы имеете полную свободу передвижения в пределах корпуса. Ежедневно, после обеда, мы все выходим на прогулку. Все — это все, без исключения. И постояльцы, и персонал. Что еще? Да! Рада сообщить вам, что уголовное преследование в отношении вас закрыто. Хочу акцентировать внимание на том, что вы теперь не заключенный и не пациент. Вы — наш гость. И частичное ограничение в свободе — это не что иное, как одна из степеней нашей заботы о вашем благополучии. Надеюсь, вы к этому отнесетесь с пониманием.

Она посмотрела на часы.

— Обед будет через час, ровно в двенадцать. Так что у вас есть время, чтобы принять душ и переодеться. Чистые вещи находятся в шкафу, а в ванной — новые полотенца. Располагайтесь, Николай. Будьте, как дома. Теперь это и есть ваш дом. Надеюсь, что ненадолго.

Аглая улыбнулась и притронулась ладонью к моему плечу.

— Вижу, вы взволнованы. Не переживайте. Теперь все будет хорошо. Вы попали в хорошие руки, к понимающим людям. Здесь, как нигде, знают, что вы чувствуете и сделают все, чтобы помочь преодолеть то, что мешает вам получать удовольствие от жизни. Располагайтесь. Я к вам сегодня еще зайду в гости.

Она улыбнулась на прощанье и красивой походкой пошла обратно. По коридору эхом разливался цокот ее туфель на высоком каблуке и тонул в едва уловимых звуках классической музыки.

Я вошел в свою палату. Точнее, в комнату, так как назвать это помещение больничной палатой просто язык не поворачивался. Такого уюта не было даже у меня дома. И это притом, что Маша всегда была мастером по созданию уютного гнездышка даже из собачьей конуры.

На полу лежал бежевый, идеально чистый ковер с коротким ворсом. Окна занавешены полупрозрачными шторами пастельных тонов. На стене висела широко-диагональная плазменная панель, а напротив нее — роскошная двуспальная кровать, заправленная покрывалом без единой складочки. На полу стояли большие горшки, в которых раскинули ветви экзотические растения, а вдоль стен располагались лаконичные, но довольно практичные шкафы для одежды. Здесь же была и дверь, ведущая в ванную, которая по комфортабельности ничем не уступала жилому помещению.

Я осмотрелся, открыл шторы, выглянул в окно, затем уселся на кровать и поймал себя на мысли, что чувствую себя подопытным кроликом, запертым в очень уютной и пока еще холодной духовке. Совсем скоро в ней обязательно станет жарко, но когда это случится, думать о побеге будет уже поздно.

Глава 3. Соседка

В комнате музыка не играла, но я и здесь заметил небольшой динамик, встроенный в стену под потолком. После душа переоделся в ту одежду, которую удалось отыскать в шкафу. Все вещи были новыми: джинсы моего размера, белоснежная футболка, клетчатая рубашка и удобные мокасины. Помимо этого, в шкафу оставался халат, комплект полотенец, несколько пар носков, нижнего белья и все тех же рубашек, футболок, спортивных свитеров.

Закончив примерку, хотел включить телевизор, но в этот момент ожил настенный динамик. Приятный женский голос сообщил, что всех постояльцев приглашают на обед. Рекомендовано было не терять время, а также не забывать захватить с собой аппетит и хорошее настроение. В конце голос пожелал всем приятного дня, после чего стих.

Я отложил пульт от телевизора в сторону, посмотрел на себя в зеркало, расчесал пятерней волосы и вышел в коридор. Открылась соседняя дверь. Из нее вышла весьма симпатичная девушка. Она заметила меня, приветливо улыбнулась и протянула ладонь для рукопожатия.

— Привет! Я — Татьяна.

— Очень приятно. Николай. Видимо, теперь мы соседи?

Девушка смущенно потупила взгляд и убрала спадающие на лицо волосы за ухо.

— Думаю, это здорово. По ночам приятно понимать, что за стеной есть живой человек.

Эта комната давно пустовала.

Она кивнула, приглашая идти. Я последовал за ней.

— А вы здесь уже давно?

— Не очень, — она пожала плечами, — Месяца четыре, наверное. Да четыре. Но, когда въехала, мне говорили, что в вашу комнату уже давно никого не заселяли. Так что...

Постепенно коридор наполнялся людьми. Они сбивались в группы и шли в одном направлении — к лестнице. Многие тихо переговаривались друг с другом. Кто-то бросал на меня заинтересованные взгляды, кто-то наоборот шел с отрешенным видом. В целом, обстановка продолжала напоминать гостиничную. Складывалась ощущение, будто я нахожусь в отеле на берегу средиземного моря, и вот сейчас спущусь вниз, выйду во двор и увижу сияющие бирюзой роскошные бассейны, а вдаль заискрится в солнечных лучах бесконечная морская гладь.

Столовая располагалась на первом этаже. Но она больше походила на ресторан, нежели на больничное общепитовское заведение. Еду подавали официанты, а столы были накрыты чистыми, белоснежными скатертями. Я подумал, что на один только отбеливатель здесь тратятся космические суммы, не говоря уже о расходах на все остальное. И это во время мирового финансового кризиса!

— Здесь очень хорошо кормят, — заметила Татьяна, когда мы вошли внутрь, — Сегодня вторник. Должны быть эскалопы с грибами. Предлагают еще биточки и котлеты «по-киевски», но я рекомендую именно эскалоп. Потрясная вещь! А на первое — солянка из морепродуктов. Тоже ничего.

Я даже присвистнул от удивления. Хотя, стоит признать, дальше удивляться было просто некуда. Мы уселись за один столик друг напротив друга. По бокам оставались пустыми еще два стула.

— Боюсь представить, чем тут кормят в воскресенье и по праздникам.

Девушка усмехнулась.

— По праздникам — праздничное меню. И дни рождения отмечаем все вместе. Именинник, вместе с поварами, делает торт и угощает постояльцев. Спиртного, конечно, нет, но в остальном — настоящий праздник. Я, когда впервые сюда попала, поверить не могла во все это. Долго привыкала. Была уверена, что меня пытаются обмануть, подкупить или что-то в этом роде. Все казалось не настоящим, приторным каким-то.

— Сейчас так не считаете?

Она ответила не задумываясь:

— Точно нет. Весь медицинский и обслуживающий персонал — это люди, некогда страдавшие от СПС. Все, или почти все, были пациентами Аглаи еще задолго до того, как у нее появилась своя клиника. И все преодолели свою болезнь с ее помощью. Из-за этого, они прекрасно понимают, что чувствуют их пациенты, поэтому мы не чувствуем себя какими-то ущербными или неполноценными. Да, я сказала — пациенты, но вообще-то здесь принято называть нас гостями. Ну, или постояльцами. Это кому как больше нравится. Речеций, конечно, гений, что ни говори. Я уже семь лет стараюсь справиться с болезнью, но такого прогресса, которого за четыре месяца достигла с ее помощью, у меня не было никогда.

К нам подошел молодой человек в фартуке, деликатным тоном поинтересовался, что подать. Было что-то излишне заискивающее в его манере общения. Неправдоподобная учтивость, что ли? Масленая улыбка, поклоны, кивки. Даже подходил он к нам на полусогнутых, а уходил спиной вперед, не отворачиваясь.

Я попросил Татьяну помочь с выбором, и она сделала заказ за нас обоих. Официант в очередной раз раскланялся, рассыпался в одобрениях выбора блюд и удалился.

— Немаловажным остаются методы лечения. Вы давно лечитесь? — поинтересовалась Татьяна.

— Сегодня — первый день, — честно ответил я.

Она бросила на меня недоверчивый взгляд.

— Я же только сегодня сюда въехал.

— Нет, я не об экспериментальной медицине. Я — в общем.

— И я — в общем.

— Ничего не понимаю. Вы не лечились, что ли? Скрывали?

— Нет.

— Вам ведь сколько? Лет тридцать, наверное?

— Около того. И да — я не лечился. У меня СПС проявился всего пару месяцев назад.

— Ничего себе! А так разве бывает?

— Видимо да. До этого все было нормально.

— Вот это да! Никогда о таком не слышала! И как вы поняли, что... м-м-м... что чувствуете это? Ну, вы понимаете, о чем я.

— Не знаю. У меня мать умерла, я расстроился. Да и дочь свою люблю. Понял, что она для меня — главное в жизни. Перестало хватать внимания жены. Она стала казаться мне холодной, чужой. Как-то так...

— Да, понимаю, — Татьяна смотрела на меня отсутствующим взглядом, будто была погружена в собственные воспоминания.

Повисла неловкая пауза, которую нарушил официант. На этот раз он прикатил тележку, уставленную тарелками с нашим заказом.

— Приятного аппетита, — сказал он, а потом ляпнул нечто такое, от чего я чуть не подпрыгнул на стуле, — Мы все вас очень любим!

Улыбка растеклась по его лицу, будто жидкое тесто по сковороде. Он еще пару раз поклонился и, пятясь, ушел восвояси. Я удивленно уставился на Татьяну, рассчитывая услышать объяснения. Она понимающе усмехнулась, взглянула туда, куда ушел официант и сказала:

— Бесит, правда?

— Точное определение, — согласился я.

— Здесь весь персонал такой. Раздражают невероятно. Такое ощущение, что спэсы не мы, а они. Привыкнешь, — она улыбнулась и подмигнула.

Еда была восхитительной, а еще ее было много. После червивой тюремной каши я был готов есть ее даже голыми руками, но девушка, сидящая напротив, невольно вынуждала соблюдать такт и делать вид, будто я какой-нибудь аристократ, не привыкший есть без ножа. Расправившись с солянкой, попробовал хваленый эскалоп. Он и в самом деле оказался роскошным. Она внимательно изучила мою реакцию и удовлетворенно хмыкнула.

— Я же говорила!

Мы оба улыбнулись и больше до конца обеда не проронили ни слова.

На обратном пути, она рассказала мне о том, как ее лечили до того, как она попала к Регеций. Я слушал с открытым ртом и не мог поверить в то, что такое вообще возможно. Электрошоковая терапия и транквилизаторы — лишь малая часть всех тех ужасов, через которые ей пришлось пройти, и с которыми мог столкнуться я, не встретясь мне на пути

Аглая с ее экспериментальной медициной. Татьяну «залечили» до такой степени, что она стала наркозависимой. После этого ей пришлось лечиться еще и от наркотиков. Потом были шоковая и инсулиновая терапия. В подробности этих процедур она не вдавалась, но заверила, что приятного в них было мало. А главное — результат такого лечения был нулевым. Ничего не помогло. Проблемы с работой, с образованием, с личной жизнью. Любые двери для человека с диагнозом СПС в этом мире были закрыты. Ей приходилось работать уборщицей, посудомойкой, и, параллельно с этим, самостоятельно заниматься образованием. Она учила английский, интересовалась программированием и писала картины маслом. Творчество ее заключалось в том, чтобы изображать на холстах логотипы компаний, которые эти сами компании потом у нее и покупали. Иногда, но очень редко, заказывали портреты руководителей или учредителей. Бизнес был так себе, но на лечение заработать получалось.

Когда мы подошли к дверям своих комнат, она склонила голову на бок, улыбнулась и сказала:

— Вот мы и дома. Скоро всех пригласят на прогулку. Если ты не против, можем погулять вместе.

— С удовольствием, — совершенно честно сказал я.

— Хорошо, — она открыла свою дверь, — Тогда приятного отдыха.

— И вам.

— Может, перейдем на «ты»? Я, кстати, уже перешла, если ты не заметил, — она хихикнула.

— Без проблем. Мы же теперь соседи. Все же не чужие люди.

Мы хором засмеялись и разошлись по своим норам.

Я снова оказался в одиночестве. Из-за стены, за которой жила Татьяна, донеслись едва различимые звуки работающего телевизора. Вспомнились слова о том, что ей приятно осознавать, что по соседству теперь будет жить живой человек. Возникло удивительное чувство, которое вряд ли когда-нибудь проявилось бы в моем родном мире. По крайней мере, у меня. Его сложно сформулировать, но если говорить просто, то я почувствовал, как становлюсь не одиноким и нужным. Не в качестве человека, обязанного зарабатывать деньги, не в качестве профессионального сотрудника банка, способного помочь с решением финансовых проблем, не в качестве человека, имеющего уникальный «диагноз» и представляющего интерес для психиатров, а просто нужным, как обычный живой человек. И от этого чувства, почему-то, стало горько. К горлу подкатил комок.

Я подошел к окну и выглянул наружу. За стеклами была решетка, выкрашенная белым. Вид из окна открывался не то, что шикарный, но вполне приятный, умиротворяющий. Множество деревьев с начинающими желтеть листьями, земля засеяна зеленым газоном. Между деревьями проходит асфальтированная дорожка, которая теряется в аккуратных зарослях кустов. И никаких заборов, никакой колючей проволоки и вышек с охраной. Только природа, только радующий глаз пейзаж.

Налюбовавшись вдоволь местными красотами, я обратил внимание на то, насколько прочно укреплена решетка, и с сожалением отметил, что без специального инструмента избавиться от нее не представляется возможным. Вариант с побегом через окно отпал сам собой. Нужно было искать другую возможность. Благо, что перемещение по клинике было неограниченным. Поразмыслив немного, решил совершить обзорную экскурсию.

Коридор, на этот раз, пустовал. Едва оказавшись в нем, почувствовал себя

преступником. Он был довольно длинным, а в конце находилось единственное окно, на котором, безусловно, была установлена точно такая же решетка, как и на всех остальных в здании. Я пошел в сторону лестницы. Украдкой старался смотреть вверх, в надежде увидеть камеры наблюдения, но, кроме кондиционеров, тихо шуршащих свежей прохладой, ничего не обнаружил. На потолке были установлены какие-то датчики. По всей видимости, пожарные. Однако они были настолько крошечными, что уместить в них еще и камеры казалось не возможной затеей.

Я шагал по коридору в абсолютной уверенности, что здесь обязательно должны быть какие-то средства слежения. Ну, не может быть, чтобы в дурдоме пациентам было позволено бесконтрольно шастать, где заблагорассудится и делать все, чего пожелает их беспокойная душа. Даже то, что здесь пытались лечить совершенно здоровых людей от несуществующей болезни, не могло делать курортом государственное режимное учреждение. Я не сомневался — контроль обязательно осуществляется. И он жесткий! Просто реализован так, чтобы у пациентов не возникало и тени подозрения, что их контролируют.

Вспомнил слова Татьяны об ощущениях в первые дни пребывания здесь. Она тоже была уверена, что все обстоит не так, как кажется. Теперь она так не считает, но это не значит, что Татьяна права. Ее могли просто убедить в этом.

Я свернул на лестничную клетку и чуть не столкнулся с Аглаей. Она шла навстречу, держа в руках какую-то пластиковую папку, плотно набитую бумагами.

— О! Николай! — воскликнула психиатр, моментально растягиваясь в дежурной улыбке, — Как устроились?

— Благодарю, все нормально. Мне нравится. И... я удивлен.

— Мы стараемся. С кем-нибудь уже познакомились?

— Да. С Татьяной, моей соседкой. Очень приятная девушка. Вы были правы, когда говорили, что мы поладим.

— О, не сомневаюсь, что теперь вы еще и подружитесь. Она и впрямь замечательная. Рада за вас. Кстати, я как раз иду к ней. У нас сеанс терапии. Будем болтать, как старые подружки. О вас, между прочим, я тоже кое-что у нее спрошу, — эту фразу она проговорила с особенным удовольствием, обнажая идеальные зубы в озорной улыбке, — А вы решили прогуляться?

— Да. Осматриваюсь.

— Через час у нас прогулка. Не забыли?

— Да, помню.

— Буду рада видеть. Попробую познакомить вас еще кое с кем. Не опаздывайте, хорошо?

Я утвердительно кивнул. Она сделала «пока-пока» ладонью, широко улыбнулась и поспешила к комнате Татьяны. Я облегченно вздохнул и отметил, что эта ее постоянная, безукоризненная улыбка начинает откровенно действовать на нервы. Не последнюю роль в этом сыграл официант из столовой. И он, и Аглая вели себя очень похоже. Одинаково неестественно. Сильно переигрывали с приветливой учтивостью. Может такое поведение — часть методики Регеций? Персонал создает приторную видимость человечности, а у людей, для которых человечность — не пустой звук, просто появляется отвращение к такого рода мировосприятию? Отчасти я был прав, когда так рассуждал. Но только отчасти.

Глава 4. Утопия

Послonyaвшись по зданию и не выведав никакой информации, которая могла бы стать

полезной для побега, вернулся обратно. Звук телевизора из комнаты соседки больше слышно не было. Я осторожно подошел к стене и приложил ухо. Тишина. Ни голосов, ни каких-либо других признаков жизни. Решив, что межкомнатные стены имеют хорошую звукоизоляцию, а телевизор было слышно только потому, что Татьяна смотрела его, включив на высокую громкость, отошел от стены и лег на кровать.

Я ужасно соскучился по Юльке. Интересно, что с ней сейчас? Как она восприняла мое исчезновение? Что ей сказала Маша? Скучает ли она за мною так же, как я за ней? Я вспомнил, как рассказывал ей сказки каждый вечер перед сном и почувствовал катящиеся из глаз слезы.

Приветливо запиликал динамик на стене. Женский голос сообщил: «Дорогие гости и коллеги! Приглашаем всех провести несколько приятных минут на свежем воздухе. Ждем вас на рецепции в четырнадцать ноль-ноль. Советуем одеваться потеплее. Сегодня солнечно, но температура воздуха уже осенняя — всего плюс семнадцать градусов при умеренном ветре. Всем хорошего дня и спасибо за внимание». Динамик на прощание пиликнул еще раз и окончательно затих.

Я отыскал в шкафу спортивную кофту и утеплился, как посоветовал голос из динамика. Из коридора послышался щелчок закрываемой двери. Решив, что это Татьяна, поспешил выйти наружу, но, когда вышел, понял, что щелкала не ее дверь, а та, которая находилась с другой стороны от моей. Около нее стоял крупный парень, а точнее — мужчина средних лет, одетый в точно такую же спортивную кофту, как и я. Он с интересом посмотрел на меня и спросил:

— Новенький?

— Угу, — кивнул я.

— Леха — протянул он мне руку.

— Николай, — ответил я, пожимая сухую, крепкую ладонь.

— Сегодня поступил?

— Да. Утром. Перевели из судебного корпуса.

— Понятно. Ждешь кого?

— Да, мы с Татьяной договаривались вместе на прогулку выйти.

— С Танькой, что ли? Уже познакомиться успел?

— Да. Обедали вместе.

— Быстрый ты, однако, — он одобрительно усмехнулся, — Ну, ладно. Пошел я. Да ты постучи к ней, не стесняйся. По-любому марафеты наводит перед зеркалом. А бабы — они такие. Если не подгонять, то всю прогулку под дверью прозеваешь. Давай, увидимся.

— Давай... — сказал я и постучал в дверь Татьяны, как посоветовал Леха.

Она открыла сразу же. Я даже вздрогнул от неожиданности. На ней были надеты тонкие черные штаны, туго обтягивающие привлекательные бедра, белые кроссовки и спортивная кофта.

— Только не думай, что я стояла под дверью и подслушивала, — она старалась шутить, сохраняя серьезное выражение лица. Вот только получалось у нее это не очень хорошо. Улыбка все равно проступала сквозь маску суровости.

— Неудачная отмазка, — не менее сурово сказал я, — Если ты знаешь, что я с кем-то говорил, значит, все-таки, что-то услышала.

— Не придирайся. Я же женщина, все-таки. Должна же я быть в курсе того, что обо мне думает мой симпатичный сосед. Идем уже, а то я засмушалась.

Татьяна бесцеремонно ухватила меня под руку и потащила к выходу. Я подчинился. От нее приятно пахло.

Мы вышли на рецепцию, где уже собралось довольно много народу. Определить, кто из этих людей пациент, а кто сотрудник клиники было практически невозможно. И те и другие были одеты в похожую одежду, непринужденно общались между собой и ничем не выказывали принадлежности к той или иной категории.

— А кто из них кто? — тихо спросил я Татьяну.

— Я, честно говоря, и сама не до конца разбираюсь. Здесь изначально принципы такие: и персонал, и гости — все на равном положении. Ну, кроме услуги, конечно. Уборщицы, официанты — эти, как бы, отдельно. А врачи... Про тех, кто живет на втором этаже, могу рассказать. Я регулярно вижу, как они выходят или заходят к себе в комнаты. На первом этаже бываю редко, поэтому и не знаю о них практически ничего. Весь персонал живет здесь же. Они очень редко куда-то выезжают. Клиника снабжается всем необходимым и надобности куда-то отлучаться почти никакой. Так, по крайней мере, мне Аглая говорила.

— В смысле? Врачи тоже здесь живут? В корпусе?

— Ну, да. У них такие же комнаты, как и у нас с тобой. Ну, чуть более обеспеченные, наверное. Компьютеры там всякие, телефоны, личные вещи какие-то. Но, в целом — все также. Аглая говорит, что каждый сотрудник — преданный фанат своего дела. Посвящают всю жизнь работе. Лично мне кажется, что это несколько преувеличено, но в целом такое самопожертвование заслуживает уважения. Согласен?

— Наверное, — неуверенно сказал я, — Я бы так, наверное, не смог. Прямо секта какая-то, закрытое общество.

— Ух, ты! — шепотом воскликнула Татьяна, — Меня тоже такая мысль посещала. Они постоянно такие рожи счастливые корчат, что иногда кажется, что все это фарс. Прямо, как пасторы в сектах.

На рецепцию вышла Аглая. Присутствующие оживились.

— Рада всех видеть в хорошем расположении духа, дорогие мои, — по-театральному громко обратилась она ко всем, — Я сегодня уже выходила на улицу и скажу вам не без сожаления: лето заканчивается. Но зато листья на деревьях — это просто нечто! Наш парк преобразился. Красотища! Ну, что? Все собрались? Выходим?

Отовсюду посыпались возгласы одобрения. Татьяна снова схватила меня под руку и потащила к выходу.

Мы обошли здание, прошли под окном моей комнаты и оказались на небольшой лужайке, покрытой стриженной газонной травой и обильно насыщенной лавочками. Мужчины закурили, женщины стали собирать опавшие листья и выискивать на деревьях белок. Некоторые принесли с собой бадминтон и принялись играть. Я почувствовал себя пятилетним ребенком, которого в детском саду воспитатели вывели на прогулку. Затем, обратив внимание на то, что иду под руку с девушкой, почему-то показалось, что это мероприятие больше походит на выгул пенсионеров в доме престарелых. Так или иначе, прогулка вызвала чувство уныния и безысходности.

— Чудовищно, правда? — спросила меня Татьяна, когда мы присели на одну из скамеек, — Такое ощущение, что нас пасут, как каких-нибудь баранов или коров.

Я засмеялся.

— А мне показалось, что это прогулка в доме престарелых.

Теперь засмеялась и она тоже.

— Это пройдет. Просто ты еще не привык. Я первое время вообще с ума сходила. Странно звучит из уст сумасшедшей, но чувство было именно такое. Ни с кем не общалась, сидела целыми днями в комнате. Разговаривала только с Аглаей. Еще немного и точно руки на себя наложила бы. Но она, конечно, молодец. Настоящий профессионал. Знал бы ты, с какими психиатрами приходилось сталкиваться до этого, ты бы понял. Речеций вообще не такая!

— Хотел спросить у тебя насчет самоубийств. Мне тут один конвоир говорил, что в отделении высокая смертность. Причем, люди именно накладывают на себя руки.

— Да? — удивилась Татьяна, — Честно говоря, ни разу не замечала. Выздоровливали люди — это да. Их выписывали. Но чтобы кончали с собой... Может он обманывал?

— Не знаю. Вряд ли. Незачем ему было это делать.

— Просто этого быть не может. Ну, скажи мне, кому взбретет в голову себя убивать, когда тебя с утра до ночи носят на руках? Причем, совершенно бесплатно. Будь моя воля, я бы, наверное, вообще согласилась бы здесь всю жизнь провести. Ни забот, ни хлопот, ни потрясений. Кормят, одевают... — она хитро улыбнулась и посмотрела на меня, — Подселяют приятных соседей. Но самое главное — тебя здесь понимают. Тебя здесь поддерживают. Такого отношения я еще не получала никогда и ни от кого. Не представляю, как буду жить, когда выйду отсюда. Очень надеюсь, что у Аглаи получится меня вылечить, и боль от расставания будет не такой сильной, как кажется сейчас.

— Что-то долго она тебя лечит, тебе не кажется? Она мне говорила, что первого пациента выписала уже через месяц после открытия клиники.

— Да, мое лечение немного затянулось. Но все люди разные, и степень заболевания тоже у всех разная бывает. Мой случай не самый легкий. Может поэтому так долго? Во всяком случае, я не против такого длительного пребывания здесь, я же говорила уже. Надеюсь, тебе тоже понравится.

— Спасибо, — сказал я и увидел, что в нашу сторону идет Аглая.

За ней медленно плелся мой новый сосед Леха. Складывалось ощущение, что идет он против своей воли, освещая своей кислой миной всех, кто встречался на пути.

— Николай! — как всегда жизнерадостно воскликнула Речеций, — Мне Алексей сказал, что вы уже успели познакомиться, но я хотела бы представить вас друг другу поближе. Вы не против?

Я встал и пожал плечами.

— Конечно, Аглая.

— Замечательно! Дело в том, что Алексей — один из... м-м-м... самых опытных наших постояльцев. Сколько ты уже с нами, Лёш?

— Одиннадцать месяцев, — вздыхая и демонстративно переводя взгляд с одной верхушки дерева на другую, ответил тот.

— Одиннадцать полезных, прекрасных месяцев! — подытожила Аглая и потрепала Леху по затылку так, будто он был не человеком вовсе, а каким-нибудь ее любимым псом. Вот только хвоста у Лехи не было. Но если бы хвост и был, то он бы все равно не завилял им от удовольствия.

Прогулка длилась не дольше часа. За это время я успел пройтись с Татьяной под руку по парку и рассказать ей о каких-то незначительных деталях своей прежней жизни. Слова приходилось подбирать очень аккуратно, чтобы не выдать ничего такого, о чем ей нельзя было знать. Татьяна расспрашивала о моей прежней работе, жене, родителях.

Интересовалась откуда я родом и чем увлекаюсь, помимо того, что пытаюсь излечиться от психических болезней. Очень заинтересовалась поиском монет. Просила, чтобы я обязательно показал ей свою коллекцию находок после того, как окажемся на свободе.

Я говорил, а сам непрестанно рыскал глазами вокруг, изучая местность и просчитывая все возможные варианты побега. И вариантов, на удивление, хватало. Двор корпуса отделения экспериментальной психиатрии совершенно не охранялся и не огораживался даже самым обычным забором. Все было открыто! По крайней мере в рамках больничного комплекса, который был просто огромным. Мы гуляли с Татьяной вдвоем, отойдя от основной группы на приличное расстояние. Я оглянулся в ту сторону, откуда мы пришли, пребывая в полной уверенности, что за нами выются как минимум два конвоира, но обнаружил, что мы остались в полном одиночестве. Остальных даже не было видно за плотными ветвями кустов.

— А ты никогда не думала о том, чтобы сбежать отсюда? — спросил я, когда убедился, что рядом никого нет.

— Думала, конечно, — хмыкнула Татьяна и сильнее вцепилась в мою руку, будто ежась от холода, — Будь уверен, в первые дни только об этом и думала. Тем более, это не так уж и сложно сделать. Но зачем? В чем смысл? Сбежать, чтобы до конца дней скрываться? Я, наконец, нашла реальную возможность победить то, что мне с рождения мешало нормально жить. Да еще и так безболезненно. Я же говорила уже, как меня лечили до этого? Так от чего бежать-то? От спасения? Все равно ведь поймают. Только в это отделение путь уже будет заказан. А на электрошок и нейролептики я больше ни за что не соглашусь. Лучше уж тогда...

Она запнулась и смолкла. Мне вдруг стало по-настоящему жаль ее. Эта женщина имела то, что может быть единственно ценным в любом человеке. Но общество, в котором она живет, вынуждает ее считать этот бесценный дар дефектом, от которого непременно нужно избавляться. Мучительно избавляться!

— А ты уверена, что твое нынешнее состояние — это заболевание?

— Что ты имеешь в виду?

— То, что любовь и сострадание — это дар, а не недостаток. Представь себе мир, в котором каждый человек наделен способностью чувствовать то, что можешь чувствовать ты. Родители безмерно любят своих детей. Мужья боготворят своих жен, а жены посвящают себя всецело своим семьям. Старики не отправляются на убой повзрослевшими детьми в хосписы, а нянчат внуков, которых любят даже больше, чем собственных детей. Там, прощаясь, люди желают друг другу не денег, а удачи, здоровья и счастья. Не всегда искренне, конечно, но чаще — это правда. Представь мир, где для лечения больных детей абсолютно чужие люди отдают последние деньги, а умерших друзей и родных провожают в последний путь со слезами на глазах. Что, если больны не мы, а весь остальной мир? Что, если это его нужно лечить?

— Если бы я не видела, какое волшебство творит с постояльцами Аглая, я бы подумала, что ты безнадежен, Николай, — тихо сказала Татьяна, — Ты никогда не думал над тем, чтобы книгу написать? Фантазия у тебя потрясающая.

— Это не фантазия, — сказал я и тут же прикусил язык. Причем прикусил по-настоящему. Так, что стало больно. И пока я мысленно себя ругал за излишнюю болтливость, Татьяна сказала:

— Ну, мечта. Не все ли равно? Думаю, шизофреники тоже считают, что весь мир вокруг

сошел с ума, и мечтают, чтобы он волшебным образом излечился, чтобы все вокруг стали воспринимать его так же, как воспринимают они. Но я не знаю ни одного здорового человека, который захотел бы стать шизофреником. Твоя мечта — это утопия, Николай. Возможно, красивая, но утопия. К тому же ты не учел противоположной стороны такого мироустройства. Он был бы иррациональным, а главное — переполненным болью. Представь, что было бы с родителями, у которых погибают дети? А с детьми, родители которых принимали бы решение развестись? Или ты считаешь, что в таком мире даже разводов не было бы?

Я перестал слышать Татьяну после того, как она сказала про гибель детей. В груди впервые в жизни разлилась тупая боль, а в глазах все поплыло. Воздуха не хватало. Я остановился и изо всех сил старался не упасть.

— Николай? — Татьяна нахмурилась и схватила меня обеими руками за плечи, — С тобой все нормально?

— Да. Порядок. Сейчас только отдышусь.

Руки и ноги стали ватными. Пришлось присесть. Татьяна засуетилась.

— Да что ж это... Эй! Позовите врача! Человеку плохо!

— Не надо, мне уже лучше.

Она присела рядом, приложила ладонь к моей щеке и посмотрела в глаза.

— Ты уверен?

— Да. Порядок. Идем назад.

— Ты расстроился из-за каких-то моих слов, да?

— Не бери в голову. Ты все правильно сказала.

— Насчет боли? Ты из-за детей расстроился?

— Говорю же, не бери в голову. Все, мне уже намного лучше. Пошли.

— Что это было? Сердце?

— Не знаю. Такого раньше со мной не было никогда?

— Ты побледнел. Похоже на сердечный приступ. Тебе нужно срочно у кардиолога провериться. Я скажу Аглае...

— Нет. Никому ничего не говори, пожалуйста.

— Но почему? Николай, это сердце! С такими вещами не шутят! А если инфаркт? Ты же умереть можешь! В таком эмоциональном состоянии, как у тебя, сердечные приступы вообще не редкость!

— Мне умирать пока нельзя, — усмехнулся я, — Но говорить мы пока ничего никому не будем. Хорошо? Может это просто невралгия какая-нибудь прострелила. Или эскалоп был не свежий. А мы, в первый же день, начнем привлекать лишнее внимание. Не стоит.

— Ну, да, — хмыкнула Татьяна, — Только успела обрадоваться, что появился хоть кто-то, с кем можно интересно провести время, и он тут же собрался склеить ласты. Везунчик я, ничего не скажешь. И это тот человек, который пять минут назад переживал о каких-то мнимых массовых самоубийствах в отделении.

— Хватит уже. Не дуйся. Никакие ласты я склеивать не собираюсь. Какие у нас планы на вечер? Только не говори, что вы тут по вечерам в шахматы играете. А то я инфаркта даже дожидаться не буду. От скуки помру.

— Нет, — капризным тоном ответила Татьяна, — Шахматы для нас — слишком сложная игра. Мы чемпионаты по лото устраиваем. Кто проигрывает, тот кончает жизнь самоубийством.

— О! Это уже куда интереснее! Прямо таки «русская рулетка»!

— А ты как думал? Мы же в элитном дурдоме, как ни как. И развлечения должны быть соответствующими.

Глава 5. Дурацкие фильмы

Мы вернулись в корпус в хорошем расположении духа. Нужно было отвлечься от разговора в парке, и я беспрестанно фонтанировал абсурдными шутками, на которые Татьяна реагировала не менее абсурдными, но все равно смешными репликами. Мы смеялись и перешучивались, пока не добрались до дверей своих комнат.

— Неплохой, в целом, денек получился.

— Еще бы! — продолжал я играть роль эдакого искрометного остряка, — Тут тебе и ресторан с милой дамой, и свидание в парке! Кстати, позвольте проводить вас до дома, девушка!

Она чуть заметно улыбнулась и серьезно сказала:

— Я рада, что ты теперь будешь жить рядом.

— Да, ты говорила. Я тоже рад. И благодарен за твое внимание. Ты очень помогла.

— Да не за что, — смутилась она, потупила взгляд и поправила локон, упавший со лба, — Обращайся.

— Увидимся?

— Угу.

— Хорошо. Тогда я отдыхать?

Она кивнула. Ее лицо было каким-то грустным и смущенным.

— Все нормально?

— Да. Все хорошо, — с той же грустью сказала она, — Пока.

А затем быстро, словно школьница, чмокнула меня в щеку и юркнула к себе в комнату. Я удивленно хмыкнул и вошел к себе. Через пару часов после ужина в дверь постучали.

— Входите, — сказал я, будучи уверенным, что это снова Татьяна, которая, возможно, забыла мне что-то сказать. Но на пороге появилась знакомая фигура Лехи — соседа по комнате.

— Привет, — сказал он, прикрывая за собой дверь, — Можно?

— Да, конечно! Проходи.

— Чистенько тут у тебя, — он одобрительно кивнул, — Надолго к нам?

— Хороший вопрос, — я улыбнулся.

— Я так... Просто в гости зашел. После этих прогулок делать дома вообще нечего. Процедуры, в основном, все до обеда. А вечером — скукотища.

— Да ты проходи. Падай на кровать, что ли. Здесь стульев нету.

— У тебя чайник есть? — спросил он.

— Понятия не имею.

Леха подошел к одному из шкафов, открыл нижнюю дверцу и извлек оттуда небольшую картонную коробку с изображением электрочайника.

— Ну, все, сосед. Ты попал. Новый чайник без накипи! Теперь буду у тебя каждый вечер чай гонять.

Хоть такая перспектива и не радовала, я учтиво кивнул.

— Не бойсь, шучу я. Но сегодня — точно не отмажешься. Включай, а я пошел заварку принесу. Ты с сахаром пьешь?

— Да, если есть.

— У Лехи все есть, — он подмигнул.

Я скорчил на лице гримасу безграничного уважения и взял коробку с чайником.

— Нет, я серьезно. Ты, если что, обращайся. Кстати, есть и покрепче напитки. Ты как?

Я снова скорчил гримасу. На этот раз удивленную. И, в отличие от предыдущей, совершенно искреннюю.

— Серьезно, что ли?

— Пс-с-с... — растянулся в улыбке Леха и развел в стороны руки, — Ты меня обижаешь сосед. Говорю же — есть все! Тебе коньяк или вискарь?

— Ого! Только у меня это... Денег нет совсем.

— Ну, что ты меня обижаешь-то все время, сосед? Я тебе что, купить что-то предлагаю? Я тебя по-соседски угостить хочу, а ты мне о деньгах каких-то. Вроде «спэс», а ведешь себя, как барыга некультурный в базарный день.

— Прости. Просто не освоился пока. Тащи виски. От коньяка изжога.

— А чайник все равно поставь. Я чифирнуть иногда люблю.

Он вышел, и я занялся приготовлением к приему гостя. Включил для фона телевизор, попал на канал, по которому передавали региональные новости и ушел в ванную набирать воду в чайник. Сквозь шум крана до меня донесся голос корреспондента, освещающего репортаж.

«Сегодня Московским районным судом Харькова были полностью сняты обвинения с главного подозреваемого в совершении резонансного убийства главного врача хосписа для неизлечимо больных граждан, Карла Готлиба. Об этом нашему корреспонденту сообщил первый заместитель начальника Московского районного отделения внутренних дел УМВД города Владимир Устименко. По его словам, подозреваемый был признан психически невменяемым и в момент совершения преступления не мог отвечать за собственные действия, приведшие к гибели известного медика. Напомню, убийство произошло в начале августа, и изначально было квалифицировано органами правопорядка, как несчастный случай. Позже, свидетели опознали по фотографиям некоего Николая Семенова, уроженца города Харькова, который в действительности и был причастен к гибели психиатра. После этого Семенов был практически сразу задержан и помещен под стражу. Однако, по словам супруги задержанного, ее муж в последнее время не раз проявлял признаки психических отклонений, часто вел себя неадекватно и испытывал несвойственные психически здоровому человеку чувства по отношению к ней с дочерью. Это послужило причиной для отправки Семенова на обследование в психиатрическую лечебницу, где ему и был поставлен неутешительный диагноз. В настоящее время убийца проходит лечение в отделении экспериментальной психиатрической медицины, которое было создано сравнительно недавно на базе пятнадцатой городской психиатрической больницы с целью углубленного исследования проблем, связанных с синдромом обструкции повышенной сензитивности. Именно такой диагноз был поставлен Семенову медиками. Мы продолжаем следить за событиями, и будем и дальше держать вас в курсе этого дела!»

Заиграла музыкальная заставка выпуска новостей, и только после этого я обратил внимание на то, что чайник давно переполнен, а вода льется в раковину через край. В комнату вошел Леха. В руках у него был небольшой бумажный пакет.

— Закусить особо нечем, сосед, так что не серчай. Лимон и печенье. Лимон можно в сахар макать, если что.

— А говорил, что все есть, — решил я его подколоть.

Тот не обиделся.

— Ну, брат, тут уж извиняй. Чем богаты...

— Шучу. Лимоны в самый раз.

— Ага. В самый! Когда нож есть, — он засмеялся.

— Во, дела! — почесал я затылок, — И что делать?

— Да ничего не делать! Зубами кусать! Зубы у тебя есть?

— Да есть пока, вроде.

— Ну, вот и грызи вкусняшку. А я чайком побалуюсь.

— Не понял, а я что, один пить буду, что ли?

— Ну, выпью с тобой парочку. Для приличия. Пока чайник не закипел. Я, честно говоря, не любитель.

— Да я, как бы, тоже не алкаш, но сейчас выпить не откажусь.

— Ну, так наливай, а то что-то много разговоров.

Я обследовал шкафы и выудил из них пару пластиковых стаканов. Леха вскрыл бутылку и разлил. Он поднял свою импровизированную рюмку и сказал:

— Давай, сосед, за тебя! С новосельем! — и выпил залпом, не чокаясь.

Я последовал его примеру, скривился от крепкого напитка, закусил печеньем. В этот момент в дверь постучали. Леха дернулся и мигом спрятал бутылку под кровать.

— Николай, ты у себя? — послышался из-за двери голос Татьяны.

— Тьфу, ёп..., - протянул Леха, — Нигде от этих баб покоя нет.

— Да, заходи! — сказал я, и дверь открылась.

— Ой, извините, — смутилась она, когда увидела нас с Лехой, — Я не знала, что ты не один.

— Да ничего, проходи. Мы тут это... Выпиваем, в общем.

Леха посмотрел на меня осуждающе, но потом сунул руку под кровать и извлек бутылку обратно.

— Ну, вы даете, ребята, — хихикнула Татьяна, — А если бы вместо меня Аглая зашла?

— Да засунь ты себе в задницу свою Аглаю, — вдруг рявкнул Леха, и лицо его покраснело от возмущения, — Носишься с ней, как с червонцем золотым. Аглая то, Аглая это! Богиня, мать ее, спасительница! Бесит уже!

— Эй, сосед, — спокойно сказал я, — Ты чего шумишь? Мы, все-таки, в приличном заведении находимся.

Он оценил шутку и улыбнулся.

— Ладно, погорячился. Но ты серьезно... Тань, ну, что ни слово у тебя, то сразу Аглая! Она тебе что, зарплату платит, что ли? Аглая, Аглая, Аглая, Аглая... Как будто заело тебя, честное слово!

— Да хватит уже! — повысил я голос. Леха смолк.

Татьяна стояла у двери, скрестив руки на груди, и с долей снисходительности смотрела на нас обоих.

— Закончили? — спросила она спокойным голосом.

— Извини. Я не совсем понимаю, что происходит, но, думаю, больше ругаться не будем. Правильно?

Леха утвердительно кивнул и разлил по стаканам. Я встал с кровати и отыскал в шкафу еще один. Татьяна тем временем прошла в комнату, присела на край кровати.

— Давайте за нас? — предложила она, поднимая вверх свою порцию.

— А может все-таки за Аглаю? — не удержался от сарказма Леха.

— Да сколько можно? — возмутился я, и тот поспешил заверить, что это был последний раз. Для убедительности он улыбнулся и подмигнул Татьяне.

Мы выпили. По телевизору начался какой-то голливудский боевик. Я сделал звук тише.

— Поговорить с тобой хотела, — сказала Татьяна и посмотрела на Леху, недвусмысленно намекая на то, что он во время этого разговора будет лишним.

Я пожал плечами, не зная, как поступить, и спросил:

— Это срочно?

— Не знаю. Не то, чтобы срочно. Просто я новости только что смотрела. Думаю, ты их тоже видел. У тебя тот же канал включен.

Я кивнул.

— Да видел. Вернее слышал. Ты хочешь узнать, правда ли это?

— Думаю, да.

— Правда.

Она сидела, не двигаясь, и смотрела прямо мне в глаза.

— Но зачем?

— Он мою мать убил.

Татьяна продолжала сидеть, не шевелясь, целую минуту. Потом накрыла ладонью мою руку и тихо сказала:

— Извини.

— Не извиняйся.

Леха молча смотрел на нас, и лицо его выражало полное непонимание.

— Я что-то пропустил? Никто ничего не хочет рассказать?

— Как-нибудь в другой раз, Леха, — сказал я и отставил свой стакан в сторону, — Думаю, нам надо всем отдохнуть. Какой-то слишком нервный вечер получается.

— Как скажешь, — разочарованно протянул Леха и, забрав бутылку с виски, поднялся с кровати.

Татьяна тоже встала, но я попросил ее немного задержаться. Леха попрощался и вышел. Она осталась.

— Я не убивал его. Ну, то есть, я хотел, но не успел. Он сам поскользнулся на мокром полу. Разбил голову, когда убегал от меня.

— Не оправдывайся, Коля. Даже если бы ты сказал, что собственными руками зарубил его топором, я бы тебя поняла. Человек, убивающий мать, не заслуживает пощады от ее детей. Равно, как и человек, убивающий ребенка, не заслуживает снисхождения от их матери. Нам ли это не понимать?

Я кивнул.

— Спасибо тебе. В который уже раз.

Она взяла меня за руку. Повисла долгая пауза. Мы сидели на кровати и просто молчали какое-то время, а потом она спросила:

— Хочешь, я останусь?

Не знаю, ждал ли я этого вопроса, но почему-то он меня не удивил. Хотел ли я, чтобы она осталась? Сложно сказать. С одной стороны, я всего за один день так прикипел к этой женщине, что мне казалось, будто я знаю ее уже сто лет. Было ощущение, что мы с ней прожили вместе не одну жизнь и знаем друг друга намного лучше, чем тех, кого действительно любим. С другой стороны — слишком важным для меня было то, ради чего я

решился спуститься в овраг с болотом на дне. Я был готов к ее вопросу, но не был готов ответить на него утвердительно.

— Я бы очень хотел, чтобы ты осталась. Но...

Татьяна не дала мне договорить. Ее лицо налилось густым румянцем, и она встала.

— Извини.

— Нет, ты меня не правильно поняла.

— Нет, нет, извини, пожалуйста. Это, наверное, все алкоголь. Я пойду. Ты отдохни. Все-таки первый день на новом месте, много впечатлений и все такое. А тут еще я со своими дурацкими вопросами навязываюсь.

Теперь уже я взял ее за руку.

— Послушай, ты мне очень нравишься. Правда. Не знаю, как ты, а у меня такое ощущение, будто мы с тобой...

— Знакомы лет сто, — закончила она за меня, усмехнулась и покраснела еще сильнее. На ее глаза навернулись слезы. Видимо, от стыда, но она тут же прыснула со смеху.

— Точно, — я тоже улыбнулся, — Вот видишь, даже мысли одинаковые. Ну? Просто я сегодня и в самом деле устал. И новости эти еще... Если хочешь, ты можешь остаться. Я буду только рад. Правда! Мы будем смотреть телек, грызть зубами лимон и пить сладкий чай. Леха все оставил, так что мы с тобой теперь богаты.

Она улыбнулась и согласно кивнула. Мы весь вечер лежали рядом, смотрели дурацкие фильмы, пока я не отключился, а когда проснулся, ее рядом уже не было.

Глава 6. Бегун Вася Конарев

В девять голос из динамика пригласил на завтрак. Я оделся и вышел. Дверь в комнату Татьяны была закрыта. Я постучал, но никто не ответил. Заглядывать внутрь постеснялся и, решив, что она уже в столовой, пошел один.

Ее там не было. Пришлось завтракать в одиночестве. Вернувшись наверх, я снова постучал к ней, и в очередной раз никто не открыл. Я постучал к Лехе. Тот долго возился, но в итоге все-таки отворил.

— А, сосед. Че тебе?

— Ты не завтракал, что ли?

— Я утром сплю, как все нормальные психи. Говори, я там сон интересный не досмотрел.

— Да если ты спал, то вряд ли знаешь. Так что извини.

— Да говори. Мало ли. Все равно уже разбудил.

— Ты не знаешь, где Татьяна сейчас может быть?

Он обернулся, чтобы посмотреть на настенные часы, потом пожал плечами и сказал:

— В это время или в столовке или храпит еще. Больше нигде. Для процедур, вроде, еще рано, — он ослабил в ухмылке, — А че? Запал на нее, что ли?

— Да причем тут... — отмахнулся я, сам не понимая, от чего так нервничаю, — Ладно, давай.

— Ага, — сказал Леха и закрыл дверь, но тут же открыл и добавил, — Чай никому не отдавай! Дефицит! У меня больше нету.

Я кивнул. Постояв немного перед дверью Татьяны, снова постучал. На этот раз настойчивее. Если она спит, то от такого грохота обязательно должна была проснуться. Дверь, конечно же, снова никто не открыл. Подождав, пока коридор опустеет, нажал на ручку и вошел к ней в комнату.

Кровать была аккуратно заправлена. Никаких личных вещей или каких-то других признаков того, что в помещении еще вчера жил человек, не было. В целом, комната напоминала мою. Такой она была сутки назад, когда я впервые в нее вошел.

— Что за... — прошептал я, стоя посреди комнаты и озираясь в полном недоумении.

К себе возвращаться не стал. Спустился на рецепцию и спросил у дежурной, где можно найти Аглаю. Та, с дежурной улыбкой, ответила, что Аглая сейчас завтракает. Я поспешил в столовую и обнаружил ее за одним из столиков, в компании трех женщин, весело о чем-то болтающих и пьющих чай с пирожными.

— Аглая, мне нужно с вами кое о чем поговорить.

— Доброе утро, Николай, — поздоровалась она, — Это срочный вопрос?

— Не знаю. Думаю, да. Простите, что отрываю.

Она встала из-за стола и отошла в сторону.

— Возможно, я зря паникую, — начал я, растерянно подбирая слова, — Но сегодня утром Татьяна пропала.

Аглая, как всегда, улыбнулась и провела рукой по моему плечу.

— Николай, вы и в самом деле зря паникуете. А стоило бы наоборот — порадоваться за вашу новую подругу. Татьяну сегодня утром выписали и сейчас она уже, наверное, сидит дома и пьет какао с гренками. Курс лечения подошел к концу. Для нее, как и для нас всех — это большая победа!

— Как выписали? — удивился я, — Погодите! Она же еще вчера...

— Что вчера?

— Просто я не думаю, что она выздоровела! По крайней мере, вчера мне так не казалось!

— Николай, послушайте. Методы лечения в нашем отделении, как вы знаете, не стандартные. Можно даже сказать, несколько экстравагантные. Я не могу раскрывать вам всех тонкостей терапии, но вы можете поверить мне на слово, что Татьяна достигла весьма внушительных результатов в лечении. Причем, в ее конкретном случае, случилось это намного раньше, чем мы изначально прогнозировали. Это ее большая личная победа, поверьте! Очень надеюсь, что вы справитесь со своими проблемами еще быстрее. А я вам в этом постараюсь помочь. Хотя нет, не так. Я вам обязательно помогу! И начнем мы сразу после завтрака. Ждите меня в гости. Хорошо? Заодно и о Татьяне поговорим.

Она снова погладила меня по плечу. Стоило больших усилий, чтобы не отстраниться. Эти постоянные прикосновения, как и ее улыбка, тон ее разговора — все это выводило из себя.

Ничего не говоря, я вышел из столовой и отправился в свою комнату. То, что произошло, казалось полным абсурдом, нелепицей какой-то. То, как вела себя Татьяна, никак не состыковывалось с тем, что в этом мире считается выздоровлением от СПС. Если воспринимать нормальные человеческие чувства, как диагноз, то она еще вчера была безнадежно больным «спэсом»! Вариантов было всего два: либо Татьяна мне врала и искусно притворялась, либо врала Аглая. Я склонялся ко второму варианту. Нет. Правильнее будет сказать, что я был уверен в том, что Аглая врет. В таком случае, где же сейчас Татьяна?

Регеций вошла без стука. Мне это не понравилось.

«Она хотя бы во сне стирает с лица эту приторную улыбку?» — подумал я, усаживаясь на кровати. Психиатр, опять же, без приглашения разместилась на противоположной

стороне.

— Итак, Николай! Вы провели с нами свой первый день, и я хотела бы услышать, что вы обо всем этом думаете.

Я пожал плечами. Разговаривать с ней очень не хотелось. Попытавшись найти хоть какую-нибудь причину для отказа, но не найдя таковой, решил, что попробую свести все разговоры к минимуму. При этом еще раз попытаюсь разузнать детали таинственного исчезновения Татьяны.

— Неплохо. Я уже говорил, что удивлен.

Она некоторое время продолжала меня изучать взглядом, затем посмотрела в какие-то бумаги, шумно вдохнула носом и сказала:

— Николай, — еще одна пауза, — Вижу, вы расстроены тем, что Татьяна покинула нас. Я права?

— Да, есть немного. Скажем так: меня это настораживает.

— Угу... Она вам нравится?

— Да. Она хороший человек.

— Она говорила вам о том, что хочет выздороветь?

— Да.

— А на ваш взгляд, она была здорова?

— Не думаю.

— В чем это выражалось?

— Она была слишком эмоциональна. Наверное, так.

— Это были положительные эмоции?

— По большей части — да.

— А как вы думаете, больной человек испытывает по большей части положительные эмоции?

— Ну, это слишком обобщенный вопрос, чтобы применять его к какому-то конкретному случаю. Шизофреник, к примеру, тоже может веселиться без особой на то причины. Но это ведь не делает его здоровым.

Она одобрительно изогнула брови.

— А вы не глупый человек, Николай. Это похвально.

— Жаль, что вы это только сейчас поняли.

— Хм... И вы мне не верите.

— Не верю.

— Что ж, благодарю за искренность, Николай. В таком случае наша сегодняшняя беседа будет просто бесполезной. Прежде, чем начать терапию, мне придется представить вам доказательства своей правоты. Вы со мной согласны?

— Не совсем понимаю, о каких доказательствах идет речь, но, наверное, вы правы.

— Хорошо, — снова улыбка, — Тогда до встречи. Не буду отнимать у вас время. Отдыхайте, наслаждайтесь спокойствием. Если вам все же захочется со мной поговорить, можете обратиться к дежурной на рецепции, и она обязательно меня найдет. Хорошо?

— Да.

— Приятного дня, Николай.

— Взаимно.

Она вышла. Я с облегчением выдохнул. Все три часа, которые оставались до обеда, пришлось пролежать на кровати с пультом в руках, бесцельно переключая каналы

телевизора. Когда динамик на стене пригласил в столовую, есть еще не хотелось. Усилием воли я заставил себя сползти с кровати и выйти из комнаты. Постояльцы стройными колоннами шагали к лестничной клетке, перешептываясь и изредка косясь в мою сторону. Я постучал в комнату Лехи, но тот не открыл. Нашел его в столовой. Он сидел за угловым столиком и неспешно пережевывал борщ со сметаной.

— Приятного, — сказал я и подсел к нему.

— Сам не подавись, — плямкая, отозвался Леха.

— Выспался?

— Я всегда высыпаюсь.

Он некоторое время жевал молча, а потом спросил:

— Таньку нашел?

— Не совсем, — сказал я, — Аглая сказала, что ее выписали сегодня утром.

Тот удивленно вскинул брови.

— Как это? До подъема, что ли?

— Не знаю. Просто сказала, что выписали и все.

— Повезло.

— А ты бы тоже хотел?

— А ты, типа, нет?

Я кивнул.

— Аглая говорила, ты тут уже девять месяцев кантуешься.

— Да. Почти.

— А притвориться выздоровевшим не пробовал?

— А... — отмахнулся Леха, — Сто раз.

— Не прокатило?

— Да сука эта... Ведьма, не иначе. Умная тварь! Она меня насквозь видит! Скалитесь в лицо, а сама за спиной клубки крутит.

— Какие клубки?

— Ну, это я образно так говорю. Типа в глаза говорит, что все зашибись, что выздоравливаю типа и все такое, а сама пишет, что все херово у меня. Сука та еще. Верить вообще нельзя. Сожрет и не подавится. Знаешь, скольких она уже до веревки довела? Тут, бля, каждую неделю кто-то вешается! Выходишь утром в коридор, смотришь, а его уже понесли. Стоишь и думаешь: «Может и мне веревочку заветную раздобыть?» Так уже заколыхало все, сосед. Будь немного посмелее, я бы этой веревочкой ее на первом же суку вздернул. Меня-то, конечно, грохнут после этого, но так она хотя бы другим жизнь отравлять не будет. Без нее тут такое начнется! Мама не горюй! Все ее схемы на раз вскроются.

— Какие схемы?

— Да обычные! Финансовые. Какие еще?

— В смысле?

— Колян, не будь ребенком. Ты что, реально думаешь, что она здесь лечением занимается?

— Ты о чем вообще?

— Ты вообще, с какой планеты, парень? У тебя глаза есть? Ты представляешь, сколько все это стоит? — он обвел рукой вокруг себя.

— Ты думаешь, она ворует?

— Нет, бля! Мир спасает!

— Ну, мне она тоже не нравится, но я бы не был таким уж критичным. В конце концов, выписывают же отсюда людей. Они же выздоравливают.

— Ага. Выписывают, — не прекращая жевать, скривился Леха, — Вперед ногами выписывают.

— Не преувеличивай. Если бы результата ее работы не было, всю эту багательню свернули бы еще до того, как тебя сюда пристроили.

— Сосед, кого ты пытаешься переубедить? Ты меня пытаешься переубедить? Я здесь почти год сижу! Не живу, не лежу в больнице! Я сижу здесь! Понимаешь? Срок мотаю, блин! Чтобы на зоне не мотать! А эта тварь меня еще и мучает ежедневно! — он начинал говорить все громче и на нас стали оглядываться другие посетители столовой.

— Не ори, — тихо сказал я.

— Да пошли они все! — рявкнул Леха, но градус понизил, — Я до конца не уверен, но подозреваю, что половина из тех психов, которых ты видишь — никакие не психи. Притворяются, тусуются между психами, но сами — абсолютно здоровые люди. Усекаешь, к чему я веду?

— Таня что-то такое говорила.

— Ну, психиатры это. В-основном студенты там всякие, которые на психиатров учатся. Типа практика у них такая. Ну, или на повышение квалификации из других городов приезжают уже практикующие медики. Причем, по документам — это самые настоящие пациенты. И выписываются они тоже, как пациенты. Только абсолютно здоровые. Не придерешься. Типа мертвых душ, только живые. Они вклиниваются в доверие, базарят с тобой постоянно о чем-то, в друзья набиваются. Им не сложно, их этому годами учат. Ты им вываливаешь все, что у тебя в душе накипело...

— Типа, как ты мне сейчас, да?

Леха запнулся.

— Да ладно, сосед, — в его же манере сказал я и улыбнулся, — Не ссы. Я нормальный псих. Настоящий.

— Знаю. Потому и говорю тебе все это. Я вчера вечерние новости смотрел. В полночь повтор показывали. Интересно было, о чем вы с Танькой говорили. Ты правильно этого мудилу вальнул. Знал я его. Приходилось по жизни пересекаться. Падла та еще. Сам завалить хотел сучару, да не успел. Сюда упекли.

— А ты не думаешь, что Татьяна тоже была из этих? Ну, из подсадных.

— Хрен ее знает. Может и была. Хотя она тут долго прожила. Месяца четыре, наверное, не меньше. Ее в начале лета к нам подселили. Вечно цеплялась ко всем, в друзья набивалась. Не нравилась мне она. Слишком правильная, что ли? Я вот, например, говнюк говнюком. Но если по понятиям что-то надо раскидать, то совесть — мое мерило. Никогда никого не подсирал и подсирать не собираюсь. Принципы таки, если хочешь. А Танька — эта и вашим, и нашим. Лезет в душу, поддакивает, кивает понимающе, а потом хлоп — и с Регеций уже о чем-то перетирает по-тихому. Если хочешь мое мнение — я бы ей на твоём месте не доверял. Не Регеций, имею ввиду. С этой и так все ясно. Я про Таньку.

— Я понял, — сказал я, сглатывая комок.

Есть больше не хотелось. Я выпил стакан сока и уставился в окно.

— Да ладно тебе, сосед! — попытался воодушевить меня Леха, — Че ты хандришь? Ну, телка, как телка! Мало таких, что ли? Тем более не красавица. Тут и получше встречаются. Я тут недавно такую шмару замолодил! Ух! Огонь! Она меня за ночь три раза будила! А утром

просыпаюсь, а она уже того. Типа, выписали. Как и Таньку твою. Студентка, наверное. Красивая сучка! Не парься, короче. Найдем тебе невесту. А с Регеций много не базарь, отмазывайся как-нибудь. Сломает она тебя. Мнительный ты очень. Здесь таких любят ломать.

— Спасибо.

— Будешь должен.

— Я с тобой еще за вискарь не рассчитался.

— Не бойсь, я записал в долговую книгу.

— Слушай, а зачем ей все эти танцы с бубнами? Как думаешь? Я имею в виду студентов этих.

— Ну, ты, билн, лошара, — прыснул Леха, — Ты че?

— Из-за грантов?

— Бля, ну а из-за чего же? Я же говорю, осмотрись вокруг! Какая в жопу экспериментальная психиатрия? Она себе дом построила и вторую докторскую уже строчит на этой теме! Ты посмотри, сколько у нее власти, сколько пафоса! Про бабки я вообще молчу! Это само собой. Даже не обсуждается. Она тут богиня, бля, олимпийская! Повелительница человеческих душ! Причем, направление выбрала соответствующее. С кем попало не работает. Ну, с шизами, параноиками там всякими. Не интересно ей. Они ж не понимают, что над ними специально издеваются. Она выбирает тех, кому не похер на ее издевательства. Мнительных. Тех, кто в душе остался ребенком. Любит, падла, рыться во внутренностях. Кайфует. Она ж садистка, Колян! Ты до сих пор не вкурил?

В начале беседы все это казалось мне если не бредом, то весьма маловероятным. Но чем больше я слушал Лехины доводы и сопоставлял их с тем, что уже успел здесь увидеть, тем отчетливее понимал, что он, скорее всего, прав. Волосы зашевелились и встали дыбом. Меня слегка передернуло.

— И что теперь делать? — спросил я.

— Пердеть и бегать, — буркнул Леха, — Не знаю, что делать. Тут либо сваливать надо, либо вешаться к херам. По-другому выйти не получится. Это я непробиваемый. Мне вообще все похер. Может не настолько спэс, как другие. Не знаю. А если бы был, как ты, например, то еще в первую неделю вилку в столовке спер бы, и вены в ванной вскрыл. По крайней мере, мысли такие были, — он отставил в сторону пустую тарелку и принялся за сок, — Только бежать, сука, некуда. Вот в чем беда. Да и смысла нет. Найдут по-любому, к гадалке не ходи. Эта сука, ментам не заявляет. Каких-то своих людей подключает. Платит им, само собой. Те вычислят на раз. Был тут один такой бегун марафонский. Вася Конарев звали. Два раза бегал. Первый раз вернули через день. Избитый весь, челюсть сломана, зубов половины нет. Месяц на ноги вставал, кушал через трубочку. Как окреп, сразу опять свалил. Неделю не было видно. А потом смотрю, а его на прогулку выводят. Смирный такой. Глаза пустые, в одну точку смотрят, изо рта слюнка на воротник капает. А он сидит и солнышку улыбается. И Регеций вокруг него пляшет, наслаждается зрелищем. Вот и весь Вася Конарев. Зашел в один прекрасный вечер к себе в комнату, набрал полную ванную тепленькой водички и уснул навсегда. Утром выловили его и, как положено, вперед ножками, с почестями вынесли. Ты теперь, кстати, в его почетной резиденции отдыхаешь.

— Блин, этого мог бы и не говорить, — брезгливо поморщился я.

— Ну, вот видишь. Говорю же, мнительный!

— Ты не такой?

— Колян, да мне вообще похеру! Меня, чтобы до веревки довести, надо не знаю что сделать, — он засмеялся, — Опустить на зоне, наверное. Не меньше. Но с этим проблем нету. На зоне я в авторитете. Так что хер им, а не веревка. И тебе советую возложить на них с прибором. Иначе сожрут.

Леха подозвал официанта и попросил добавки. Мне захотелось остаться в одиночестве, поэтому я извинился и ушел к себе в комнату. Открыв дверь, чуть не подпрыгнул от неожиданности. На кровати сидела Татьяна.

— Привет, — холодно сказала она.

— Привет, — тихо выдавил я, совершенно сбитый с толку, — Ты откуда здесь?

— Аглая попросила с тобой поговорить.

— Давай поговорим. Чай сделать?

— Нет. Некогда. Меня такси ждет. Поезд через час.

— Какой поезд?

— Электропоезд! — рявкнула Татьяна и скривилась, — Может, хватит уже пустых расспросов? Просто слушай и ничего не спрашивай. У меня нет желания опять строить из себя дебилку.

У меня перехватило дыхание, а в груди снова появилась тупая боль. Я присел, но не на кровать, а прямо на пол.

— Я практикантка. Студентка. Учусь на психиатра в Киеве. Пишу диплом по СПС. Меня Тамарой зовут, а никакой не Татьяной. С тобой вошкалась только для того, чтобы в интернатуру попасть. Мне обещали должность в моем городе, если заплачу и пройду четырехмесячную практику в Харькове. На тебя мне глубоко насрать, как, собственно, и на всех остальных дебилов в этом дурдоме. Мало того, не могу не сказать: ты мне отвратителен до икоты. Слабый, вечно ноющий, трусливый и мерзкий дебил! К тому же еще и убийца, — она скривилась, помолчала а потом прошипела, — Гнида. Такого специалиста убил! Ты знаешь, что это был за человек? Тебе до него, как до Луны раком! Я еле дождалась, когда ты уснешь, чтобы поскорее свалить! Хорошо еще, что трахнуть не согласился, а то я, наверное, не пережила бы. Ненавижу тебя, мразь! Искренне желаю, чтобы ты сгнил в этой камере смертников заживо! Адъёс, придурок!

Я не стал никак реагировать на ее слова. Просто сидел и смотрел в одну точку. Как какой-нибудь Вася Конарев, только без улыбки. Она встала, медленно прошла к выходу и демонстративно хлопнула дверью. Помой с моей головы стекали еще очень долго.

Глава 7. Экстаз Ререций

Очнулся я только тогда, когда почувствовал, что кто-то сильно трясет меня за плечи. Вернувшись в реальность, увидел перед собой Лехину физиономию.

— Ты че это, Колян? Тебе херово, что ли? Эй! Сосед! Слышь?

— Нормально, — сказал я хриплым голосом, а потом прокашлялся и повторил, — Нормально.

— Да вижу! Что случилось-то? От борща пучит, что ли? Капуста, она такая! Эй! Не пропадай! Ау! Вернись нахер обратно! — он похлопал меня по лицу.

— Да говорю же — порядок.

Для убедительности я встал на ноги.

— Слышь, ты меня извини, конечно, но, по-моему, Ререций с тобой диагнозом ошиблась. Ты, по ходу, реально шиз конкретный.

— Ко мне Татьяна приходила.

Он восхищенно промычал.

— И че?

— Ты прав был насчет практикантов.

— Это она тебе сказала?

— Сказала — это мягко сказано. Херами обложила и обгадила с ног до головы. У меня в голове не укладывается, как можно было все это камуфлировать под СПС?

— На то они и психиатры, старик, — задумчиво пробубнил Леха, — Ты еще и половины не видел из того, что тебя ждет. Сломают тебя. Теперь точно вижу, что ломают. Уже надломили. А жаль. Хороший ты мужик. Правильный. Жалко будет, если так...

Я хотел бы возразить, но знал, что он прав. Если такие... Если то, что случилось с Татьяной (или Тамарой) — это и есть та самая экспериментальная психиатрия, то долго я продержаться не смогу. Да и времени лишнего не было. Там, за этими идеально выкрашенными стенами, меня ждала дочь. Я был уверен, что она скучает по папе. Возможно, даже сильнее, чем я по ней. Она вынуждена каждый день видеть равнодушное лицо своей матери, которая хочет от нее только одного — чтобы дочь поскорее выросла и взяла на себя ответственность за поддержку ее в старости.

— Мне нужно бежать, Леха. Сегодня.

— Ну, началось, — тяжело вздохнул сосед.

— У меня выбора нет. Нужно дочь спасать.

— А что с ней?

— Долго объяснять. Скоро прогулка. Нужна будет твоя помощь.

Он смотрел на меня и долго думал. Затем почесал нос и сказал:

— Ладно. Только если вернут обратно, я тебя сам нахер повешу, чтобы проблем лишних больше не иметь. Усек? Задрали меня все эти страсти ванильные. Устал я.

— Усек.

— Давай. Я пока к себе. Как будешь готов — свисти.

— Добро.

Он ушел. До прогулки оставалось двадцать минут. Я потратил их на то, чтобы побриться и одеться потеплее. Так и подмывало устроить на прощание какую-нибудь пакость, но я подавил в себе мальчишеские стремления, подумав, что это может послужить лишним риском для побега. К тому же, какую пакость я мог совершить, не имея в запасе ни времени, ни возможностей? В конце концов, мой побег уже будет немалой пакостью. А если удастся, то потом можно будет и все темные делишки Регеций раскрыть, которыми она промышляла во вверенном ей учреждении.

Я постучал в дверь к Лехе. Он сразу ее открыл. Видимо, стоял рядом и ждал. Я сделал вывод, что сосед нервничает, хотя по его внешнему виду этого было совсем не заметно.

— Веди себя естественно, — тихо сказал он, — После того, как Танька с тобой побазарила, за тобой по-любому наблюдать будут, как за американским шпионом. Если кто-нибудь хоть что-то заподозрит, тебе п...здец. А замечать тут умеют лучше, чем самые американские из всех американских шпионов. Поэтому лучше отключись от тех мыслей, которые взрывают мозг и думай о чем-нибудь приятном. Об остальном я подумаю за тебя. Когда скажу «беги» — не думай ни секунды. Просто срывайся и лети, как будто за тобой десяток питбулей гонится. Сделаешь все правильно — будешь жить. Нет — даже не расстроюсь. Насрать мне на слабаков. Все. Вали.

— Подожди, — сказал я, — А где ты жил до того, как сюда попал?

— Нахера тебе?

— Долго объяснять.

— Ну, тогда не твое собачье дело.

Я хотел было рассказать, но Леха пнул меня в плечо, и мы пошли к выходу.

На рецепции снова толпились в ожидании люди. Ждать пришлось не долго. Аглая и ее козырная улыбка появились почти через минуту.

— Здравствуйте, мои дорогие! — сильно переигрывая, воскликнула Регеций, — Какие сегодня все замечательные! Вы посмотрите на эти лица! Они же просто искрятся радостью! Видимо, сегодняшней обед был и в самом деле вкусным. Не знаю, как вам, а я просто в восторге от новых пирожных! Правда, Юлия?

Лицо девушки, к которой обращалась Аглая, было полной противоположностью того, что изображала из себя психиатр. Бледное, хмурое, уставшее. Под глазами — черные круги. Ее худые руки дрожали. Но когда она отвечала, ее губы растянулись в подобии улыбки.

— Да, — чуть слышно промямлила Юлия, — Очень вкусные.

— Ну, что? — бодро спросила Регеций, — Все в сад? Открывайте!

Она посмеялась своей же жизнерадостности и, поглаживая по спинам пациентов, вышла наружу. Мы с Лехой последовали за ней. Едва оказались на улице, в глаза ударил яркий солнечный свет. Я зажмурился. Пока глаза привыкали, Регеций подошла ко мне и взяла под руку.

— Как ваши дела, Николай? — заботливым тоном поинтересовалась она, — Вы уже поговорили с Татьяной?

— Да. Поговорил, — я старался говорить как можно спокойнее, хотя ей и так было ясно, что я чувствую.

— Замечательно! — нараспев сказала она, — Уверена, теперь у вас нет сомнений насчет моей искренности с вами.

— Да уж, какие тут могут быть сомнения? Татьяна, вернее Тамара, была очень убедительной.

— О! Она вам даже имя свое назвала!? Браво, Николай! Видимо вы таки тронули ее каменное сердце. Я уж думала, что такую неприступную скалу ничем не проймешь. Вы и вправду необычный гость! Ну, хоть в вас я не ошиблась. Это не может не радовать.

— Судя по вашей ослепительной улыбке, радости вам не занимать. Вы, видимо, всегда радуетесь. Непрерывно, так сказать.

Она громко захохотала.

— Ой, рассмешили, Николай. Спасибо. Давно так не смеялась.

Мы медленно брели в направлении площадки для прогулок, и я чувствовал, как дрожу от ярости. Регеций, будто щупальцами, впилась в мой локоть. Безусловно, она чувствовала эту дрожь и, конечно же, пребывала в полнейшем экстазе от происходящего.

Только сейчас я вспомнил о Лехе. Оглянулся по сторонам и понял, что его нигде нет. Постепенно ярость сменилась недоумением. На миг я даже подумал, что он, как и Татьяна, меня предал. Но я ошибался.

Мы доковыляли до площадки. Кто-то, как и вчера, уже играл в бадминтон, кто-то курил, кто-то просто сидел на лавочке. Я тоже собирался присесть, но Регеций напрягла щупальце и сквозь зубы и вечную улыбку прошипела:

— Давайте прогуляемся, Николай. Вы пропустили утренние процедуры. Нам надо компенсировать упущенное, — а затем, уже в полный голос, — Вы же не против прогуляться

с дамой? А? Николай? Составьте мне компанию!

«Еще бы! Да я с удовольствием с тобой прогуляюсь, тварь!» — подумал я, но вслух сказал:

— Конечно, — и пожал плечами.

— Какой сговорчивый кавалер, — пропела Регеций, — Я так за вас и замуж выйду.

Она снова залилась громким, пронзительным смехом.

Мы уже отошли на почтенное расстояние от площадки и хватка ее щупальца несколько ослабла.

— Поздно. Я уже занят.

— Да что вы? — вскинула она брови, — А у меня совсем другая информация! Неужели обманули?

— Какая еще информация?

— Да не обращайтесь внимания, Николай. Видимо просто слухи, — она бросила на меня взгляд, полный наслаждения. Эта чертова садистка испытывала колоссальное удовольствие, ее глаза блестели, — Ну, ладно, ладно. Так и быть. Расскажу. Ваша жена подала на развод. А ваша дочь... Юлия, если не ошибаюсь. Правильно?

Я не стал ей отвечать, но она молчала и пристально сверлила меня взглядом.

— Да, — тихо сказал я.

— Юлия! — посмаковала Регеций, — Так вот, рада сообщить, что ваша любимая дочь Юленька успешно прошла курс электрошоковой терапии. Я лично координировала процесс и могу заверить, что теперь она полностью здорова. Она уже даже ходит в детский сад! Представляете? Правда, пока в группу для детей с умственными отклонениями. Но, я как специалист, могу вас заверить, что у нее все будет хорошо. Электрошоковая терапия — процесс довольно серьезный, болезненный, поэтому полная реабилитация от его последствий занимает не менее года. Ребенок рисковал иметь наследственные склонности к СПС, но теперь она больше никогда не станет жертвой того досадного недуга, коим страдает ее любимый папочка. Хотя, теперь, наверное, она будет называть вас не иначе, как отец. С чем вас от всей души и поздравляю.

Она отпустила мою руку, оскалила все свои идеальные зубы, захихикала и быстро-быстро заплодировала. Вид у нее при этом был настолько неестественным, что я ощутил себя внутри какого-то фестивального кино, наполненного неадекватными персонажами. Еще секунда и она начнет рвать на себе одежду и плевать слюной.

Я сжал кулак, но ударить так и не успел. Внезапно из кустов выскочил Леха и с диким ревом всадил свой кулак прямо в челюсть Регеций. Послышался хруст. Она упала сначала на одно колено, затем на второе, а затем и вовсе встала на четвереньки. Из рта густой, толстой струей сползала тягучая, жирная, густая кровь. Она стояла и рычала при каждом выдохе. Из ноздрей начали появляться прозрачные пузыри соплей. Аглая несколько раз прохрипела, а затем принялась дергаться всем телом. Она беззвучно вздрагивала, потом села на задницу и посмотрела на меня.

Глаза ее были наполнены слезами, челюсть скошена в сторону, но окровавленный рот продолжал улыбаться. Я, наконец, понял, что с ней. Она смеялась! Она сидела на тротуаре, истекала кровью, у нее во рту теперь явно не хватало зубов, но, не смотря на это, продолжала оргазмировать от того, что ей удалось сотворить со мной! Сотворить с моим ребенком!

Я, не понимая, что делаю, заорал во все горло и врезал ей ногой по лицу. Челюсть хрустнула в очередной раз, окончательно ломаясь, ее голова откинулась назад, тело рухнуло

на спину и замерло.

Только теперь я заметил, что Леха орет на меня благим матом.

— Мудак сраный! Я тебя сейчас тоже рубану! Вали! Бегом, твою мать!

Я бросил последний взгляд на неподвижное тело и рванул прочь.

Пробежав несколько десятков метров по тротуару, услышал крики. Что именно кричали, разобрать не удалось. Я немного сбросил темп и обернулся. Мой бывший сосед дрался с какими-то двумя амбалами. Первого ему удалось сбить с ног. Тогда второй просто достал пистолет и выстрелил Лехе в голову. Из его затылка вылетела буро-коричневая масса и испачкала листья кустарника. Тело обмякло и рухнуло на землю.

Глава 8. Юлька

Я бежал так, будто за мной гнались не вооруженные громилы, и даже не свора питбулей. Я бежал так, словно за мной гонится сама смерть с лицом Регеций и щупальцами осьминога. Кое-как продравшись сквозь плотные заросли кустарника, я наткнулся на двухметровый бетонный забор. Шаги за спиной приближались и становились все громче. Рванул вдоль забора и через пару десятков метров нашел пролет с выбитыми в нем уступами, за которые можно было ухватиться. Не теряя ни секунды, подпрыгнул, вцепился в бетон, и, срывая ногти, подтянулся. Ноги отчаянно елозили по гладкой бетонной плоскости. Я ослабил хватку, собрался с силами для нового рывка и еще раз оттолкнулся. На этот раз удалось подпрыгнуть на полметра. Этого хватило для того, чтобы уцепиться за верхний торец забора. Левую ладонь тут же обожгла острая боль. Верхушка забора оказалась испещрена битым стеклом, вмурованным в бетонный раствор. Я скривился от боли, но хватку не ослабил. Подтянувшись до пояса, перебросил ногу наружу и просто рухнул с двухметровой высоты, чуть не зашибив при этом страху, которая в этот момент как раз проходила мимо.

Падение пришлось на правый бок и в груди что-то хрустнуло. Это было ребро, сломанное в двух местах при ударе о тротуар. Старуха ойкнула, совсем не по-стариковски отскочила в сторону, что-то буркнула под нос и поспешила прочь.

Отдышавшись от длительного бега и острой боли, я кое-как поднялся на ноги и, согнувшись пополам, побежал через проспект. Со всех сторон сигналили машины, кто-то возмущенно проклинал меня, неистово вдавливая клаксон. Засвистели тормоза, в нос ударил запах горелой резины. Мне удалось перебежать проспект, ни разу не столкнувшись, ни с одним автомобилем. И уже у самого бордюра почувствовал, как правая нога от сильного удара по лодыжке подлетает вверх!

Я упал на капот машины. Та резко затормозила, сбрасывая меня обратно на асфальт. Сломанное ребро пронзила нечеловеческая боль. Дыхание перехватило. Я даже не мог закричать, беспомощно открывая рот, словно рыба, выброшенная из воды. Тем временем из машины выскочил испуганный водитель, подбежал ко мне и спросил:

— Живой?

Я с трудом выдавил.

— Да. Подвезешь?

Тот, не говоря ни слова и испуганно озираясь по сторонам, подхватил меня под плечи и помог подняться. Усадил на заднее сидение и бегом рванул за руль.

— В неотложку? — запыхавшись, спросил водила.

— Прямо! — заорал я, заметив, как к машине бегут четверо мужиков с пистолетами в руках, — Быстрее, бля! Убью, сука! Я из дурки сбежал! Ща убью нахер! Гони!

Мужик включил передачу и вдавил педаль газа в пол. Старенькая иномарка скрипнула подвеской и резво начала набирать скорость.

— Впереди большой перекресток, — сказал водила относительно спокойно, — Там пробки. Не объедем.

— На встречу выезжай!

— Да ты больной, что ли? На какую...

— Ты не понял до сих пор!? Я буйный! Я тебе сейчас горло перегрызу, и мне ничего не будет! На встречу, я сказал! Давай!

Не сбрасывая скорости, мужик пересек двойную сплошную и вырулил на полосу встречного движения. Едва не столкнувшись с несущейся навстречу «Газелью», он коротко выругался, включил дальний свет и принялся непрерывно жать на клаксон. Машин на полосе поубавилось, а те, кто приближался, резко сворачивали вправо, давали возможность проехать.

Я осмотрелся. На полу лежали кое-какие инструменты. Взял отвертку и показал водителю.

— Я тебе ее в глаз вставлю, если надумаешь дурака валять.

— Да понял я, мужик! Понял! Поедем, куда скажешь! Не нервничай только!

— У тебя деньги есть?

Он, не говоря ни слова, достал из кармана ветровки бумажник и протянул мне. Я выудил из него несколько купюр, а остальное вернул обратно.

Назвал ему адрес детского сада, в который ходила Юлька. Он кивнул и свернул на проспект, ведущий в нужном направлении. Через пятнадцать минут я его отпустил.

Двор сада гудел от детских голосов. Было время вечерней прогулки, и малыши вовсю резвились в песочницах, на качелях, просто бегали по игровым площадкам. Я прошел вдоль забора с наружной стороны и остановился у площадки, которая была всегда закреплена за Юлькиной группой. Дочери среди знакомых детских лиц видно не было. Воспитатель посмотрела в мою сторону, дважды хлопнула в ладоши, и громко сказала:

— Та-ак! Построились! Я сказала: строимся, строимся! Семен! Выплюни песок немедленно! Встали парами! Заходим в корпус! Пошли!

Дети сгруппировались, но кудрявой, пушистой головки я среди них так и не обнаружил.

Регеций говорила, что Юльку перевели в группу для умственно-отсталых, или что-то вроде того. Я вспомнил, как она это говорила, какое выражение лица у нее при этом было, и с трудом сдержался, чтобы не взвыть. Справившись с эмоциями, пошел дальше. На других площадках дети все еще играли и не собирались никуда уходить. Видимо, воспитательница все-таки узнала меня и решила увести детей в безопасное место. Конечно, она знала, что со мной произошло, и была предупреждена, что я могу когда-нибудь вот так вот появиться. В таком случае, у меня оставалось совсем мало времени. Теперь она обязательно сообщит об этом в милицию или Марии.

Дети бегали по площадкам, создавая непрерывно вращающийся калейдоскоп из ярких одежд. Я пристально всматривался в каждого, но никак не мог отыскать своего ребенка. Подошел к последней площадке в полной уверенности, что сегодня Мария просто не привела Юльку в садик. Дело в том, что на этой последней площадке гуляли дети на год или два старше моей дочери. Но именно среди них я и нашел кудрявую, рыжую головку. Малышка сидела в песочнице, копала игрушечной лопаткой маленькую ямку.

— Солнышко, — с трудом сдерживая слезы, позвал я.

Она услышала и посмотрела в мою сторону. Ее глаза были такими же живыми, но лицо не выражало абсолютно никаких эмоций. Юлька встала, бросила лопатку и медленно, балансируя, чтобы не упасть, пошла к забору. Воспитательница была слишком занята другим ребенком, который ударил девочку палкой по голове. Девочка с ненавистью смотрела на обидчика, воспитательница шлепала пацана по попе, а тот обзывал ее последними ругательствами, вместо того, чтобы плакать от обиды.

Юлька подошла с противоположной стороны забора.

— Привет, солнышко! — я присел на корточки и протиснул руку между жердями.

Она посмотрела на их и сделала шаг назад.

— Ты что, малыш? Это же я!

— Ты грязный.

Я осмотрел себя и только сейчас понял, что протянул окровавленную руку.

— Прости. Я порезался.

— А я домик строю.

— Ты молодец, солнышко. Ты у папы строитель. Да? — я улыбнулся.

— Для принцессы домик. Но она туда не помещается, — она рассматривала свои крошечные пальчики, смешно растопырив их в разные стороны, — А почему ты так рано за мной пришел?

— Я не смогу тебя сегодня забрать, малыш. Тебя вечером заберет мама. А мне нужно уехать. Я пришел, чтобы попрощаться.

— Куда?

— Далеко, солнышко. Очень далеко.

— А ты домой вернешься?

— Нет, не вернусь.

— Как гадкий утенок, да?

— Почти... — говорить было трудно, я с трудом сдерживал слезы.

— А почему ты меня так называешь?

— Как?

— Солнышко!

— Ну, посмотри на себя! Ты же настоящее солнышко! Такая же рыжая, такая же пушистая, тепленькая и даже улыбаешься также. А еще потому, что я очень-очень тебя люблю. Ты знаешь, что это значит?

Она пожала плечиками.

— Это значит, что я готов для тебя сделать все-все. Понимаешь? Я — твой папа. И я тебя очень люблю.

— И ты даже можешь большой домик сделать?

Я заметил, что воспитательница закончила воспитательный процесс с мальчуганом и обратила внимание на меня.

— Солнышко, если я тебя обниму и поцелую, ты не испугаешься?

— Сделай домик! — вдруг воскликнула Юлька, вскипая от гнева и игнорируя мой вопрос. Брови нахмурены, губы плотно сжаты.

— Не могу, Юлька, — выдохнул я, — Мне нужно бежать.

Дочь посмотрела на воспитательницу. Та все еще занималась воспитанием драчуна.

— Подойди ко мне, малыш.

Я подобрался к решетке забора поближе, протиснул между жердями голову и руки,

нежно прижал к себе дочку и прислонился щекой к рыжим кудряшкам. Понимая, что в последний раз в жизни обнимаю своего ребенка, последний раз в жизни вдыхаю ее молочный запах, я не смог сдержать предательских слез. Одна из них упала Юльке на лоб, и она посмотрела на меня. Я чувствовал себя предателем.

— Ты что, плачешь?

— Уже нет, зайка. Уже не плачу.

— Ты что, маленький?

— Нет, солнышко. Взрослые люди иногда тоже плачут.

— Я теперь не плачу, — гордо заявила Юлька, — Я взрослая и не плачу! Меня тетя наказывала, а я плакала. А потом тетя еще много раз наказывала, и я стала взрослая. А еще я никого не люблю. И тебя.

Я молча кивнул, чувствуя, как скулы едва не хрустят от напряжения.

— Я уже поругал эту тетю. Она больше никогда-никогда тебя не накажет. Не бойся ее. Хорошо?

Мальшка кивнула.

— Я буду по тебе скучать, Юлька.

— Это как?

— Это когда ты хочешь кого-то видеть... когда очень сильно кого-то хочешь видеть, а его рядом нет. Понимаешь?

Она пожала плечиками и ничего не ответила. Я прислонил свои ладони к ее щекам и сказал:

— Юля, послушай меня и запомни навсегда-навсегда. Хорошо? — она кивнула и посмотрела мне в глаза, — Папа тебя очень сильно любит и будет за тобой сильно-сильно скучать. Запомни это, золотко. Навсегда-навсегда запомни. И когда будешь взрослая, все равно не забывай. Ладно?

Она кивнула.

— И прости меня, доченька. Прости, моя хорошая.

Встревоженная воспитательница теперь говорила с кем-то по мобильному, попутно собирая в группу детей. Я еще раз крепко обнял малышку, поцеловал в щеки, и в последний раз прикоснувшись к непослушным кудряшкам, сказал:

— Прощай, золотко... Надеюсь, у тебя все будет хорошо.

Юлька, ничего не говоря, быстро развернулась на месте и побежала к воспитательнице.

Я еще долго стоял. Смотрел на то, как ее крошечная фигурка с рыжей, пушистой шевелюрой, исчезает за дверью корпуса детского сада. Затем еще пытался разглядеть кудряшки в окне вестибюля, но так больше ничего и не увидел. Уходил на ватных, непослушных ногах. Болело ребро, но по сравнению с тем, как болела душа, физическая боль казалась просто легким зудом.

Купил в первом попавшемся киоске бутылку воды, вымыл руки от крови и дворами вышел к метро. Только у входа я понял, какую роковую ошибку мог совершить, войдя внутрь. На каждой станции дежурила милиция, которой наверняка уже разослали ориентировки о беглом психопате, который покалечил своего психиатра и захватил в заложники ни в чем не повинного водителя иномарки.

Пришлось сменить маршрут и добираться до окраины города на троллейбусах. Там я нанял такси и, уговорив таксиста объехать дежурный пост ГАИ окольными путями, оказался на ближайшей от города железнодорожной станции. Через пару часов я уже выходил из

электрички на знакомый перрон. Вдали чернело поле, вспаханное после уборки пшеницы. За ним — посадка.

Часть 5. А вот и я!

Пластмассовый мир победил,
Макет оказался сильнее.
Последний кораблик остыл,
Последний фонарик устал.
А в горле сопят комья воспоминаний.

Егор Летов, «Моя оборона»

Я нашёл свободу. Утрата всяких надежд была свободой.

Чак Паланик, «Бойцовский клуб»

Глава 1. Дурачок.

Он встретил меня без толики удивления. Мне показалось, даже ждал моего приезда.

Что, собственно, он сам и подтвердил, бросая вместо приветствия:

— Что-то долго ты ко мне ехал, ели-пали. Я тебя на следующий день уже выглядывал.

Я пожал протянутую мозолистую руку комбайнера. Тот приветливо улыбнулся и по-дружески похлопал меня по плечу. Этот простой жест показался таким теплым и таким нереальным в этом мире, что я даже немного засмутился.

— Нет, я серьезно, — не унимался Гена, — Ты разве не видел, что тут творится?

— Да видел... — с грустью отмахнулся я, — Приболел чуток, пришлось задержаться. А так бы уже на третий день, думаю, приехал бы. Вижу, тебя даже спрашивать ни о чем не надо?

— Да что тут спрашивать, добрый человек, — он жестом указал на калитку и подтолкнул в спину тяжелой рукой, — Идем во двор, посидим, поговорим, расскажу что знаю. А там уже сам думай, как быть да что делать.

Во дворе суежилась Варя, развешивая стираное белье на растянутые через весь двор веревки. Завидев гостя, она тихо поздоровалась и тут же предложила накрыть на стол, вызывая у меня улыбку. Вот, что не меняется ни в том, ни в этом мире — гостеприимство этого дома.

Стемнело. Над столом горела лампа, привлекая своим ярким светом стаи мошкары, которые небольшой тучкой кружились над головами. Сверчки отовсюду стрекотали свои мерные песни. Странное дело: мошкара в сентябре. Но было так.

— Что ж ты не сказал мне сразу? — я старался говорить так, чтобы в голосе не прозвучал упрек.

— А зачем? Что изменилось бы, ели-пали? Обрато нырнул бы, что ли? Не поехал бы к семье?

— Поехал бы, — кивнул я, — Конечно, поехал бы.

— Ну, вот. Так что извиняй. Ты такой счастливый был, что обламывать не хотелось.

— Правильно поступил. Все правильно, — я вздохнул, перебирая в голове события последних месяцев, а когда справился с воспоминаниями, спросил, — Помню, у тебя эликсир жизни был. Может угостишь? А то поговорить надо, а без анестезии, боюсь, может не получиться.

— Дык ели-пали! — Гена оживился, потер ладони и даже вскочил с лавки, — Этого добра полный пузырек!

Он принес знакомую бутылку и разлил по знакомым стаканам. Мы выпили.

Я не знал, с чего начать разговор, поэтому решил сначала расспросить Гену.

— Как ты тут вообще? В этом вот всем...

— Да как-то... — он неопределенно пожестичулировал пальцами в воздухе и махнул рукой, — Живу как-то, ели-пали. Жена, вон, есть... Тружусь, детей ращу. Вроде, люблю их... А что еще надо? Привык, наверное. Я-то из детства почти ничего уже и не помню. Помню, что мамка любила меня сильно. Строгая она у меня была, конечно, но... Гоняла крепко за всякую шкodu. Бывало, и хворостиной могла пригреть, но опосля, обязательно пожалеет, приголубит. Батя — тот, будто, такой и был всегда. Вроде и не изменился даже. Но мамка, конечно, да... — он снова налил, выпил и продолжил: — Сильно поменялась мамка. Вроде как мачехой стала. Ни тебе доброго слова, ни полслова. Пороть стала, как сидорову козу. Но что я? Мальцом ведь был. Что я мог понимать? На свой счет принимал. Думал, повзрослел, стал непослушным, вот мамка и гоняет сильней. Но, бывало, подойду к ней, обниму, прижмусь... Ну мамка же как-никак, ели-пали! Материнской ласки-то хочется. А она леща мне по затылку — хрясь! Куда, говорит, лезешь, стервец. Еще и ухо накрутит до синяков. И обидно мне так становилось, аж до соплей! Убегу на речку, пореву втихаря и домой иду, ели-пали. А куда мне было? Не в болоте ж опять идти топиться. Так и живу тут. До сих пор меня всерьез не воспринимают. Стебуются иногда. Вроде, как дурачок местный. А я на них обиды и не держу, Коль. Что с них взять? Мне их, вроде, и жалко даже. Да как им объяснишь? Вот и не трогаю никого. И меня не трогают.

Он тяжело вздохнул, снова налил и посмотрел на меня:

— Может, еще бахнем чуток? А то мне по душам-то и поговорить не приходится. Тут чужие горести никому не интересны, не нужны. А ты, вроде, даже слушаешь... Давай?

— Давай, — согласился я.

Мы выпили и на несколько минут замолчали, плотно закусывая крепкий напиток.

— А жене-то ты своей рассказал, откуда взялся? — спросил Гена, прожевывая ломоть черного хлеба с салом.

— Нет, — покачал я головой, — Не сказал. Она уже и не жена мне, наверное. На развод подала. А меня в дурдом упекли. Сначала в тюрьму, потом туда.

— Во какой! — восхитился Гена, — Не успел появиться, а уже делов наворотил. Че это ты? Прибил кого-то уже?

Я, сидя в задумчивости, кивнул. Улыбка исчезла с лица комбайнера.

— Да ладно! Правда, что ли, убил?

— Психиатра одного. Он мать мою убил. Да я и не решился бы, наверное. Он сам виноват. Бежал быстро, упал неаккуратно... Долго рассказывать, в общем.

— И как же ты на свободе оказался?

— Сбежал из дурдома. Один хороший человек помог. Он потом погиб из-за меня.

— Да-а-а... — выдохнул Гена, почесал голову и снова налил.

Я чувствовал, что начинаю пьянеть, поэтому пить отказался. Но комбайнера это

нисколько не смутило. Он пожал плечами и, не говоря ни слова, осушил свой стакан. Потом утер губы и сказал:

— За хорошего человека. Помню, в детстве моего деда так мужики поминали.

— Гадко как-то, Гена. На душе гадко. Я же все-таки человек! Сколько я горя и неприятностей принес здешним людям? И ради чего? Жена мужа потеряла, дочку так и не спас, человека вон убил... Да и мать до сих пор жива была бы, если бы я не влез.

— Да ты не ешь себя, Коля. Я тебе так скажу: тут обидеть кого-то сложно. Разозлить — это да. Но обидеть, — он отрицательно покачал головой, — Не тот случай. А почему? Да потому что плевать всем и на тебя, и на все остальных вообще. И на то, что ты о них думаешь им тоже плевать, ели-пали. Ты правильно все сделал. Главное — не доказывай никому ничего. Все равно не поймут, зато дураком считать будут. А оно тебе надо? Я вот мамке своей рассказал, что утоп в болоте, и что? Даже вспоминать противно...

Повисла минутная пауза.

— Как думаешь, у них душа есть?

— Душа? — он вздохнул, налил, обхватил свой стакан и, не поднимая его со стола, продолжил, — Кто его знает, Коль. Вроде ж живые... Да? Должна быть, ели-пали... Сам много раз думал об этом. И каждый раз понимал, что нету ее у них. Но всегда хотелось верить, что ошибаюсь. Вот и сейчас тебе говорю, что не знаю, а сам-то ведь знаю... Видать, обманываю сам себя, чтоб жить было не так страшно.

— И как же ты с женой-то?

— Да как! — Гена засмеялся, — Души-то, может, и нету, зато страсти, хоть отбавляй! Огонь баба, грех жаловаться, ели-пали. Иной раз даже не знаю, куда от нее прятаться.

Я улыбнулся и мы чокнулись.

— За душу человеческую, — провозгласил Гена.

— За любовь, — добавил я.

Мы снова выпили, и стало чуть легче. Я представил, как этот человек всю свою жизнь, по сути, проводит в одиночестве. Всю жизнь! Среди двигающихся, говорящих, мыслящих тел. Всю жизнь с людьми без толики человечности. Один. Мне стало его очень жалко, но, в то же время, я понимал, что оказался в еще более худшем положении. Он уже не помнит, что жизнь может быть другой. Я же сюда попал уже успев полюбить так, как, наверное, любить нельзя. И в этот момент я сильно почувствовал... Почувствовал и осознал, что не хочу так. Не хочу один! Пусть в том, в моем мире, не осталось самых дорогих мне людей, но, даже не смотря на это, в нем я не был одиноким. Пусть я не хотел замечать очевидной поддержки Лехи, пусть мне никто больше не был нужен, но там были люди. Настоящие! Живые! Любящие! Люди, которым нужен был я. Которые меня любили. Но я их бросил. Я бросил маму, бросил друга, Фила бросил. А ведь им теперь также тяжело, как и мне. Они потеряли родного человека! Дорогого! Нужного!

Чем больше я обо всем этом думал, тем больше ругал себя за то, что сделал. Почему я не задумывался о таких очевидных вещах пока не столкнулся с этой реальностью? Не знаю... Возможно потому, что сам стал пустым и бездушным после смерти семьи.

Глава 2. Один

— Вернуться не пробовал? — я заискивающе посмотрел Гене в глаза.

— Куда? — удивился тот, но, уловив ход моих мыслей, нахмурился, — В болото, что ли?

Я едва заметно кивнул, продолжая пытливо всматриваться в его глаза и стараясь не упустить ни единой эмоции на лице собеседника. Он напрягся, сцепил пальцы в замок,

оперся локтями о стол, всем корпусом подаваясь вперед и, глядя на меня исподлобья, тихо, но твердо сказал:

— Даже не думай, — он застыл, словно статуя, лишь едва заметно поигрывая желваками, и для пущей убедительности повторил, выделяя каждое слово по отдельности, — Не вздумай!

Наступила тишина. Эта немая дуэль продолжалась еще около минуты, по истечению которой Гена сдался и, закрыв глаза ладонями, тихо запричитал:

— Ой, дурак... Ой, дурак! Слушай, тебе мало, что ли? А? Не натерпелся, ели-пали? Чего ты хочешь добиться, подумал вообще? — он начинал заводиться, постепенно переходя на повышенный тон, — Тут жена твоя, дите, ели-пали... Живые, здоровые! Мало тебе? Хотел, чтоб живые? Так вот они!

— Это не они, Гена... Дочка была до недавнего времени живой, но я все испортил.

— Ну, как это не они? А кто же, ели-пали? Ты-то их узнал как-то? Значит они! Ну, отмороженные чуток... И что? Или тебе лучше, чтобы вообще никаких не было? Ты вообще думал, что тебя ждет с той стороны? Что с тобой будет, если живой останешься? Куда попадешь? Ты с какого такого перепугу вообще решил, что обратно вернешься? А если это ворота в одну сторону? А? Меня вот назад откинуло, тебя тоже... Еще на годок назад хочешь? Валяй! И чего добьешься? Куда попадешь? Опять в какую-нибудь дыру? А там уже, Коля, не бездушные будут. Там чего-нибудь похлеще нарисуеться! Как бы к безмозглым не попал, ели-пали! Вот тогда и запоешь! Только поздно будет. Ты от кого добра-то ждешь? От чего, ели-пали? Ты от болота благословения искать собрался? Или до сих пор не понял, с чем связался?

— А у тебя есть догадки?

— А чего тут гадать? Чего гадать-то, Коля? Зло это! Зло, самое настоящее! И затягивает оно, как тот омут. Зовет все дальше идти, все глубже в него нырять. Заставляет! И будет сука заставлять, пока ты его сам к такой-то матери не пошлешь, — Гена засопел, переводя дыхание после пламенной речи, а затем добавил уже чуть спокойнее, — Я послал и не жалею...

С этими словами он заглянул в свой стакан, затем отставил его в сторону, взял со стола большую эмалированную кружку и, наполнив ее на две трети, молча опрокинул в себя. Утерев рукавом выступившие от крепкого напитка слезы, продолжил свои убеждения:

— Плюнь! Не дергайся, не шевелись! Подожди, в конце концов. Тебя ж никто отсюда не гонит. Ты от ментов прячешься? Так пересиди у меня! Тебя тут искать не будут. Отсидишься чуток и возвращайся! Живи! Жизни радуйся, ели-пали! Дочку расти! Попробуй воспитать то, чего в ней сейчас нету. Ну, а что? Вдруг получится!? — его язык начинал сильно заплетаться, и становилось трудно разобрать, что он говорит, — Сам подумай: ты знаешь обо всем, что в ближайшие полгода здесь происходить будет. Так заработай на этом бабок, заживи, как человек! Да тут такие дела крутить можно! Мама не горюй, ели-пали! Девоч своих обеспечь! И горя не знай, ели-пали! Эх... Что с тобой говорить... Дурак ты...

Гена глубоко вздохнул и отвернулся в сторону, уставившись мутными глазами в темноту двора. Повисла тишина, нарушаемая лишь трелью сверчков и... Среди этого стрекота я едва различил еще что-то. Нечто неестественное, чужое. Какой-то низкий гул.

Мой собутыльник громко сопел носом и сидел, едва заметно пошатываясь. Его глаза то медленно закрывались, то также медленно открывались. Эликсир полностью овладел рассудком комбайнера и тот определенно готовился постичь нирвану.

Я хотел было возобновить прерванный разговор, но заметил, что гул усилился. Это было нечто, похожее на приближение очень большого самолета с пропеллерной тягой. Я вопросительно уставился на Гену, но тот сложив на столе свои массивные ручки, упал на них лицом. Что-то ему говорить теперь было бесполезно. Я, с долей тревоги, огляделся по сторонам, однако безлунная ночь была настолько непроницаемой, что рассмотреть что-то не представлялось возможным. Земля завибрировала, посуда на столе принялась подпрыгивать, переворачивая бутылку и проливая из моей рюмки самогон.

— Что это?! — вскочив с лавки прокричал я, — Гена, твою мать! Проснись! Что за хреновина происходит?

Гудело и вибрировало все. Отовсюду доносился отчаянный лай собак, иногда срывающийся на визг. Пьяный комбайнер не менял позы, словно ничего необычного и не происходило. Со скрипом отворилась дверь дома, но в проеме никого не оказалось. Дверь отворилась из-за вибрации. Стекла в окнах дребезжали, и, казалось, в любой момент могли рассыпаться на мелкие осколки. Я расставил руки в стороны, стараясь удерживать равновесие на дрожащей земле. Воздух сильно наэлектризовался, одежда и волосы начали слабо потрескивать и искрить от крошечных разрядов. Ощущался запах озона. Свет лампы становился все ярче. По спине прошла волна холода, а когда нижнюю челюсть от невыносимо низкого гула начало сводить судорогой, вдруг раздался оглушительный хлопок и все внезапно стихло. Будто по команде умолкли все собаки, сверчки и прочая живность. Гена лежал лицом на столе и тихо похрапывал. На огороде кто-то сильно кашлял. Я отошел в сторону от яркой лампы, и, привыкнув к сумеречному свету, попытался всмотреться в ночную тьму. Но ничего, кроме черных силуэтов фруктовых деревьев, растущих в конце огорода, не увидел.

Переступая через грядки с какой-то зеленью, сосредоточенно вслушивался. Я дошел почти до сада и, ничего и никого, в итоге, не обнаружив, решил вернуться назад. Обернулся. Во дворе, за столом, в свете одиноко горящей лампы, все также мирно спал Гена, распластавшись лицом по столу. А на огороде, между мной и двором, на расстоянии всего нескольких десятков метров от меня, стоял человек. Я видел только его силуэт. Судя по телосложению, это был худой мужчина. Он сильно сутулился, руки бессильно свисали вдоль тела. Мужчина смотрел во двор и медленно перетаптывался с ноги на ногу, стараясь удержать равновесие. От этого создавалось впечатление, что человек сильно пьян.

— Эй! — окликнул его я.

Тот резко обернулся на мой голос и замер. Я хотел было поздороваться, но вовремя вспомнил, что здесь это не принято, поэтому спросил первое, что пришло на ум:

— Вы что-то хотели?

Он не ответил. Еще некоторое время смотрел на меня, затем резко сорвался с места и ринулся бежать куда-то в сторону. Зашелестела листва, послышался треск ломаемых кустов и ветвей деревьев. Гулкие шаги удалялись и скоро совсем стихли.

Я вернулся во двор и уселся за стол. Руки тряслись от возбуждения. Сердце выпрыгивало из груди. Налил себе из опрокинутой бутылки остатки самогона. Выпил залпом, не закусывая. То тут, то там возобновлялись робкие трели сверчков. На порог дома вышла Варя, которая, не произнося ни слова, принялась убирать со стола.

— Варя, не знаете, что это было только что?

Она, не удостоив меня даже взглядом, продолжала складывать одну грязную тарелку за другой, но чуть погодя, словно передумав, сказала:

— Мне почему знать? Гроза, наверное. Мимо прошла, — затем взяла собранную посуду и демонстративно заковыляла прочь.

Я разбудил Гену и попытался убедить его идти укладываться спать. Тот некоторое время сопротивлялся, настойчиво требуя, чтобы я еще с ним выпил за душу человеческую, но вернувшаяся Варя бесцеремонно увела буянящего мужа в дом.

Оставшись в одиночестве, поймал себя на мысли, что единственное чего мне хочется — это проснуться. Рассудок отказывался принимать всю абсурдность и нелогичность происходящих со мной событий. Я прокручивал в памяти все, что пережил за последнее время и подумал, что могу сойти с ума, если продолжу участвовать в этом кошмарном сне. Проснуться. И будь, что будет там, наяву.

А вдруг это не сон? Вдруг я умер? Утонул в том болоте. И явь на этом закончилась. Вдруг это и есть та самая загробная жизнь? Наказание за грехи. Ад.

Внезапно очень отчетливо ощутил на себе взгляд. Я не раз читал в книгах и видел в фильмах, что люди могут чувствовать, когда кто-то украдкой за ними наблюдает, но не верил, что это на самом деле возможно. Сейчас же у меня не было сомнений, что на меня кто-то смотрит. По коже пробежали мурашки. Грудь и лицо обожгла жаркая волна. Я медленно повернул голову в сторону огорода и увидел его. Это грязное, худое, заросшее седой щетиной лицо я бы не спутал ни с каким иным. Я бы узнал его даже из миллиона похожих. Из черных, впалых глазниц на меня смотрели самые страшные, из всех возможных, глаза. Мои глаза!

Глава 3. Седой

Сердце колотилось. В голове гудело. Несмотря на ночную прохладу, лоб покрылся испариной. Человек, так похожий на меня, смотрел из-за невысокой деревянной калитки, ведущей на огород. Длинные, седые волосы, грязными сосульками свисающие до плеч, обрамляли испещренное глубокими морщинами лицо. Правую щеку от глаза до нижней челюсти пересекал уродливый розовый шрам. Было слышно хриплое дыхание, попеременно сопровождающееся то свистом, то бульканьем, то клокотанием и хрустом.

У меня не было сомнений, кто передо мной. Я даже находил его появление вполне логичным и закономерным. Все же, я в этом мире был чужаком, а значит, где-то должен был быть тот Я, для которого этот мир не был чужд. И, судя по стоящему передо мной старику, такой Я появился. Не ясным было одно — почему он вдвое старше меня? И еще было совершенно непонятно, как мне на все это реагировать.

Старик хрипло закашлялся и громко сплюнул густой комок мокроты на землю. Ему пришлось схватиться узловатой рукой за деревянную ограду, чтобы не упасть. Я поморщился, но взгляда не отвел. Тот снова посмотрел на меня и, видимо, заметив гримасу отвращения, чуть заметно усмехнулся и утвердительно качнул головой. Я был уверен, что понимаю, о чем он хочет мне сказать. Собственно, и говорить-то ничего не нужно было. Я словно вел немой диалог с самим собой. Нет, это была не телепатия. Мы не читали мысли друг друга. Просто я знал, что именно этот человек думает в настоящий момент, а он знал, что происходит в моей голове. Мы знали, потому что мыслили одинаково.

Он отдышался, и, снова обходясь без слов, качнул головой куда-то в сторону, приглашая идти. В подтверждение этого, старик развернулся и медленным шагом заковылял в темноту огорода.

Я некоторое время сидел на скамье, будучи не в силах пошевелиться. Когда оцепенение прошло, все же решился подойти к калитке, но к тому моменту уже не смог рассмотреть

ночного гостя.

Из темноты послышался хриплый, глухой голос:

— Не бойся, иди. Сам знаешь, куда зову. Надо так. Мне-то ты можешь доверять? — он засмеялся, проглатывая последнее слово, от чего снова сильно закашлялся, — Или себе. Это уж как тебе больше нравится.

Этот голос в очередной раз подтвердил мои догадки. Точнее, не голос, а его интонации. Сам голос, пусть и имел тот же тембр, но был далек от того, каким он должен быть. Теперь не оставалось и доли сомнения в том, что этот человек и есть я. Но я все еще колебался.

— И с чего это я, вдруг, должен тебе доверять?

— Не делай вид, что не понял кто я такой. Поизносился, конечно, не без того. Но не настолько же, чтобы самого себя не узнать, правда? Давай, шевели поршнями, человек-амфибия, времени мало. Много интересного расскажу. До рассвета буду тебя на болоте ждать.

Послышались удаляющиеся шаги и шелест травы. Легкий ветерок донес еле уловимый, но очень знакомый запах гниющего болота. Через минуту все стихло. Я взглянул на часы — половина первого. Рассвет наступит через пару-тройку часов, и если я намерен последовать его совету, то стоило поторопиться. Взвесив все «за» и «против», и не найдя ни единой причины, чтобы отказаться, я покинул двор и направился по темной улице к полю, граничащему с балкой. Всю дорогу не покидало странное новое чувство, будто я нахожусь в чужом доме в качестве непрошеного гостя. Подобное испытываешь, когда приходишь в кинотеатр и усаживаешься в кресле в зрительном зале, а когда гаснет свет и начинается сеанс, подходит человек, показывает билет на это место и вежливо просит тебя пересесть. Какое-то призрачное чувство вины, смешанное со стыдом и удивлением. Я словно занял чужую жизнь, и теперь мне следовало уйти. Старик хочет, чтобы я пересел на свое место. Хотя, с другой-то стороны, твердое решение вернуться к болоту было принято мною еще раньше. Так что этот визит, самого себя к самому себе, по сути, ничего не менял. В любом случае, я бы сейчас шел по этому полю, а значит, все идет так, как должно.

Снизу веяло сыростью и холодом. На краю оврага я остановился и вслушался, пытаюсь по звукам определить, где искать старика, но ничего расслышать не получалось. Слегка удивило, что из водоема не доносилось кваканье лягушек. Хотя, раньше я его тоже не замечал. Все-таки не доброе это место. И прав был Гена — ожидать от него чего-то, кроме очередной насмешки или издевательства, вряд ли стоило.

Однако я не видел другого выхода. Его просто не существовало. Моя жена и ребенок погибли. Их больше нет. Юльку я потерял. Ее больше не вернуть. Все те люди, которых я встретил здесь, не были людьми даже близко. А та, кто была так похожа на Машу, оказалась для меня еще более чужой, чем любой другой человек из моего мира. Мира, откуда я пришел.

Осторожно прощупывая ногами крутой склон, я медленно спускался навстречу густеющей вони. Она била в нос и плотно заполняла легкие своей сыростью, вызывая тошноту. Было темно. Склон стал более пологим, под ногами захлюпало. Я остановился. Снова прислушался и сумел расслышать едва различимое сиплое дыхание. Старик был где-то неподалеку. Обернувшись на звук, окликнул его:

— Эй! Я пришел.

После недолгой паузы, где-то в стороне послышался голос:

— Знаю.

Снова повисло молчание. Обувь окончательно промокла, вода растекалась между

пальцами, заставляя ежиться от холода.

— Зачем звал?

— Я не сомневался, что придешь. Кому, если не мне, знать тебя, как облупленного, Семенов. Есть, конечно, одна деликатная деталь, которая нас с тобой рознит, но в целом-то...

Его перебил приступ кашля, переросший в жуткое бульканье. Громко отдышавшись, старик продолжил:

— Как ты думаешь, сколько мне?

Немного поразмыслив, я ответил:

— Думаю, лет семьдесят...

Старик снова рассмеялся, но на этот раз обошлось без кашля.

— Мне и шестидесяти нет, Коля, — он демонстративно сплюнул, — Фу ты, мало того, что никак не привыкну к тому, что нас так называют, так еще и сам...

— Как так, — удивился я.

— Да забей... — ответил он, намереваясь замять тему разговора, но, не сдержавшись, продолжил возмущаться, — Нет, ну Николай — красивое, звучное имя! Так нет же! Надо мямлить, сюсюкать! Коленька! Юленька! Машенька... Хренашенька, блин! Бесит сука...

Эти имена, произнесенные в такой отвратительной манере, вызвали в душе бурный шквал негодования. Еще большее негодование вызывал тот факт, что это говорил я сам. Пусть и более взрослый и весьма странный, но я!

— Ладно, проехали, — стараясь сменить тон на примирительный, прохрипел старик, — Подойди ближе, мне говорить тяжело. Расскажу тебе сказочку на ночь.

Я с трудом выдернул ноги из илистой почвы болота, в которую успел увязнуть почти до щиколоток, и пошел на голос. Каждый шаг пробуждал болотные газы, скопившиеся в иле. Те с громким хлопанием вырывались наружу в виде массивных пузырей, которые лопались на поверхности воды. Вонь усилилась, и мне пришлось прикрыть нос рукавом, чтобы не стошнило.

— А наверху мы поговорить не могли? — продолжая идти, спросил я, и чуть не отпрыгнул в сторону, когда у самого уха услышал его хриплый голос:

— Не могли. Ты же знаешь, что не могли, — он вцепился в мое плечо, больно сжимая его худыми, узловатыми пальцами, — Дай за тебя ухвачусь, сил нет стоять.

Из его рта воняло. Так сильно, что смрад болота показался ароматом цветущего летнего луга.

Послышался шепот. Очень тихий. Едва различимый. Вначале, я даже подумал, что это снова старик, но уже в следующее мгновение понял, что шептало болото.

— Ну, вот, — с каким-то удовлетворением в голосе тихо просипел старший, — В этот раз даже как-то поздно началось. Я уж заждался.

Глава 4. Война

На этот раз ничего, кроме раздражения, шепот не вызвал. Ни страха, ни удивления. Будто встретил успешного надоесть назойливого знакомого, от которого давно знаешь, чего ожидать. Возможно, сказывалось чрезвычайное напряжение, связанное с появлением моего состарившегося двойника, а возможно я просто устал постоянно бояться и удивляться. Стараясь мысленно отмахнуться от этого звука, словно от назойливого комара, решил просто не обращать на него внимания, пока это было возможным. Но поступив так, мне все-таки пришлось в очередной раз удивиться, так как шепот тут же стал стихать и, спустя мгновения,

исчез совсем.

Старик хмыкнул и чуть ослабил хватку на моем плече.

— Удивлен? — не сдержавшись, спросил я.

— Есть немного. Обычно не уходит.

— Обычно?

— Уж мне-то можешь поверить. Я с ним уже лет двадцать знаком. Хотя, если честно, давно потерял счет годам. Даже не знаю точно сколько мне.

— И сколько у тебя... — я старался подобрать правильное слово. В голове крутилось слово «прыжков», но мне оно не понравилось, и я сказал, — Попыток?

— Прыжков. Я так это называю. Прыгаю туда-сюда. Ума не приложу, как и чем до сих пор дышу. Легкие гниют. С каждым разом все хуже.

— Так сколько?

— Я не считаю. Много. Может двадцать, может больше.

— И что ты хотел мне рассказать?

— А что хочешь узнать?

— Сколько их? Миров.

— Не знаю. Ни разу в один и тот же не попадал. Но одно тебе могу сказать точно — все они безумные. Каждый мир со своим сдвигом.

— Каждый раз в прошлое?

— В основном — да. Полгода, год — максимум. Зависит от того, сколько продержишься, не вдыхая воду. Однажды вдохнул почти сразу — прыгнул всего на месяц назад. Но пару раз и вперед бросало. Но недалеко.

— И что заставило прыгнуть первый раз?

Старик ненадолго умолк, затем прокашлялся, отдышался и спросил:

— Ты сколько раз прыгал?

— Один, — честно ответил я.

— Так какого черта задаешь дурацкий вопрос?

Меня прошиб холодный пот от внезапной догадки. Не-е-ет! Этого просто не могло быть! Так не должно быть! Выходило, он уверен, что первый прыжок совершил по той же причине, что и я. Значит, он и в самом деле мог оказаться мной! Полноценным мной, только множество раз прошедшим через омут и вернувшимся повторно в этот мир! А если так, значит, меня в ближайшие десятилетия ждет его судьба? Ужасная жизнь скитальца, не способного найти ту жизнь, которую однажды потерял.

— погоди! Ты... Ты из какого мира? — спросил я, и голос предательски дрогнул.

— А ты смешной, — в темноте я не мог разглядеть лица собеседника, но было слышно, что он улыбался, — Как я тебе должен это объяснить ты подумал?

— Понятия не имею. Но ты хотя бы попробуй. Я, например, попал сюда после гибели Маши и Юли. Хотел их вернуть, — говорить приходилось быстро, чтобы поскорее получить ответ на терзавший меня вопрос, — Прыгнул на полгода назад, но здесь... другие все. Бездушные какие-то, что ли... Они-то, конечно, живыми оказались, но только пустыми, как манекены. Даже не знаю, как сказать. Роботы!

— Ну, да! И прям так, из-за жены с ребенком — в омут с головой! Да? — он засмеялся, в голосе проскальзывало открытое недоверие, но, в то же время, чувствовалась какая-то неискренность.

Проигнорировав его вопрос, я продолжил выпытывать:

— Я так понимаю, ты по какой-то другой причине первый раз нырнул?

Старик помолчал. Он больше не смеялся. Его пальцы сильнее сжали мое плечо. Шумное дыхание явно участилось. Он нервничал.

— По другой... — тихо проскрежетал хриплый голос и тут же возобновился тихий шепот болота.

Старик снова ненадолго смолк, и мне уже показалось, что я так и не дождусь подробностей. Но когда в голове уже созрел очередной вопрос, старик громко вздохнул, кашлянул и продолжил:

— Но тебе может не понравиться моя история, Коленька, — снова это ехидство в голосе.

— Мне в последнее время вообще мало что нравится. Так что не стесняйся. Стерплю и это.

— Как знать, как знать... — задумчиво протянул тот, — Только мне сначала в сторонку отойти надо. По нужде... Старость — не радость, знаешь ли. А ты сделай одолжение, постой тут, не уходи. Я ненадолго.

Он отпустил плечо и побрел к берегу, медленно переставляя ноги. Я остался стоять на месте. Болото продолжало тихо нашептывать. Старик явно что-то не договаривал и, судя по всему, сильно удивился моей истории про Машу с Юлей. Его не было минут десять. Я даже стал подозревать, что он уже не вернется. Однако скоро послышались шаги. Точнее, плеск воды от ступающих по ней ног.

— Ты еще здесь, Коля?

— Здесь.

Он подошел ближе. Я с трудом улавливал его силуэт в темноте. Снова на плечо легла рука. Отдышавшись, старик пробормотал:

— Теперь, Коля, я понял из какого ты мира. Знаешь, как я его называю? Тотальная спэсия. Место, абсурднее которого я не встречал нигде. А я, поверь, успел повидать... Твой мир — это место, в котором желание угождать себе за счет других настолько ослепляет людей, что они считают это высшей степенью своего собственного проявления. Они не отдают себе отчета, или просто не осмеливаются признаться в том, что чувство, называемое ими любовью — это, на самом-то деле, примитивное желание тешить свое эго за счет других людей. Эгоизм, возведенный в ранг религии! Я постоянно слышал от этих баранов о добрых поступках, которые они стремятся совершать, но ни один из них не способен был признаться самому себе, что все эти стремления — не более, чем примитивное желание самоутвердиться, потешить свое самолюбие, удовлетворить собственный эгоизм. Вот и ты, потеряв жену и ребенка, которые были тебе необходимы для удовлетворения моральных потребностей в понимании, в поддержке, еще черт знает в чем, вместо того, чтобы признать очевидное и найти себе других спутников для комфортной жизни, просто пошел и утопился. Вернуть их решил, да? Для себя! Но сам-то ты уверен, что для них старался. Так? И где логика? А нет ее. Сплошной самообман! Бред сумасшедшего! А сострадание!? О, это великое ничто! Если просто вдуматься в это слово! Сострадание! Вы каким-то непостижимым образом считаете логичным испытывать чувство страдания при виде страданий другого человека! Мало того, вы оказываете ему помощь и получаете от этого удовольствие! Удовольствие от страдания! Складывается такое ощущение, что если не останется страждущих, то вы просто все несчастными станете! Помогать-то будет не кому! Ай-яй-яй! Какая досада! Ваше эго просто разрывает на части от гордости, когда вы помогаете друг

другу! Вы так гордитесь тем, что поддерживаете немощных, сырых и убогих, что готовы отдавать ради этого собственные деньги! Я видел даже тех, кто отдавал последние деньги на лечение чужого ребенка! Бред! Абсурд! Как назвать вас нормальными?

Очередной приступ глубочайшего кашля заставил разошедшегося не на шутку старика прервать тираду, выдаваемую одним большим, протяжным залпом. Шепот болота не прекращался. Спустя минуту старик продолжил более спокойным тоном:

— Я прожил в твоей вселенной до две тысячи пятнадцатого. Не знаю, как я выдержал столько лет среди идиотов. Возможно, в какой-то мере помогла война, которая началась в четырнадцатом. Война, абсурднее которой, представить сложно. Она полностью соответствовала всему тому бреду, которым был пропитан весь твой убогий мир. Брат пошел на брата. Мы резали и рвали друг друга на куски за то, что одни хотели к умным, а другие — к красивым. Одни любили жить так, как привыкли, другие настаивали, чтобы все зажили так, как любят жить соседи. Колоссальное противостояние эгоизма двух армий сумасшедших! Одни воевали во имя торжества справедливости, оправдывая совершаемые убийства желанием помочь угнетаемым, другие вопили о сохранении целостности государства и считали, что смерти, которые они сеют, могут полностью оправдываться этой великой целью. И ни один придурок не мог себе признаться в том, что он воюет не «во имя», а «за». За себя любимого! Я воевал на стороне более логичных — сохраняющих целостность страны. У них-то хоть цель была прагматичная, понятная. Но те идиоты, которых мы периодически рвали, и которые периодически рвали нас, не переставали вопить о любви к ближнему даже на смертном одре. Твари тупоголовые!

Старик харкнул и с хрипом вздохнул:

— Ну что, Коля, угадал я с миром-то? — он довольно хихикнул и слегка похлопал меня по плечу.

Я молчал. И дело было даже не в том, что мне нечего было ему сказать, а, скорее, в том, что я просто не хотел ничего говорить этому человеку. Он, вдруг, стал мне совершенно не интересен. Ровно настолько, насколько может быть не интересной восковая фигура, изученная вдоль и поперек любопытным посетителем музея. Видимо, он это понял и сказал:

— Ладно, Колюня, вспоминай лето две тысячи восьмого. Ты тогда ездил на рыбалку, а потом сюда на разведку зашел. Керамику на поле искать. Алексей тебе наводку дал...

— Помню. Поле было под пшеницей. Я тогда даже прибор с собой не брал. Собрал несколько черепков и на станцию пошел. Мы с Лехой только в августе сюда вернулись, когда пшеницу убрали.

— На станцию... — задумчиво протянул мой собеседник.

Шепот болота усиливался. Мало того, я стал различать в его переливах некую системность. Создавалось впечатление, будто раз за разом повторяется один и тот же набор слов, произносимых в обратном направлении. Но разобрать, что именно я слышал, никак не мог.

— А я не вернулся... на станцию, — в его голосе послышались какие-то угрожающие нотки, — Я собрал черепки и собрался уходить, но услышал в поле сильный гул. Нарастающий такой гул. Как будто самолет летит. Я даже подумал, что это какой-нибудь фермер удобрения разбрызгивает или вредителей ядом травит. Только вот самолета никакого не было. А потом у меня волосы на голове трещать начали и все волосинки на теле дыбом встали. Гул стоял такой, что я не выдержал и побежал оттуда к чертям собачьим. Бежал к оврагу. И когда был уже у его края, сзади громко бабахнуло. Так бабахнуло, что в

ушах зазвенело. Я прыгнул вниз, скатился по склону. По пути рюкзак выронил. Сломал два ребра и в болото плюхнулся. Сидел в этой чертовой луже, корчился от боли и с ужасом слушал, как вокруг что-то шепчет. Сам не понял, как с головой ушел под воду. Дальше ты догадываешься... Вообще, Коля, миры не терпят двух одинаковых людей в себе. Каждый раз, когда я попадал в новый мир, оказывалось, что я там определенно когда-то жил, но теперь исчез. Не знаю. То ли тот я тоже в болоте тонул, то ли просто исчезал куда-то. Но я был в них единственным мною. Но иногда случалось и иначе. Попадаю в мир, а там ты. Живешь, здравствуешь. И все у тебя прекрасно, все замечательно. Жена, ребенок, работа хорошая. Наслаждаешься! Но, как я уже сказал, не терпят миры двоих. Как только я появлялся, ты обязательно приходил к одному и тому же — к болоту. Мне нужно было только ждать. Иногда, чтобы ускорить процесс, приходилось подталкивать. Улавливаешь о чем я, Коля?

Я настороженно всматривался сквозь непроглядную тьму в его глаза. Они, казалось, горели. Нет, не светились в темноте. Горели. Злостью, ненавистью. Было слышно, как он скрежещет зубами.

— Ну, что молчишь? Догадываешься откуда я? Из какого мира? Нет? Я подскажу, Коля. Я, сейчас пописать отошел и рюкзачок свой потерянный отыскал. Догадываешься где? Да-а-а, — он усмехнулся, — Аккурат там, где выронил, когда с поля бежал от грома. На склоне. Откуда мне было тогда знать, что это всего лишь мой слюнявый двойник из другого измерения вывалился?

Старик хихикнул, прокашлялся, обдавая вонью изо рта.

— Ну, что, Коленька? Понравилась тебе моя история?

Шепот все усиливался, иногда перерастая в скрежетание невнятных голосов. Я взял руку, лежащую на моем плече, за запястье и отвел в сторону. Пришлось приложить немалое усилие, чтобы оторвать ее от себя. Старик все не унимался, стараясь перекрикивать шум и периодически срываясь на истерический смех:

— А теперь, Коля, напряги единственную извилину в своем шизофреническом, тупом, нерациональном мозгу и задайся простым вопросом: кто убил твоих жену и дочь первого ноября? — с трудом сдерживаясь от смеха, он закончил фразу и только потом, брызнув мне в лицо слюной, разразился громким хохотом.

Я, оцепеневший, стоял перед корчащимся от смеха человеком, бьющимся в истерике. Он смеялся до рвоты, кашлял, орал, снова смеялся, кашлял и снова орал. Единственное, что мне в тот момент хотелось — это душисть. Раздавить! Уничтожить! Разорвать! Я до хруста костей сжал кулаки и сквозь крепко сжатые зубы прорычал:

— За что?!!!

Тот резко оборвал свою истерику и насмешливо прохрипел:

— Вот, что нас с тобой рознит, Коленька! Вот, чем ты и твоя поганая душонка отличается от меня! Не «за что?», а «для чего?»! Тупое ты создание! Для чего! Как вы, ублюдки, не понимаете очевидных вещей? Накой хрен ты был нужен в одном мире со мной? Накой хрен мне нужна была сумасшедшая жена? Или ребенок, который только и делает, что покрывает тебя слюной, стараясь понравиться своему папочке? Я родился и жил в нормальном мире! С нормальными людьми! У меня была нормальная семья! А ты — тварь — появился в нем и все обосрал! Из-за тебя я оказался среди семи миллиардов безмозглых, трусливых, лицемерных ублюдков! Ты, гнида, вылутился в тот день на поле! Ты, падла, сломал мне всю жизнь! Ненавижу, мразь!!!

Он приблизился вплотную и орал прямо в лицо. Смерд из его гниющих легких забивал

даже вонь болота. Мои кулаки налились свинцом, я почувствовал, как струйки теплой крови стекают из ран, продавленных ногтями на собственных ладонях. Вскинул руки к худой шее беснующегося, обхватил ее и изо всех сил сжал, стараясь повалить немощное тело на землю. Но, в тот же миг, ощутил острую боль в животе, которая разлилась обжигающим огнем внутри. Отпустив хрипящего старика, я приложил ладони туда, где было больно. Из живота торчала рукоять ножа. Я хорошо знал эту рукоять. Это был мой нож, который я всегда таскал с собой в рюкзаке. Болото больше не шептало. Оно вопило, выло, визжало отовсюду, повторяя и повторяя одно и то же, будто дьявольское заклинание:

— Есссаааахххх, шшшшааааасссс, аасссааааашшшш! Есссаааахххх, шшшшааааасссс, аасссааааашшшш! Есссаааахххх, шшшшааааасссс, аасссааааашшшш...

Глава 5. Зима

Старик смеялся и орал в такт чудовищным завываниям болота. Мне не было его видно, но судя по хлюпающим звукам, он, то ли прыгал, то ли танцевал от восторга, где-то совсем недалеко от меня. Не задумываясь о последствиях, я обхватил рукоять обеими руками и рванул от себя. Дыхание перехватило от невероятной боли, пронзившей все тело. Тут же последовал хлесткий удар по руке, и только что изъятый нож был выбит, отлетая в сторону. Старик бросился на меня с диким рычанием и сбил с ног, наваливаясь всем телом. Мы рухнули в зловонную жижу болота. Погружаясь в нее с головой, у меня перед глазами стояла лишь одна картина: серые лица Маши с Юлей, на которые ложатся крупные снежинки.

Его руки сомкнулись у меня на горле и сжались так сильно, насколько могли позволить старые, дряхлые мышцы. Сначала я пытался оторвать их от себя, но быстро понял, что теряю силы из-за кровотечения и недостатка кислорода, и решил действовать более радикально. Выбросив руки над собой и нащупав его морщинистое лицо, я вдавил большие пальцы во впалые глазницы. Пальцы с хрустом провалились внутрь черепа, увязая в мягкой плоти. Его хватка тут же ослабла. Воспользовавшись моментом, я вынырнул на поверхность и принялся жадно хватать воздух ртом. Не дожидаясь очередной атаки старика, я бросился на него, обхватив одной рукой шею, зажимая ее между плечом и предплечьем. Он сопротивлялся, стараясь скинуть меня со спины, но хватка была мертвой. Вскоре мой двойник бессильно рухнул на колени, слабо хрипя и агонизируя всем телом, а когда я уже перестал ощущать собственные руки, гудевшие от напряжения, он повалился в воду и затих. Я упал на него сверху, еще ощущая какое-то время редкие конвульсивные вздрагивания бездыханного тела. Через минуту исчезли и они.

Я бессильно распластался на мертвце. Благо, глубина позволяла это сделать. Только передохнуть не получилось. Вопль болота достиг своего апогея, отовсюду были слышны вой, крики, вопли и стоны. Подо мной снова вздрогнуло тело старика и, в следующий миг, будто бы исчезло из-под меня. Я снова оказался под водой, но больше не ощущал дна. Оно попросту исчезло, как и в прошлый раз.

Я тонул, извиваясь в плотной, грязной воде и не мог нащупать ни поверхности, ни дна. Сопротивлялся до последнего, но рефлексy взяли свое. Со временем я перестал себя контролировать и сделал первый вдох, впуская в легкие воду. Затем еще один. И еще. Горела грудь, горел живот. Сознание покидало...

Спазм. Вода потоком полилась изо рта, не давая сделать вдох спасительного воздуха. Еще спазм. Хрустнуло сломанное ребро, я ощутил безумную боль. Глаза, казалось, сейчас вывалятся из орбит. Попробовал опереться на руки, но те меня совершенно не слушались. Еще спазм и новая порция извергающейся наружу грязной воды. Наконец долгожданный

вдох и жуткая боль во всем теле.

Лишь окончательно прокашлявшись, заметил, как было холодно. Шел дождь вперемешку с крупными хлопьями снега. Меня трясло, и от этого рана болела еще сильнее. Я предпринял очередную одну попытку подняться. На этот раз получилось опереться на локоть. Огляделся. Сад. Полумрак. Не более чем в ста метрах от меня — двор. Я сразу его узнал. Собравшись с силами, очень медленно поднялся и, зажав рану ладонью, поплелся на ватных ногах к Гениному дому. Сильно кружилась голова. Жажда сводила с ума. Толкнув плечом калитку, ввалился во двор и, не удержавшись на ногах, тут же рухнул в грязь. Падая, зацепил висящее на заборе металлическое ведро, которое с сильным грохотом покатило по двору. На веранде загорелся свет, и в проеме двери появилось испуганное лицо комбайнера. Уже понимая, что теряю сознание, я улыбнулся: «Как же я, должно быть, достал этого человека, если бы он только знал...»

Сквозь какую-то пелену тумана до меня доносилась завывающая серена. Скорая неслась на всех парах по давно не отремонтированной дороге, сильно подсакивала на многочисленных ямах и ухабах, доставляя тупую, ноющую боль. Я открыл глаза. На меня испуганно смотрел Гена, сидящий рядом и нервно грызущий ноготь на большом пальце. Заметив, что я пришел в сознание, он засуетился и позвал врача. Затем сочувственно улыбнулся, утвердительно качнул головой, прикрывая глаза, и тихо сказал:

— Ничего, Колюня, все будет пучком, ели-пали... — и положил свою тяжелую руку мне на голову.

С трудом разлепив засохшие губы, я шепотом спросил:

— Какой год?

— А? — не расслышав вопроса из-за сильной тряски, переспросил комбайнер и почти вплотную приблизил ухо к моему лицу.

— Год какой? — повторил я.

— А! Две тысячи девятый. Январь, — затем обращаясь то ли к врачу, то ли к водителю машины, громко спросил, — Какое сегодня число?

— Девятнадцатое, — ответил женский голос и затем уже раздраженно, — Не тревожьте пациента. Ему сейчас нельзя говорить.

— Девятнадцатое, — тихо повторил Гена, наклонившись надо мной, — Девятнадцатое января две тысячи девятого, — он захлопал глазами, ожидая от меня новых вопросов.

Но вопросов у меня больше не было. Январь девятого. Тот самый день, когда я решил изменить свое прошлое. Похоже, все встало на свои места. Навсегда.

«Вот и все», — промелькнуло в голове, прежде чем я снова провалился в темноту, — «Все...»

Через пару недель я встал на ноги. Больничный двор был засыпан высокими сугробами. Снег валил всю неделю, не переставая. По всем признакам было ясно, что я нахожусь именно в том мире, в котором должен находиться. Это было заметно в каждой мелочи, в каждой детали. В каждой улыбке заботливой медсестры, в каждой фразе врача, просящего еще чуточку потерпеть и называющего меня не иначе, как «родной». Даже представитель милиции, записывавший мои показания, относительно характера ранения, проявлял искреннее сочувствие. И было так неприятно ему врать о внезапном нападении «неизвестных», которые хотели меня ограбить. На его расспросы о ближайших родственниках я, также, соврал, что являюсь одиноким сиротой и сообщать о происшествии попросту не кому. Мне очень не хотелось лишней раз волновать свою маму, которая и так

была обеспокоена состоянием сына в последние два месяца после гибели семьи.

Гена посещал меня с завидной регулярностью, несмотря на то, что каждый раз ему приходилось преодолевать колоссальное расстояние до города. Он заваливал меня килограммами мандаринов и гранатов, настойчиво заставляя восстанавливать с их помощью кровь. А еще он предлагал сообщить обо мне моим родителям или еще кому-нибудь из родных, но я всякий раз отказывался. Вот только слегка удивляло то, что Леха не кинулся меня искать. Ведь я пропал среди ночи...

Прошли еще две долгие, тягучие недели. Еще немного беспокоило сломанное ребро, но в целом здоровье удалось поправить. Меня выписали из больницы, и пришло время возвращаться домой. Я спустился вниз по лестнице. По той самой лестнице, с которой как-то кричал медсестре «я вас любил...» Вышел во двор больницы. Вокруг лежал снег. Деревья и кусты стояли без листьев. Несмотря на это вспомнился тот день, когда Гена привез нас сюда с Машей. День, когда Юльке стало плохо, и мама привезла ее сюда на скорой.

Потом вспомнилась Юлька. Та, что осталась там, в бездушном мире. Все время, что пришлось провести в больнице, я старался не думать о ней. Помогали соседи по палате, врачи, медсестры. Все эти дни у меня не было недостатка в общении. Я чувствовал себя не одиноким. Я это остро ощущал. Мне было с чем сравнивать. И я убежал от мыслей о моем солнышке. Но сейчас... Когда вышел во двор больницы, когда остался один на один со своими воспоминаниями, от мыслей о Юльке убежать не получалось. И стало стыдно.

Я не мог переубедить себя в том, что бросил ее. Оставил там наедине с холодным, пустым миром, наполненным живыми мертвецами. Предал. Убежал от нее.

А что, если можно было еще что-то исправить? Что, если изуверские методы «лечения» Регедий все же были не необратимыми? Что было бы, если бы я взял Юльку с собой в то болото? Попали бы мы с ней в этот мир? Приняла бы она его? Была бы она счастлива в нем?

Бесконечные вопросы с издевательским словом «если». Вопросы, на которые у меня нет, и никогда не будет ответов. Они будут до конца дней терзать меня и не давать покоя. Бесконечная пытка собственной совести. Мучительный кошмар, от которого теперь никогда не проснуться.

Поднимаясь на свой этаж, я повстречал соседа. Того самого Егора Семеновича, мимо которого сложно пройти не пообщавшись.

— О-о-о! — радостно воскликнул тот, приветливо расставляя руки в стороны, — Коленька! Здравствуй, дорогой! Как давно я тебя не видел! Я-то в больнице два с лишним месяца пролежал. Моторчик совсем плохим стал. Вот так... Вчера вот выписали. Но теперь говорят, буду бегать. Так что заходи на чай вечером. Сейчас печенья овсяного куплю и вернусь. Ты и приходи. Я тебе про бабульку одну расскажу. Лежала со мной в одном отделении. Одинокая бабка. Мужа год назад похоронила. Так, говорит, с хозяйством не справляется. Тяжело, мол. Ну, как бы намекает. А я возьми, старый дурень, да и ляпни: «Так я тоже мужчина еще хоть куда! И тоже вдовец!» — Егор Семенович засмеялся, — Так что я теперь вроде как жених, Колюня. На старости лет поджениться решил. А что? Поеду в деревню! Там воздух свежий! У нее две коровы! А бабулька — будь здоров! Разве только с сердцем мается, но так я тоже вот... Как ты вообще, Колюня? Похудел, что ли? Что-то не пойму...

— Да так, — продолжая пожимать руку добродушному деду, пожал плечами я, — Могло быть и хуже, если честно. По крайней мере, уже лучше.

— Как так? Приболел?

— Да всякое было. Расскажу как-нибудь. Может даже поверите.

Я улыбнулся, и Егор Семенович воспринял это, как приглашение к очередной задушевной беседе на ближайшие пару часов. Испугавшись такого поворота событий, я извинился и соврал, что очень спешу домой. Тут же стало стыдно, но для разговоров совершенно не было настроения. Да и о чем я сейчас мог говорить с хорошим человеком? Сосед понимающе закивал и пожелал доброго здоровья. Я ответил тем же, и уже хотел было продолжить подъем, как услышал щелчок замка.

Этот звук был до того знакомым, что я узнал бы его из тысячи других щелчков! Щелкал замок моей квартиры. Распахнулась дверь. На пороге, с повязанным черным платком на голове, стояла моя жена. Она смотрела на меня и плакала, сложив лодочкой ладони, прислоненные к лицу. Слезы текли нескончаемым потоком, придавая блеск ее изумрудным глазам. Дверь приоткрылась сильнее и из-за Машиной спины показалась кудрявая маленькая головка, с все больше и больше округляющимися глазенками. Юлька не выдержала первой:

— Папа!!! — пронзительно воскликнула дочка, оттолкнула Машу, протискиваясь между ней и приоткрытой дверью, и босыми ножками быстро зашлепала по каменной лестнице. Разбежавшись, подпрыгнула и повисла у меня на шее. Я обхватил дочь и очень крепко, но очень бережно прижал к себе. Маша, сбросила на пол черный платок и подошла, обнимая нас обоих. Вокруг нас прыгал обезумевший от радости Филька. Из-за спины послышался удивленный голос Егора Семеновича:

— О, как за папкой-то соскучились! Ох, и Юлька! Ох, и папина доча! Ну, будьте здоровы, пойду я... — он восхищенно хмыкнул на прощание и зашаркал вниз по лестнице.

Глава 6. Воскресенье

Что-то снова пошло не так. Я так и не смог вернуться туда, откуда начал свой странный, и в то же время страшный, путь. Но, Боже мой, как же я был этому рад! Смутно помню первые минуты встречи. Мы долго еще стояли, обнявшись на лестничной площадке. Маша все плакала и молчала, Юлька прыгала рядом и фонтанировала какими-то забавными песенками и стишками. А потом мы вместе пошли домой. И сидели на кухне до самого рассвета. И говорили, говорили, говорили.

Я так устал скрывать все, что накопилось внутри. Мне так нужно было выговориться! И я все ей рассказал. И о том ноябре, и об омуте, и обо всем, через что пришлось пройти. Маша слушала, не сводя с меня огромных глаз и только молча плакала. Я был уверен, что она не верит ни единому моему слову. Не знаю... Возможно воспринимает мои рассказы, как фантазию или галлюцинацию. Но только не верит!

Когда я закончил, жена встала с табурета, подошла и прижала мою голову к своей груди.

— Первого ноября мне позвонил наш участковый, — сказала она тихо, — Он сказал, что тебя сбила машина. Сказал, что ты погиб. А через два дня мы тебя похоронили. Юльке мы с мамой сказали, что ты уехал.

Я почувствовал, как по спине, вдоль позвоночника, стекает капелька пота.

— Мне каждый вечер казалось, что я слышу твой голос за дверью. Я выходила на лестницу, и даже иногда слышала шаги. Как будто ты спускаешься вниз. Думала, что схожу с ума. Но однажды выглянула в окно и увидела тебя. Ты вышел из подъезда и, как-то прихрамывая, пошел в сторону метро. Тогда я убедилась окончательно, что сумасшедшая.

— Когда ты видела или слышала меня в последний раз?

— Где-то, месяц назад, наверное. В середине января. Это было воскресенье.

— Девятнадцатого?

— Наверное. Точно не вспомню. Надо в календаре посмотреть.

— А ты уверена, что после того больше не слышала голоса?

— Да. Больше не слышала.

— Старик говорил, что миры не терпят двух одинаковых людей одновременно. Я попал сюда девятнадцатого. Тогда же исчез и голос. Ты слышала по вечерам того, кто убил меня здесь в ноябре. Он же убил и вас с Юлькой в моем мире. Этот человек приходил к тебе специально. Чтобы свести с ума, довести до... До веревки. Больше его здесь нет. И никогда не будет.

Я обнял ее и поцеловал. Больше мы никогда к этому разговору не возвращались.

Маша взяла неделю отпуска, и следующим же утром мы с ней поехали к маме. Мы очень переживали, что ее больное сердце просто может не выдержать очередного потрясения. Поэтому Маше пришлось долго говорить с ней, подготавливая к радостной новости, пока я сидел у подъезда на лавочке. Когда все было готово, жена должна была позвонить мне и пригласить подняться, но вместо этого мама сама выбежала из подъезда и почти бегом бросилась меня обнимать. Более счастливой я ее никогда не видел.

Кум Леха, когда увидел меня живым и здоровым, обниматься не бросился. Он встал на одном месте, как вкопанный, упер руки в бока, а потом улыбнулся и заплакал. Так и стоял, пока я сам к нему не подошел и не обнял. Он обозвал меня сраным мудаком, сильно хлопнул ладонью по спине и разрыдался окончательно. Такие вот мужские сопли получились. Пивом в тот вечер угощал он.

Дальше было много хлопот. Самым сложным оказалось — восстановить документы. Мы долго доказывали властям, что на самом деле в ноябре восьмого года погиб вовсе не я, а совершенно другой человек, очень сильно на меня похожий. Приводили свидетелей, подтверждавших, что я и есть я. С горем пополам все-таки добились восстановления документов, и я стал полноправным Семеновым Николаем Евгеньевичем.

В марте мы с Машей открыли небольшой продуктовый магазинчик, который впоследствии вырос до солидного гастронома. Дела идут неплохо. Маша даже подумывает уволиться с работы и приобщиться к семейному бизнесу. Но пока это только размышления.

Мы, наконец, купили машину. Я получил права и теперь просто не понимаю, как мы раньше обходились без колес. Особенно счастлив Фил. Наш барбос так любит ездить, что забраться в салон раньше, чем это сделает он, просто не возможно. Мы открываем ветровое стекло и его довольная, рыжая морда всю дорогу торчит наружу.

Юлька, по-прежнему, ходит в детский сад. Я читаю ей сказки на ночь и не устаю повторять, как люблю ее. Она считает меня лучшим папой в мире, жалуется на колючки на моих щеках, но все равно целует. А еще она заметила, что мне нравится, когда она щекочет мой нос рыжими кудряшками, и теперь делает это специально. Даже когда я после трудного дня засыпаю перед телевизором.

Мы всей семьей ездим в гости к Гене. Можно даже сказать, что его семья стала для нас родной. Юлька подружилась с его детьми и часто просится остаться с ними у Гены на лето. Мы с женой категорически ей отказываем. Каждый раз, когда она устраивает такие спектакли, я смотрю в сторону поля, за которым темнеет посадка, и слышу отвратительный шепот. Он зовет, приглашает, настаивает. Я представляю, как Юлька идет по полю, подходит к краю балки и смотрит вниз. В эти моменты я готов кричать от ужаса, и тогда уже никакие доводы не способны убедить меня оставить дочь без присмотра даже на день.

В мае две тысячи десятого я сел в машину и поехал на проспект Академика Павлова.

Там, на большом, оживленном перекрестке, за бетонным забором, меж старых зеленеющих деревьев стоят корпуса городской психиатрической больницы. Я въехал на парковку и заглушил двигатель.

Корпус экспериментальной психиатрии должен был находиться в дальнем конце комплекса. С парковки, за плотно растущими деревьями и хозяйственными постройками, его видно не было. Я медленно побрел по протоптанной тропинке, по пути, зачем-то, рассматривая давно нестриженные газоны, а когда пришел туда, куда хотел, то понял, что здесь нет даже намека на новую постройку.

На том месте, где должно было находиться красивое, холеное здание, стоял покосившийся от времени и упадка сарай. На его двери висел огромный, ржавый замок, а шифер на крыше местами раскрошился и покрылся густым мхом.

Я немного потоптался на месте, обошел сарай и оказался на лужайке, на которой меня выгуливали, будто старика в доме престарелых. Никаких скамеек, а тем более, стриженного газона и асфальтированных дорожек, здесь, конечно же, не было. Упадок и запустение. Я смотрел на это все и впервые в жизни радовался разрухе.

Усмехнувшись собственным мыслям, побрел обратно. За деревьями виднелись высокие стены корпуса судебной психиатрии. Я быстро отвел взгляд и тяжело вздохнул. Корпус был таким же, каким я его видел девять месяцев назад.

Проходя мимо одного из корпусов, увидел, как у его входа паркуется ярко-красная «Мазда». Водительская дверь открылась, и из машины вышла знакомая фигура. Деловой костюм идеально сидел на красивых формах ухоженной женщины. Тонкие каблук громко цокали по асфальту. Я остановился и, не мигая, смотрел на нее.

Аглая тоже меня заметила и вопросительно вскинула брови. На лице засияла вызывающая панику улыбка.

— Простите, — сказала она, — Вы меня ждете?

— Нет, — сказал я, не отвечая на ее радушие, — Просто мимо шел. Но раз уж мы с вами встретились, то хотел бы кое о чем спросить.

Она удивленно хмыкнула, стала, вдруг, серьезной и проявила внимание, склонив голову набок.

— Вы ведь Аглая Рудольфовна, верно?

— Да. Мы знакомы?

— Нет. Лично не знакомы. Но я много знаю о вас.

— Интересно. И о чем же вы хотели спросить?

— Ваша работа... Я имею ввиду научную работу. Какова ее тема?

Она смутилась, нахмурилась и уставилась на меня непонимающим взглядом.

— Простите, вы пишете диссертацию?

— Вы меня явно с кем-то путаете, — улыбка снова появилась на ее лице, но на этот раз растерянная. На миг мне показалось, что она даже немного меня боится.

— Это значит — нет?

— Нет, конечно! С чего вы вообще взяли, что я занимаюсь наукой?

— Но вы же медик? Психиатр?

Она засмеялась.

— Нет! Если бы не мое редкое имя, которое вам откуда-то известно, я бы решила, что вы ошиблись. Может, объясните что происходит?

— Не занимайтесь психиатрией, Аглая. Не ваше это.

Она скривилась, явно подозревая, что встретила с пациентом больницы, нажала на кнопку сигнализации, зачем-то извинилась и подиумной, неспешной походкой пошла ко входу в корпус. У самого крыльца каблук попал на неровность в асфальте, нога подвернулась, но Рееция успела ухватиться за перила и удержать равновесие.

— Черт... — ругнулась она и обернулась ко мне, — Я не медик и не ученый. У меня муж здесь работает. Если будете за мной следить, я попрошу, чтобы он с вами поговорил.

Я усмехнулся, махнул на прощание рукой и пошел к выходу, по пути размышляя, как же сильно меняет людей одна единственная составляющая.

На парковку въехал небольшой автозак. Из кабины выбрались конвойные. Когда один из них открыл дверцу будки, а из нее вышел крупный мужчина с коротко стриженными волосами, я его не узнал. На руках были надеты наручники, но он всем своим видом демонстрировал непоколебимое достоинство.

Леха!

Я чуть не подпрыгнул от волнения. Это же Леха! Тот самый! Сосед!

Тем временем конвоиры указали ему в сторону корпуса судебной психиатрии и все трое двинулись туда.

— Леха! — выкрикнул я, не сдержавшись.

Тот замер, медленно обернулся через плечо и посмотрел на меня. Его нахмуренный лоб выдавал непонимание.

— Ты молодец! Слышишь? Ты — молодец! — я, от чего-то, испытал настоящую радость. Ни наручники на руках этого человека, ни его хмурое выражение лица не могли испортить этого чувства. Я увидел Леху! И он живой!

— Пошел ты, мудило, — сказал он, отвернулся и пошел дальше.

А я стоял возле своей машины и почему-то смеялся, хотя хотелось плакать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net